ДАНИЛЬЧЕНКО Сергей Леонидович

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕЙ И СОЦИАЛЬНЫМ СНАБЖЕНИЕМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПа (1921-1929 гг.)

Севастополь- Уфа

2016

УДК 329
ББК 66

Рецензенты:

А.А. Олейников

Доктор экономических наук, профессор,
Действительный член Российской Академии Естествознания
Заслуженный деятель науки и образования РАЕ,
Действительный член Академии философии хозяйства и
Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова

И.И.Козубенко

Доктор исторических наук, профессор,
Действительный член Российской Академии Естествознания
Заслуженный деятель науки и образования РАЕ,
Почетный профессор Афинского национального университета
им. Каподистрии (Греция)

Данильченко С. Л. Система управления внутренней торговлей и социальным снабжением в советской России в условиях НЭПа (1921-1929 гг.) . Монография. – Уфа: Аэтерна, 2016. – 362 с.

ISBN 978-5-906887-55-9

Монография посвящена изучению основных тенденций развития внутреннего рынка Советской России в 1921-1929 гг. С опорой на комплекс документов обобщен и проанализирован исторический опыт партийно-государственного руководства внутренней торговлей и социальным снабжением населения Советской России в условиях НЭПа. Высокий уровень социального обеспечения граждан в любой стране является залогом общественной стабильности. Несмотря на стремительное расширение внутреннего рынка товаров и услуг за последние годы, данная проблема сохраняет свою актуальность в современной России.

Материалы монографии могут использоваться для подготовки научных и учебно-методических работ, преподавания в образовательных организациях при обучении административно-управленческих работников, экономистов, юристов, историков, политологов, социологов и т.д.

УДК 329
ББК 66

ISBN 978-5-906887-55-9

© Данильченко С. Л., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ I. Системное исследование механизма управления внутренним рынком и социальным снабжением Советской России в годы НЭПа 11

РАЗДЕЛ II. Приоритетные направления большевистской политики в сфере внутренней торговли и социального снабжения населения 1921-1929 гг 110

РАЗДЕЛ III. ВСНХ в системе управления социальным обеспечением Советской России в условиях НЭПа 158

РАЗДЕЛ IV. Деятельность Наркомата внутренней торговли в условиях новой экономической политики 197

РАЗДЕЛ V. Государственный контроль на рынке сельхозпродукции и снабжение населения продовольствием в 1921-1929 гг 241

РАЗДЕЛ VI. Социальное обеспечение в Советской России в оценках населения 280

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 306

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 328

Светлой памяти моей мамы, Данильченко Ларисы Карповны, посвящаю эту книгу…..

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы монографии определяется необходимостью разработки новой модели развития внутреннего рынка в Российской Федерации, основанной на эффективном сочетании свободы внутренней торговли и жесткого государственного контроля над сферой снабжения граждан товарами широкого потребления. Высокий уровень социального обеспечения граждан в любой стране является залогом общественной стабильности. Несмотря на стремительное расширение внутреннего рынка товаров и услуг за последние годы, данная проблема сохраняет свою актуальность в современной России.

Особый интерес подобная постановка проблемы приобретает в связи с тем, что в условиях НЭПа лидеры советского государства решали задачи, схожие с теми, которые сегодня стоят перед современным руководством страны. В 1920-е гг. новые рыночные отношения требовали активного государственного вмешательства в процесс организации внутренней торговли и социального обеспечения граждан Советской России. На современном этапе также необходимо привести в соответствие интересы государства и широких слоев общества, что позволяет говорить об актуальности нового обращения к достаточно изученному, что ранее не вызывало сомнений, этапу истории российского общества.

В годы перестройки и экономических реформ 1990-х гг. исторический опыт НЭПа был востребован как очевидная альтернатива советской системе хозяйствования. На современном этапе уже отсутствует острая необходимость на исторических примерах доказывать высокую эффективность рыночных способов ведения хозяйства и развития частной инициативы. Для современной российской власти намного актуальнее исследова-

ние перспективных моделей организации внутренней торговли и социального обеспечения, особенно в переломные, послекризисные периоды истории. НЭП, ставший для советской экономики очевидным выходом из кризиса революционной разрухи и гражданской войны, явился результатом сочетания высокоэффективной рыночной модели и сильного аппарата государственного экономического управления, основанного на принципах структурной иерархии и партийной дисциплины.

Экономическое развитие Советской России в годы НЭПа - одна из самых популярных и хорошо изученных проблем отечественной историографии. Значительный пласт научной литературы посвящен практически каждому аспекту развития рынка в 1921-1929 гг. Однако в большинстве случаев историки следили только за процессом реализации экономических решений партии и правительства, оставив в стороне своего научного внимания социальные последствия развития рыночной среды в 1920-х гг. Учитывая современный уровень развития исторического знания и количество собранных источников нэповского времени необходимо заполнить этот историографический пробел и воссоздать историческую картину функционирования внутреннего рынка и социального снабжения в Советской России в 1921-1929 гг.

Историография проблемы характеризуется крайней неравномерностью в исследовании отдельных вопросов, что объясняется не только и не столько уровнем развития исторической науки, сколько политической конъюнктурой в стране. Периодическое оживление интереса к различным аспектам истории нэповской модели внутренней торговли наблюдалось в 1920-е, 1960-е и в конце 1980-х гг. Историографическая база советской эпохи обладает большой познавательной и научной ценностью, в силу чего было бы опрометчиво пренебрегать ею в ходе современных исследований.

Подлинный прорыв в изучении развития внутреннего рынка в 1921-1929 гг. произошел в 1990-е гг., что было связано с поиском исторических

аналогий экономическим реформам переходного времени. Отказ от идеологических штампов и введение в широкий научный оборот новых источников, а также ранее засекреченных или просто игнорируемых историками документов, позволили наметить новые подходы к проблеме развития внутренней торговли и социального обеспечения граждан в 1920-е гг. Если в условиях советской действительности на первый план выходили сюжеты о преимуществах государственного распределения, то в 1990-е – начале 2000-х гг. ученые прошли путь от идеализации свободной рыночной среды к вполне адекватной оценке экономической политики советского правительства.

Подробный историографический обзор, проведенный в первом разделе монографии, показал, что проблема партийно-государственного руководства внутренней торговлей и социальным обеспечением граждан в годы НЭПа, несомненно, привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Существует обширный пласт литературы, посвященной экономическим реформам, функционированию рынка, финансовому контролю и другим проблемам. Вместе с тем, большинство имеющихся работ обходит стороной принципиальный вопрос создания в Советской России развитой и многоступенчатой системы социального снабжения, сочетавшей преимущества свободной рыночной среды и государственного распределения социальных благ.

Актуальность и научная значимость темы, ее недостаточная разработанность определили цель и задачи данного исследования.

Цель монографии – с опорой на комплекс документов обобщить и проанализировать исторический опыт партийно-государственного руководства внутренней торговлей и социальным снабжением населения Советской России в условиях НЭПа (1921-1929 гг.).

Поставленная цель потребовала решения следующих научных задач:

- выявить основные теоретические и методологические подходы ис-

торической науки к исследованию темы монографии, а также с привлечением широкого круга литературы и источников определить главные тенденции в развитии ее историографии;

- показать динамику уровня жизни населения Советской России в годы НЭПа и приоритетные направления государственной политики в сфере внутренней торговли и социального снабжения;

- выявить и показать роль ВСНХ в системе управления социальным обеспечением Советской России в условиях НЭПа;

- с использованием новых материалов рассмотреть главные направления деятельности Наркомата внутренней торговли в условиях новой экономической политики;

- раскрыть механизм партийно-государственного контроля на рынке сельхозпродукции и показать особенности снабжения населения продовольствием в 1921-1929 гг.;

- проанализировать динамику общественных настроений граждан Советской России и показать их оценки уровня и качества социального снабжения в годы НЭПа.

Выбор хронологических рамок - 1921-1929 гг. - в значительной степени продиктован спецификой самого предмета исследования. В это время шло становление основных базовых составляющих социалистического общества. С конца 1917 г. до начала 1921 г. закладка основ будущего хозяйства и распределения происходила в чрезвычайных условиях гражданской войны, что накладывало на этот процесс известные ограничения. Поэтому, несмотря на то, что военный коммунизм во многом определялся большевистской доктриной, говорить об оформлении советской политики в сфере внутренней торговли и социального снабжения представляется возможным лишь применительно к началу 1921 г. В 1921 г. начался период хозяйственного восстановления. Переход к НЭПу был отмечен разнообразными противоречивыми тенденциями, борьба которых во многом пред-

определила будущую советскую экономическую политику и динамику развития внутренней торговли. В мирные 1920-е гг. динамика строительства внутреннего рынка в полной мере отражала борьбу программных положений большевистской партии с частной инициативой. Конец НЭПа ознаменовался «Шахтинским» и другими делами, усилением налогообложения и закрытием банковских кредитов для частников, установлением дискриминационных транспортных тарифов. Обозначение 1929 г. в качестве другой хронологической границы исследования связано с централизацией власти и перестройкой органов управления народным хозяйством в соответствии с нуждами индустриализации и коллективизации. С учетом этого история партийно-государственного руководства внутренней торговлей и социальным снабжением в 1921-1929 гг. может быть предметом самостоятельного исследования.

Научная новизна монографии определяется широтой и масштабностью поставленных исследовательских задач, решением крупной научной проблемы, ранее не подвергавшейся комплексному научному анализу. Обращение к системному исследованию принципов управления внутренним рынком и социальным снабжением Советской России в годы НЭПа позволило преодолеть характерный для отечественной историографии разрыв целостной по своей сути проблематики. В работе впервые основательно и всесторонне исследуется механизм социального обеспечения граждан, показана особая роль государства, претендовавшего на монополию в распределении материальных благ среди различных слоев советского общества.

Лидеры большевистской партии исходили из предпосылки о несовместимости социализма с торговлей, считая, что при социализме последнюю заменит организованное государственное распределение материальных ресурсов. Инструменты социального распределения при НЭПе в основном были приняты и развиты еще во времена военного коммунизма. В первой половине 1920-х гг. произошла их вынужденная адаптация к эко-

номическим условиям нэповского времени, что привело к неестественному и потому временному сочетанию развитых рыночных отношений с директивной системой централизованного снабжения.

Становление и развитие внутреннего рынка в начале 1920-х гг. являлось не результатом сознательного воздействия на экономику, а закономерным итогом активизации частных товаропроизводителей после завершения гражданской войны. Незначительное ослабление давления со стороны государства сразу дало заметный толчок процессу развития товарно-денежных отношений, а рыночные связи, часто расширявшиеся независимо от воли правительства, стали захватывать новые экономические сферы.

Система социального снабжения рассматривалась лидерами партии и правительства как один из основных методов классовой поляризации советского общества, в котором основная ставка делалась на пролетариат как наиболее перспективный класс советского общества.

В своей теории и практике экономического управления большевики абсолютизировали позитивные возможности государственного вмешательства в развитие внутреннего рынка страны, в связи с чем на протяжении 1920-х гг. наблюдалось сначала постепенное, а затем жесткое и бескомпромиссное вытеснение естественных рыночных механизмов и замена их централизованной системой государственного снабжения. Главная причина огосударствления системы распределения материальных благ заключалась в стремлении новой власти преодолеть опасность «мелкобуржуазного перерождения» неготовых к строительству социализма слоев общества.

Характерная для эпохи НЭПа противоречивость государственной идеологии и практики хозяйствования порождала многочисленные проблемы и противостояния, разрешение которых вызывало постоянную потребность государства маневрировать, искать компромиссные ходы, закрепляя каждый свой очередной шаг соответствующими правовыми документами и бесконечным реформированием системы органов управления,

функционировавших, в частности, в сфере материального обеспечения населения. Факты дублирования регулирующей деятельности различных органов управления внутренним рынком, главным образом ВСНХ, Наркомторг и Наркомпрод, что было связно с тенденцией роста контрольных функций государственного аппарата.

Мы исходим из гуманистической парадигмы, то есть из признания того, что главной ценностью общества является человек, а цель общества - создание условий для самореализации личности. В основе исследования лежат принципы историзма и научной объективности. Поставленные задачи решались на основе комплексного использования общенаучных методов - логического, исторического, структурно-системного, сравнительно-исторического. Специфика темы обусловила применение формационного и цивилизационного подходов. Их сочетание позволяет более объективно подойти к анализу партийно-государственного руководства внутренней торговлей и социальным снабжением в 1921-1929 гг.

Практическая значимость монографии состоит в том, что собранные материалы, полученные результаты и научные выводы могут быть использованы в деятельности государственных, в т.ч. финансовых органов.

Полученные результаты и научные выводы могут быть использованы в деятельности государственных, в т.ч. финансовых органов.

Материалы монографии могут использоваться для подготовки научных и учебно-методических работ, преподавания в образовательных организациях при обучении административно-управленческих работников, экономистов, юристов, историков, политологов, социологов и т.д.

РАЗДЕЛ I. СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИМ РЫНКОМ И СОЦИАЛЬНЫМ СНАБЖЕНИЕМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ НЭПа

Исследование принципов управления внутренней торговлей и социальным снабжением в годы НЭПа требует применения новых методологических подходов, выводящих монографию за рамки любых заранее заданных схем и стереотипов. При этом автор исходил из того очевидного факта, что в современном историческом знании все настойчивее проявляется тенденция к синтезу различных социологических и философско-исторических теорий, тенденция к их органическому соединению на новой концептуальной основе.[1] Особенно это актуально для исследования экономики нэповской России 1920-х гг., поскольку количество источников по истории данной темы нарастает лавинообразно. Совершенно прав В.О. Ключевский, подметивший: «В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений».[2] В своей работе автор стремился преодолеть данную порочную тенденцию.

Решение исследовательских задач осуществлялось на основе междисциплинарного синтеза, путем органического соединения подходов и выводов экономики, социологии, философии, аналитической психологии, литературоведения, лингвистики и других гуманитарных наук. Подобная методологическая позиция исходит из представления о сложности исторического явления, вмещающего в себя взаимосвязь и взаимообусловленность рациональных и иррациональных, объективных и субъективных факторов. Представляется, что это позволит избежать упрощения в осве-

[1] Актуальные проблемы теории истории: Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 45-103; Ковальченко И. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2. С.112 и др.

[2] Ключевский В.О. Сочинения. IX. М., 1990. С.372.

щении истории становления и развития аппарата управления внутренней торговлей Советской России в 1920-е гг.

Сочетание элементов различных теорий осуществляется в соответствии со спецификой поставленных исследовательских задач. При изучении истории советской экономической политики, управления народным хозяйством, социальным снабжением автор использовал категории синергетики: самоорганизации, устойчивого неравновесия, антиэнтропийного механизма, нелинейности, бифуркации. Использование данного понятийного аппарата способствовало превращению истории из преимущественно описательной в теоретическую науку, осваивающую сослагательное наклонение и сценарный подход. Современное историческое знание требует от историка при оценке событий отходить от прямолинейного сравнения предыдущего и последующего состояний, а настаивает сравнивать реальный ход событий с вероятным ходом событий при альтернативном ключевом решении. Постепенно нелинейное мышление становится отличительной чертой обновляющейся методологии истории.[3]

Многоаспектность смежных исторических дисциплин, их методология использовались автором при обобщении процессов в управлении экономикой и социальной сферой Советской России 1920-х гг. Известны трудности в исследовании большевистской политики, когда жесткие детерминистские модели, с одной стороны, оказываются несостоятельными при раскрытии уникального исторического опыта и преувеличивают социально типичное. С другой стороны, существует противоположная опасность - видение истории исключительно через призму уникально-

[3] Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2; Митина О.В., Петренко В.Ф. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации //Там же. 1995. № 5; Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика - ключ к теоретической истории? // Там же. 1996. № 4; Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Там же. 1997. № 2.

неповторимого. Чтобы пройти между этими крайностями, автор обращался к использованию теории этногенеза Л.Н. Гумилева и аналитической психологии К.Г. Юнга.[4] В исследовании использовались постулируемые категории этногенеза: суперэтнос, антисистема, но с попыткой снятия с них неоправданной абсолютизации и категоричности. С целью преодоления «однониточности» теории, пытающейся подвести универсальный базис под сложное многообразие истории, предпринята попытка развить указанные категории в направлении увязки их с ментальностью, с особенностями русского национального характера.

При решении поставленных задач и ориентации на новые подходы потребовалось использование методов и категориального аппарата других смежных общественных наук. Особо стоит отметить редкое по оригинальности исследование К. Касьяновой, посвященное характеристике психологических и культурных особенностей русского этноса, базирующееся на теоретических и эмпирических данных, полученных путем сравнения усредненных характеристик русских и американцев по шкалам миннесотского теста.[5]

В разрешении поставленных в работе сложных задач серьезным подспорьем и гарантом служат весьма разнообразные научные работы историков, философов, экономистов, психологов.[6] Кроме того, полезны и поучи-

---

[4] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1998; Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 71, 72, 73; Зеленский В.В. Послесловие // Там же. С. 278.

[5] Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994.

[6] Гуревич А.Я. История и социальная психология: источниковедческий аспект // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Он же. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6; Он же. История и психология // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4; Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический

тельны переведенные труды западных исследователей, посвященные российской истории.[7] Налицо тенденция к активизации изучения различных аспектов советской истории 1920-х гг. с привлечением достижений смежных наук. Конечно, пока не преодолена вполне объяснимая склонность переоценивать возможности данного методологического подхода в историческом исследовании, умозрительность, не преодолены трудности комментирования новых категорий документов. Последнее, по нашему наблюдению, является актуальной проблемой, поскольку здесь еще не сложилось традиции.

Историку, пытающемуся объективно изучить экономические и социальные процессы 1920-х гг., по нашему мнению, невозможно обойтись без привлечения литературоведческих научных трудов.[8] Интересны работы,

---

анализ советской истории // Вопросы философии. 1991. № 3; Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 20-е годы. Учеб, пособие. Новосибирск, 1992; Коротаев В.И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20-30-е годы). Учеб. Пособие. Архангельск, 1993; Горин Н. Особенности психологического склада жителей России // Вопросы экономики. 1996.. № 9; Майминас Е. Российский социально-экономический генотип // Там же; Ибрагимова Д.Х. Указ, соч. и др. Необходимо подчеркнуть особую роль А.Я. Гуревича в утверждении проблематики ментальности и психологии в отечественной историографии.

[7] Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879-1929. История и личность. М., 1991; Гараи Л. Психоэкономическая система большевистского типа // ПОЛИС. 1993. № 1; Брода М. История и будущее. Между панменталитетом и ментальным нигилизмом // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции в Москве, 29-31 окт. 1996. М., 1996; Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: Психоаналитическое исследование. М., 1996; Он же. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М., 1996; Тополянский В.Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М., 1996; Ноймайр Антон. Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон, Гитлер, Сталин. Ростов-на-Дону, 1997.

[8] Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. М., 1987; Аннинский Лев. Откровение и сокровение. Горький и Платонов

посвященные советской политической культуре и мифологическому сознанию, ритуалу.[9]

В целом авторское конструирование целостного облика советской политики в сфере внутренней торговли и социального снабжения в 1920-е гг. ориентировано на общеакадемические установки и научную объективность, внутреннюю непротиворечивость. Поиск исторической истины зависит не только от методологических подходов и субъективного восприятия историка, но и от состояния научной разработки темы исследования.

Автор учитывает, что переход к новой экономической политике создал совершенно новые условия для развития торговли, снабжения и удовлетворения потребительского спроса населения на промышленные и продовольственные товары по сравнению с предшествовавшим периодом. Именно в области торговли и снабжения введение НЭПа привело к наиболее быстрым и ощутимым результатам, непосредственно отражавшимся на повседневной жизни самых широких слоев населения.

Введение НЭПа означало отказ от централизованной системы распределения и снабжения периода «военного коммунизма» и ознаменовало собой начало восстановления и дальнейшего развития торговли. В августе 1921 г. на Пленуме Московского Комитета РКП (б) председатель Московского Совета Л.Б. Каменев начал свой доклад следующими словами:

//Литературное обозрение. 1989. № 9; Творчество Андрея Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж, 1970; А. Платонов - писатель и философ. Материалы дискуссии // Вопросы философии. 1989. № 3; «Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927-!932 годы // Новый мир. 1993. № 4; Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993; Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994; Спиридонова М. Горький: диалог с историей. М., 1994; Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997.

[9] Голосковер Я.Э. Логика мифа. М., 1987; Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996; Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.

«Наша новая экономическая политика провозглашена несколько месяцев тому назад. Главные декреты, которые определили новое направление экономической политики, были изданы позднею зимою и раннею весною этого года. Несмотря на это, развитие этой новой экономической политики ... идет сравнительно медленно, медленнее, чем это нужно для того, чтобы побороть ту хозяйственную разруху, которая вызвала эту новую экономическую политику».[10]

Действительно, перестройка экономики и промышленности проходила достаточно медленными темпами. На первоначальном этапе властям, прежде всего, предстояло решить три основные проблемы, связанные с острой нехваткой денежных средств, топливным, сырьевым и продовольственным кризисами. При этом одной из центральных задач была нормализация денежного обращения, изыскание средств для восстановления промышленности, необходимость укрепления рубля и замедление темпов инфляции.

К моменту введения НЭПа власти находились буквально на гране финансового банкротства и были не в состоянии ни выплачивать заработную плату, ни содержать школы и больницы, ни производить ремонта, ни заготовлять топлива, ни закупать сырья. Несмотря на то, что в начале 1921 г. ежемесячные государственные дотации были увеличены вдвое, при самом жестком режиме экономии, например, Москва нуждалась в сумме, превышавшей эти показатели в 2,5 раза.[11]

Как известно, одним из первых непосредственных результатов революции в экономической сфере стало прекращение взимания налогов. Отмена коммунальных платежей должна была способствовать выравниванию материального положения трудящихся, и в связи с этим они были освобождены от квартплаты, платы за водопровод, электроэнергию, канализа-

[10] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.11, д.47, л.25.

[11] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.11, д.47, л.2.

цию и газ. В 1920 г. была введена бесплатная выдача некоторых продовольственных товаров, а в 1921 г. - бесплатная выдача лекарств. На трамваях и по железным дорогам также ездили бесплатно, нередко встречались попытки брать товары в лавках, не платя за них. Поэтому в период «военного коммунизма» у власти остался единственный и главный источник дохода - печатный станок, что привело к колоссальной инфляции и полному обесцениванию рубля.[12]

Переход к НЭПу вызвал необходимость кардинального пересмотра всей налоговой политики государства. Уже в октябре 1921 г. на заседании Московской Губпартконференции подчеркивалось, что «главный и основной наш источник - налоговый пресс».[13] В течение 1921 г. были восстановлены платежи за жилплощадь, водопровод, электроэнергию и все остальные коммунальные услуги, введена оплата проезда на общественном транспорте. «Если желаешь пользоваться в советском государстве водою, квартирою, освещением, отоплением, изволь платить», - подчеркивалось на Московской партконференции осенью 1921 г.[14] Кроме общегосударственного обложения в Москве были также введены местные налоги.

Первоначально власти в налогообложении еще пытались сохранить дифференцированный подход. С этой целью предполагалось выделить группу рабочих крупных государственных предприятий, которая продолжала бы обеспечиваться государством на коммунистических началах. Им планировалось предоставить «и бесплатное жилище, и бесплатное освещение, и бесплатное отопление, и бесплатный проезд, и воспитание детей и все то, что необходимо».[15] Однако попытка осуществить такой социально-

---

[12] Черных А.И. Становление России Советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998, с. 236.

[13] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 13, л.2.

[14] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.11, д. 47, л.37.

[15] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 13, л. 37-38.

дифференцированный подход не удалась, и единственной налоговой льготой для этой группы рабочих оставалась возможность пользоваться в определенные часы бесплатным проездом на трамвае.

В целом же, налоговая политика тех лет представляла собой «элементарную грубую политику». «Деньги нам нужны, разбираться некогда», - подчеркивалось на Пленуме МК РКП (б). Председатель Моссовета Л.Б. Каменев отмечал: «Что касается налогов, то мы здесь проделали, кажется, в человеческих пределах все возможное. Мы ввели все те налоги, которые можно только придумать».[16] Так, например, был введен налог на кражи, согласно которому налог взимался с тех граждан, у которых что-либо украли. Таким образом, по словам председателя Моссовета, властям приходилось прибегать даже к «неприличным налогам».[17]

К моменту введения новой экономической политики продовольственное положение в стране оставалось крайне тяжелым. Продуктов катастрофически не хватало, и в феврале 1921 г. власти были вынуждены пойти на снижение норм выдачи хлеба. Рабочие группы «А» (стратегические крупные предприятия) вместо 600 г в день стали получать 400 г, а норма выдачи хлеба на остальных предприятиях составила всего лишь 133 г в день на человека.[18]

В конце марта 1921 г. было принято постановление о свободной покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, которые ранее нормировались. В крупных городах были отменены применявшиеся ранее меры пресечения в отношении мелких торговцев - «мешочников», а сами факты такой «спекуляции» перестали регистрироваться. Как сообщалось в отчетах: «В виду узаконения свободного товарообмена самое понятие о спекуляции в юридическом смысле слова должно радикально измениться. ... Го-

[16] Там же, лл. 19-20.

[17] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 13, лл. 19-20.

[18] Там же, С. 230.

ворить о наблюдаемых явлениях свободной торговли как о спекуляции в прежнем ее значении не приходится, и без установленного законом приказа теперь трудно отличить действительную спекуляцию от свободной торговли».[19]

Также отмечалось, что одновременно с разрешением продажи и обмена зерновых продуктов в городах и в уездах на рынке появилась масса предметов первой необходимости.[20] Однако в первое время приоритет отдавался не организации свободной торговли, а попыткам наладить прямой безденежный товарообмен. Аппаратом для его проведения должны были стать кооперативные объединения, которые с апреля 1921 г. получили право самостоятельно заготовлять сельскохозяйственную продукцию.

Летом 1921 г. часть фабрик и заводов была переведена на коллективное снабжение, когда за отдельным предприятием закреплялся определенный денежный и продовольственный фонд заработный платы, исчисляемый по наличному составу рабочих. Тем не менее, коллективное снабжение не удовлетворяло даже минимальных потребностей рабочих. Нередко за продукты, получаемые через фабрично-заводской кооператив, с них вычитали сумму, равную почти всему месячному заработку.[21] В связи с переводом значительного числа предприятий на коллективное снабжение были аннулированы продовольственные карточки и талоны на предметы первой необходимости, что вызвало дополнительное обострение продовольственного положения и встретило резкое недовольство со стороны рабочих.[22] В тяжелом положении оказались предприятия, переведенные на самообеспечение в условиях гиперинфляции, стремительного обесценивания денег, хронической задержки заработной платы и острого товарного дефицита.

---

[19] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 50.

[20] Там же, л. 20об.

[21] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 49, лл. 79,110.

[22] Там же, лл. 90,99.

К концу лета 1921 г. экономическая ситуация в стране заметно ухудшилась. По сообщениям чрезвычайной комиссии, продовольственное положение стало критическим, и из некоторых районов стали поступать сведения о голоде среди рабочих.[23] Особенно тяжелой ситуация складывалась на государственных предприятиях, рабочие которых составляли две категории: одни снабжались по карточке «А» (крупные заводы и фабрики), а другие коллективно. При этом ни те, ни другие «не получали ни денег, ни продовольствия как в порядке коллективного снабжения, так и по карточкам».[24]

К осени 1921 г. стало очевидным, что организация государственного снабжения сопряжена со значительными трудностями. Попытки наладить натуральный товарообмен через кооперативы из-за существовавшей острой нехватки промышленных товарных фондов и отсутствия соответствующего аппарата товарообмена не удались. Основным источником получения продовольствия становился вольный рынок, к которому рабочие могли прибегать все реже, «так как денег нет, а все, что можно было бы продать - давно продано».[25]

Главным способом снабжения для них стали коллективные или индивидуальные поездки в отдаленные регионы страны с целью самостоятельного товарообмена промышленных товаров на продукты питания. Как правило, предметы для обмена рабочие изготавливали сами или использовали выдаваемую им в качестве «натурпремий» часть изделий, производимых на предприятии (ситец, мыло, гвозди и т. п.).[26] Несмотря на то, что заградительные продовольственные отряды были сняты еще ранней весной 1921 г., поездки за продовольствием были сопряжены с целым рядом

[23] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 62.

[24] Там же, д. 49, л. 224.

[25] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 160.

[26] Там же, л. 63.

трудностей. Рабочие были обязаны получить разрешение и специальные пропуска, что удавалось далеко не всегда.

Так, летом 1921 г. на фабрике Прохоровской мануфактуры началась забастовка, главным требованием которой стала выдача проездных документов на 3500 человек, в то время когда фабрично-заводской комитет давал лишь 100 документов.[27] Подобная ситуация была характерна для целого ряда крупных предприятий, например, для завода «Динамо» и завода Бромлей, работа на которых была приостановлена «вследствие тяжелой выдачи пропусков для поездок».[28]

Но, даже получив соответствующее разрешение, рабочие должны были двигаться только по предписанным маршрутам, в связи с чем возникал целый ряд сложностей из-за несогласованности действий в Центре и на местах. Как правило, группы не пускали дальше Харькова, поэтому там наблюдалось огромное скопление людей, находившихся в крайне тяжелых условиях.[29] Но, несмотря на все трудности, самостоятельные походы рабочих за продовольствием в различные регионы страны приобрели невиданный размах. В одном из них участвовало свыше 13.000 человек, направившихся не в ближайшие хлебные губернии, а в Ташкент. Эта поездка, как и многие другие, оказалась неудачной. Рабочие возвращались с пустыми руками обратно, не доехав до цели своего путешествия и «проевши дорогой большую часть своих товарных фондов, потеряв многих товарищей жертвой эпидемий и привезя с собой больных».[30]

Наряду с поездками за продовольствием, еще одним из способов самоснабжения были так называемые «коммунальные огороды», организованные на отдельных предприятиях, на которых работало до 3/4 общего

[27] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 49, л. 44.

[28] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 46, лл. 76, 94.

[29] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 40об.

[30] Там же, л. 49.

числа рабочих.[31] Огородничество получило большое развитие на окраинах городов, в рабочих поселках и пригородах. Как подчеркивалось в донесениях, «питание рабочих ... в значительной степени поддерживается огородами».[32] Широкое распространение приобрела еще одна форма «самоснабжения» - систематические хищения с предприятий. Промышленные изделия, добываемые подобным образом, в дальнейшем обменивались рабочими на продукты.

Конфискации имущества также стали одним из своеобразных способов снабжения промышленными товарами и предметами первой необходимости. Часто рабочие требовали выдачи имущества бывшего владельца предприятия и, как правило, их требования удовлетворялись.[33]

Неудачные попытки наладить централизованную систему натурального товарообмена через посредство кооперации обусловили переход к денежному обмену и необходимость регулирования свободной торговли и денежного обращения. С осени 1921 г. активно начала развертываться государственная и кооперативная торговля. Для осуществления более четкого контроля над рынком была проведена реорганизация торговых органов и укрупнение кооперативных объединений. Первичные кооперативы были объединены Московским потребительским обществом (МПО). МПО открыло сеть новых универсальных магазинов, были восстановлены Верхние и Средние торговые ряды, Лубянский пассаж. Открыли свои магазины и крупнейшие первичные кооперативы - ГУМ. Государственные магазины в основном специализировались на продаже винно-водочной продукции, мехов, ювелирных украшений, антиквариата, книг и предметов производственно-технического назначения. При этом большая часть представленной продукции оставалась недоступной для широких рабочих масс.

---

[31] Там же, л. 81.

[32] Там же, л. 160.

[33] Там же, лл. 27, 50.

Главную роль в снабжении населения продовольственными и промышленными товарами играл частный сектор. Частный капитал концентрировался в сфере товарооборота, преимущественно в розничной торговле. К 1 января 1923 г. в Москве имелось уже 27 753 торговых пункта, принадлежавших частным лицам. Преобладала палаточная и ларечная торговля. Основная масса населения отоваривалась на рынках, в мелких лавках и магазинах, составлявших около 96,7% от всех частных торговых заведений города.[34] Большинство приобретавшихся в них промышленных изделий было кустарного производства.

Несмотря на успешное развитие торговли, к осени 1922 г. в партийных документах констатировалось наличие в стране широкомасштабного экономического кризиса.[35]

Тарифные ставки на предприятиях далеко отставали от уровня прожиточного минимума. Отсутствие индексации заработной платы в условиях инфляции и одновременный рост рыночных цен вызывали крайнее обострение ситуации. Очень тяжелым было положение на государственных заводах и фабриках. Задержка выплаты жалования на 4 - 5 месяцев становилась обычной практикой, а материальное снабжение рабочих этой группы продолжало оставаться неудовлетворительным. Но даже на тех предприятиях, где выдавались пайки, это не всегда смягчало остроту ситуации. Продукты часто оказывались недоброкачественными и не всегда нужными рабочим. По сведениям ГПУ, паек становился «предметом обогащения спекулянтов, которым рабочие вынуждены продавать за бесценок получаемые продукты, хотя бы для того, чтобы возместить себе вычеты за них, исчисляемые иногда по рыночному кодексу цен».[36]

---

[34] История Москвы. М, 2003. С. 244, 259.

[35] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 3, д. 35, лл. 2, 6.

[36] Там же, л. 9.

Цены в кооперативных магазинах ничем не отличались от рыночных, а иногда и превосходили их, что определяло недееспособность потребительской кооперации. Как отмечалось в документах ГПУ, рабочие на государственных заводах и фабриках «за отсутствием средств к существованию нередко вынуждаются либо к расхищению продуктов производства и оборудования предприятий, либо к массовому уходу с предприятий в торговлю и на частные предприятия».[37] В уездах многие спасали себя от голода только связью с деревней или огородничеством.[38]

В 1923 г. экономическая ситуация продолжала оставаться крайне тяжелой. Расхождение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, так называемый кризис «ножниц цен», носил общероссийский характер. Небывало высокий уровень цен на промышленные товары в условиях низкой покупательной способности населения вызвал кризис сбыта, следствием которого стало значительное сокращение товарооборота. Осенью 1923 г. только за два месяца торговый оборот кооперации упал на 75%, государственного сектора - на 33%, частного - на 28%.[39]

Выходом из кризиса стал переход к государственному регулированию ценообразования, начавшийся с принудительного понижения розничных цен. При РКП (б) были организованы специальные комиссии по борьбе с дороговизной. Цены снижались преимущественно в государственной и кооперативной торговой сети на продовольственные товары первой необходимости - соль, сахар, чай, а затем на целый ряд промышленных товаров - одежду и обувь, мебель, посуду, лекарства.

Одним из следствий экономического кризиса 1923 г. стало развертывание полномасштабного наступления на частный сектор. Перед Наркоматом внутренней торговли была поставлена первоочередная задача вытес-

[37] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 3, д. 35, л. 9.

[38] Там же.

[39] Торгово-промышленная газета, № 265, 23 ноября 1923 г.

нения частника и овладения рынком. Фактически ограничение свободного рынка началось сразу после введения НЭПа. Уже весной 1922 г. на XI съезде РКП (б) В.И. Ленин сделал заявление о необходимости прекращения отступления и перегруппировке сил для последующего наступления на капиталистический сектор. Первые большие судебные процессы над частными предпринимателями состоялись еще зимой 1921/1922 г.

Наступление на частный капитал продолжалось в течение всех 1920-х гг. и усиливалось по мере восстановления экономики страны. На первоначальном этапе борьба велась преимущественно экономическими методами: путем увеличения налогообложения и сокращения банковского кредитования, лимитированием снабжения частных предприятий сырьем и введением ограничений на транспортные перевозки частных грузов.

К середине 1920-х гг. свернули свою деятельность многие торговые заведения и фирмы. Одновременно шел процесс ослабления частной промышленности. Ее доля в валовой продукции сократилась с 7,3% в 1923/24 г. до 5,4% в 1924/25 г.[40] Во второй половине 1920-х гг. к экономическим методам прибавились меры административные, носившие уже не эпизодический, а массовый характер. В 1927 -1928 гг. начались массовые аресты и конфискации, означавшие отказ от постепенного вытеснения частника и начало стремительного разрушения рынка, связанного с окончательным формированием плановой централизованной системы в экономике.

Следствием наступления на частный капитал стало появление уже в 1924 г. проблемы «товарного голода».[41] Заметны стали перебои с продовольствием, но особенно остро проявлялась, нехватка промышленных товаров, прежде всего текстильной продукции. У магазинов появились длин-

[40] Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник, 1923/24 - 1927/28 г. М., 1929, С. 319.

[41] История Москвы, С. 277-278, 287.

ные очереди - «хвосты», ставшие неотъемлемой частью городского образа жизни.

Начиная с середины 1920-х гг. продовольственные затруднения становились все более отчетливыми, значительное же ухудшение ситуации возникло в 1927 г. Стояли многочасовые очереди за всеми основными продуктами питания: маслом, мясом, молоком, крупами, картофелем, макаронами и яйцами. Драки, давка и скандалы в магазинах становились обычным явлением.

Быстро нараставший товарный дефицит усугублялся денежной эмиссией и ростом инфляции, приводившей к потере покупательной способности рубля. Форсирование индустриализации и кризис хлебозаготовок 1927/28 г., сопровождавшиеся началом массовых репрессий против частников, торговцев и крестьянства, еще больше обостряли ситуацию. Частные предприниматели стали уходить с рынка, что вело к разрушению внутреннего товарооборота, когда тысячи людей теряли привычные источники снабжения. Слабое развитие государственно-кооперативного сектора торговли создавало условия для быстрого нарастания товарного дефицита.

Во многих районах образовались так называемые «пустыни» - области, в которых частные заготовители и торговцы уже исчезли, а государственно-кооперативная торговля еще отсутствовала. Даже в Москве, которая снабжалась лучше других городов, государственная и кооперативная торговля работала с большими перебоями, обеспечивая всего около трети потребности населения в продуктах. Дальнейшее наращивание темпов индустриального строительства, ознаменовавшееся принятием в конце 1928 г. оптимального плана индустриализации, приводило к углублению дисбаланса в развитии экономики.

В 1928 - 1929 гг. продовольственная ситуация продолжала ухудшаться. Новый кризис хлебозаготовок 1928/29 г. и продолжавшееся наступление на частный сектор и крестьянство с одной стороны, нараста-

ние индустриального бума и резкое увеличение численности городского населения - с другой, обуславливали дальнейшее ухудшение продовольственного положения. Особенно остро ощущалась нехватка хлеба и муки. Необходимо отметить, что хлеб, всегда занимавший в рационе рабочих особое место, становился в периоды продовольственных затруднений основной, а иногда и единственной пищей. По словам самих рабочих, они за завтраком съедали от половины до целого килограмма хлеба.[42]

К осени 1928 г. запасы хлеба в рабочих кооперативах были исчерпаны почти полностью, и многие из них оказались перед угрозой закрытия. В отдельных районах выпечка ржаного хлеба была приостановлена, из-за нехватки зерна была прекращена продажа муки. Происходило значительное сокращение домашней выпечки, остававшейся в 1920-е гг. одним из важнейших элементов в структуре питания населения, как сельских регионов, так и городов.

Возник ажиотажный спрос на хлеб, и к зиме 1928 г. страну охватила «хлебная лихорадка». Многочисленные сводки ОГПУ свидетельствуют о разгромах хлебных магазинов и палаток, о драках и давках в очередях за хлебом. Рабочие бросали работу и уходили с предприятий для того, чтобы занять место у прилавка. Ситуация усугублялась потоками приезжих из соседних областей, скупавших и вывозивших хлеб.

Острый товарный дефицит вызывал необходимость введения нормирования продажи продовольственных товаров. Зимой 1928/29 г. кооперативы ввели неофициальные нормы отпуска хлеба - по 2 кг ржаного и не более 3 кг белого «в одни руки». В первую очередь снабжались рабочие, их хлебные нормы превышали нормы служащих и остальных групп населения. В феврале 1929 г. появилось официальное постановление о введении хлебных карточек, а сами карточки - заборные книжки, стали действо-

[42] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999, С. 60-61.

вать уже с середины марта. Москва, как индустриальный центр, получила особый статус в новой системе государственного снабжения. Нормы выдачи хлеба в столице были выше, чем в других промышленных городах. Так, предельная норма выдачи хлеба для московских рабочих составляла 900 г хлеба в день, а для членов рабочих семей и служащих - 500 г. Реальные нормы были меньше указанных в постановлении предельных норм и составляли 800 г хлеба в день для рабочих и 400 г для служащих. С введением карточек хлебное положение в Москве, как и в других крупных городах, несколько нормализовалось.[43]

В начале 1929 г. снабжение продовольственными товарами заметно ухудшилось. Разрушение крестьянского рынка, уменьшение посевов сахарной свеклы и крупяных культур вызвали «сахарный» и «крупяной» кризисы. Репрессии против крестьянства сопровождались также резким сокращением мясных ресурсов, следствием чего стал сильнейший «мясной кризис». Уже весной 1929 г. возник острый дефицит мясомолочных продуктов. Поставки в рабочие, кооперативы мяса, масла и молока иногда полностью прекращались, а завоз остальных продуктов питания носил случайный характер. Нараставший дефицит продовольственных товаров сопровождался быстрым ростом цен и дороговизны. В этих условиях, начиная с зимы 1928/29 г., в кооперативах по предприятиям и районам стали вводиться временные ограничения на покупку отдельных товаров.

Весной 1929 г. утвердились нормы продажи основных продуктов питания и товаров первой необходимости. «В одни руки» отпускалось не более одного десятка яиц, 0,5 л растительного масла, 400 г. макарон, 500 г. масла, 50 г. чая, 2 кг. сахара, 1 кг. мяса. Что касается промышленных товаров, то, например, хозяйственное мыло можно было приобрести лишь по кооперативной книжке в расчете 1 кг. на три месяца на человека. Ткани

[43] Осокина Е.А. Указ, соч., С. 61, 66-67.

также покупались по книжкам, хлопчатобумажные - 12 м. на 3 месяца. Остальные товары продавались только по специальным талонам.

Нормирование товаров продолжало развиваться в течение всего 1929 г., что позволяет говорить о постепенном формировании карточной системы снабжения и соответствующей системы распределения, основанной на принципе социальной дифференциации. Уже в октябре 1929 г. появились первые официальные постановления о нормах снабжения по основным продуктам питания: хлеб, крупа, сахар, чай, сельдь, масло, мясо, яйца. Постановления официально утвердили и регламентировали уже существовавшую практику снабжения. В созданной системе распределения рабочие имели ряд преимуществ по отношению к другим слоями населения. Нормы, установленные для рабочих, были выше их фактического потребления в 1928/29 г. и выше, чем нормы других групп трудящихся. Так, рабочий получал, 200 г мяса в день, служащий - только 100 г. Несмотря на введение системы нормирования, осенью 1929 г. продовольственная ситуация продолжала ухудшаться, что приводило к дальнейшему сокращению норм отпуска целого ряда продуктов питания.[44]

Своеобразная двуликость и противоречивость государственной идеологии в сфере хозяйствования порождала многочисленные проблемы и противостояния, разрешение которых вызывало постоянную потребность государства маневрировать, искать компромиссные ходы, закрепляя каждый свой очередной шаг соответствующими правовыми документами и бесконечными реформированиями системы органов управления, функционировавших в народном хозяйстве, в частности в сфере материального обеспечения населения.

По мере изменения курса менялись формы и методы деятельности государственных учреждений и организаций, усиливался осуществляемый

[44] Осокина Е.А. Указ, соч., С. 61, 66-67.

ими пресс централизации. Все в большей степени огосударствлялась кооперация, все более усиливалась монополия государственных органов в рыночных отношениях и все энергичнее, решительней убирался из сферы материального обеспечения частный предприниматель. В дальнейшем постепенно были ликвидированы биржи, акционерные общества, ярмарки и др. Пока же в период с 1921 по 1929 гг. все они обнаруживали стремление доказать свое право на существование и активную деятельность. Период НЭПа оказался уникальным этапом сочетания государственного - ВСНХ, Наркомпрод, Наркомторг и частного - ярмарки, лавки и т.д. снабжения населения товарами первой необходимости.

Заявленная тема в отечественной историографии специально изучалась редко, а многие ее ключевые аспекты были только поставлены. Следует учитывать и такой важный момент, как пограничное состояние самой проблемы социального снабжения на стыке истории, экономики, социологии, психологии. Это фундаментальная проблема, которая не может быть чисто экономической, что, безусловно, придает историографии многопрофильный характер.

В изучении проблемы внутренней торговли и социального снабжения населения Советского государства в период НЭПа можно проследить четыре самостоятельных этапа. Первый приходится на 1920-е гг., второй - на начало 1930-х - середину 1950-х гг., третий - на середину 1950-х - середину 1980-х гг., четвертый продолжается с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Подобная периодизация является устоявшейся в отечественной историографии и исходит из общественно-политических условий, в которых происходило приращение знаний, определялись теоретические подходы и тематическая направленность исследований.

Будучи важнейшим объектом политики, главным инструментом восстановления мирной жизни страны и социалистического преобразования России, внутренний рынок с самого начала 1920-х гг. оказался в поле зре-

ния политиков, хозяйственников и экономистов. Большинство публикаций тех лет несло на себе отпечаток политической конъюнктуры, доктринальных установок. Это статьи, брошюры, доклады, стенограммы выступлений В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Ф.Э. Дзержинского, Л.Б. Каменева, Л.Б. Красина, Г.М. Кржижановского, А.М. Лежавы, А.И. Микояна, В.П. Ногина, Е.А. Преображенского, И.Т. Смилги, Г.Я. Сокольникова, А.И. Рыкова и многих других.

С начала 1920-х гг. к разработке многих экономических проблем были привлечены оставшиеся в стране крупные специалисты, публикации которых на протяжении почти всего периода 1920-х гг. содержали конкретные предложения по наиболее актуальным вопросам восстановления и дальнейшего развития внутреннего рынка, лежавшие в русле тогдашнего мирового развития экономической мысли. От первой группы их отличал более объективный, высоко профессиональный и, как ни странно, хозяйственно-практичный подход: статьи, книги, аналитические записки М.И. Боголепова, П.П. Гензеля, Л.Б. Кафенгауза, Н.Д. Кондратьева, Ф.Д. Лившица, Н.П. Макарова, В.В. Новожилова, А.А. Соколова, Н.Н. Шапошникова, Л.Н. Юровского А.В. Чаянова и многих других.

Во всех без исключения работах 1920-х гг. был очерчен фактически полный спектр основных проблем, которые решались на внутреннем рынке и многие из которых подверглись на долгие годы забвению, другие же стали предметом изучения историков и экономистов. Произведения политических, хозяйственных деятелей, ученых экономистов того времени содержали оценки, выводы, суждения, которые частично или полностью определяли основу концептуальных построений экономической политики на протяжении почти всех 1920-х гг. Что касается конца 1920-х гг. и первой пятилетки, то здесь уже господствовала не терпящая никакой оппозиции единая «генеральная линия», которую проповедовали и проводили И.В. Сталин, А.А. Андреев, В.В. Куйбышев, А.И. Микоян, В.М. Молотов,

Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак и другие члены сталинского руководства. Поэтому произведения политиков и экономистов 1920-х - начала 1930-х гг. правомерно рассматривать не только как историографический материал, но и как один из важнейших источников исследования внутреннего рынка и социального снабжения в Советской России.

Приступая к анализу комплекса литературы 1920-х гг., необходимо, безусловно, остановиться на ленинских разработках новой экономической политики, бывших не только методологической основой советской историографии, но и принципиально определявшими политику большевиков в 1921-1923 гг., а в определенных аспектах и в последующие десятилетия советской истории. Автор имеет в виду работы В.И. Ленина 1921-1923 гг., которые основывались на крайне ограниченном опыте, полученном в условиях переходного периода от войны к миру и глубокого экономического кризиса.[45] Они, естественно, несли печать неоднозначности, неопределенности и противоречивости. С одной стороны, В.И. Ленин в этот период стал придавать большое значение постепенному, более основательному и осторожному реформистскому подходу к строительству социализма, предлагал центр тяжести перенести на мирную организационную и культурную работу. С другой, он сохранил прежнюю верность революционным принципам, принесшим большевикам убедительную победу в Гражданской войне.[46] Поэтому ничего удивительного, что уже в 1924 году

[45] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С.222; Т. 45. С.376.

[46] См. напр.: Ленин В.И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) / Полн. собр. соч. Т. 31; Ленин В.И. Государство и революция / Полн. собр. соч. Т. 33; Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться / Полн. собр. соч. Т. 34; Ленин В.И. К населению / Полн. собр. соч. Т. 35; Ленин В.И. Как организовать соревнование? / Полн. собр. соч. Т. 35; Ленин В.И. Очередные задачи советской власти / Полн. собр. соч. Т. 36; Ленин В.И. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. Газетный отчет / Полн. собр. соч. Т. 40; Ленин В.И. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда /

два его соратника, два соавтора теоретического манифеста военного коммунизма «Азбуки коммунизма» - Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский - выдвинувшие свои определения задач большевистской экономической политики и, не без основания, претендовавшие на соответствие их ленинским принципам, диаметрально разошлись. Если Е. Преображенский со своим основным законом «первоначального социалистического накопления» обнаружил элементы преемственности с военным коммунизмом, то Н. Бухарин рассматривал построение социализма через НЭП, через стимулирование торговли, кооперации.[47] Такое следование В.И. Ленину станет знаковым для всей последующей советской исторической и экономической науки.

Как представляется, именно Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский на протяжении 1920-х гг. с определенными оговорками были теоретиками, которые определили два основных направления большевистской мысли.[48]

Полн. собр. соч. Т. 42; Ленин В.И. О работе наркомпроса / Полн. собр. соч. Т. 42; Ленин В.И. Планы брошюры «О продовольственном налоге» / Полн. собр. соч. Т. 43; Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике 29 октября / Полн. собр. соч. Т. 44; Ленин В.И. О международном и внутреннем положении советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. / Полн. собр. соч. Т. 45; Ленин В.И. О кооперации / Полн. собр. соч. Т. 45; Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин / Полн. собр. соч. Т. 45; Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше / Полн. собр. соч. Т. 45; Ленин В.И. Тезисы письма «О «двойном» подчинении и законности» / Полн. собр. соч. Т. 45; Ленин В.И. Материалы к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» / Полн. собр. соч. Т. 45; Ленин В.И. Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) / Полн. собр. соч. Т. 53 и др.

[47] Подробнее см.: Пути развития: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. Л., 1990.

[48] Бухарин Н.И. К критике экономической платформы оппозиции: Уроки октября 1923 г. // Большевик. 1925. № 1. С.25-58; Он же. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. 1925 г. // Избранные произведения. М., 1988. С.146-230; Преображенский Е.А. Финансы в эпоху диктатуры пролетариата. М., 1921; Он же. Новая экономика. Опыт тео-

Их работы отличались более высоким уровнем обобщений и содержали идеи, автором которых являлся И.В. Сталин. В 1920-е гг. его идеи перекликались преимущественно с идеями Н.И. Бухарина, в 1930-е гг. - Е.А. Преображенского. Они пытались определить место и роль закона стоимости, государственного регулирования и рынка в условиях переходного периода, взаимоотношений города и деревни.

Особо следует остановиться на роли И.В. Сталина, который с конца 1920-х гг. оказывал определяющее влияние на формирование советской хозяйственной системы. Политическое обоснование индустриализации, неизбежность коллективизация - его бесспорный личный вклад в разработку и осуществление экономической политики. При этом в оценке хозяйственных результатов основным критерием истины выступала не марксистская теория, которую большевики превратил в заранее предпосланную реальной хозяйственной действительности схему, а реальная хозяйственная практика. Именно И.В. Сталин во многом придал «академический» характер экономической мысли 1930-х гг.

В первой половине 1920-х гг. серьезный вклад в разработку экономической теории вносил один из лидеров большевистской партии - Л.Д. Троцкий. Переход к НЭПу у него, как и Н.И. Бухарина, вызвал существенные перемены в воззрениях. У Л.Д. Троцкого появились идеи о необходимости использования рыночных отношений в переходный период, о плане как результате предвидения и согласования различных сторон хозяйствования, о неприменимости в новых условиях военно-коммунистических методов. Однако он, как и В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, остался верен «революционности». Так, Л.Д. Троцкий поддержал лозунг Е.А. Преображенского «первоначального социалистического накопления». НЭП он нередко рас-

---

ретического анализа советского хозяйства. Т. I. Ч. 1.2-е изд. М., 1926 и др.

сматривал лишь как политику, временно допускающую чуждые социализму рыночные формы.[49]

Другую группу большевистских лидеров, в первую очередь Ф.Э. Дзержинского, Г.Я.Сокольникова, Л.Б. Красина, Г.М. Кржижановского, В.В. Куйбышева, А.М. Лежавы, А.И. Микояна, В.П. Ногина, А.И. Рыкова, И.Т. Смилги и др., можно назвать практиками хозяйственной политики. В своих выступлениях, статьях они рассматривали проблемы отдельных отраслей хозяйства, которыми руководили. Их всех объединяла приверженность плану, поскольку планирование со времен гражданской войны рассматривалось большевиками в качестве основной формы взаимосвязи в экономике. Н.И. Бухарин, Г.Я. Сокольников, А.И. Рыков рассматривали возможность развития смешанной экономики в рамках НЭПа, постепенного и осторожного расширения социалистического уклада.[50]

В целом все большевики были единодушны в том, что будущая социалистическая экономика будет безрыночной.[51] Л.Д. Троцкий в 1923 г. на XII съезде партии заявил: «В конечном счете, это плановое начало мы распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его».[52] В 1925 г. Н.И. Бухарин писал: «В конце концов, развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных

---

[49] Троцкий Л.Д. Уроки Октября: С приложением критических материалов 1924 года. СПб., 1991.

[50] Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения. М., 1988. С. 146-230; Рыков А.И. Ближайшие перспективы народного хозяйства СССР (Доклад в Деловом клубе 11 дек. 1923 г.) // Статьи и речи. В 4 т. М.-Л., 1928. Т. 2. С.263-274; Сокольников Г.Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания. М., 1926.

[51] Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск, 1990; Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988; Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.

[52] XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С.343.

отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т.д. и т.п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов».[53] Приведенное высказывание Н. Бухарина интересно еще тем, что здесь он фактически предсказал ситуацию, сложившуюся в народном хозяйстве в годы первой пятилетки.

Негативное восприятие большевиками рынка являло собой пример метафизического подхода к действительности. Большевики делали вывод, ложный даже с точки зрения формальной логики. Вместо того чтобы взять на вооружение товарно-денежные отношения как форму экономической связи, тысячелетиями формировавшуюся в человеческих обществах, они попытались уничтожить эту форму связи до того, как развились другие формы, гипотетически мыслимые в марксистской теории. Переход к НЭПу не привел лидеров большевиков к отказу от плана как главного регулятора в экономической политике партии. Однако в среде сторонников марксизма появились люди, которые допускали возможность «мирного» сосуществования плана и рынка в нормальных условия экономического развития. В.А. Базаров, А.М. Гинзбург, А.М. Кактынь, В.Н. Сарабьянов полагали, что регулирование и планирование должны были осуществляться через банковскую систему, через кредитный механизм, а плановые органы должны быть решительно отделены от оперативных функций, что должна существовать широкая масса самостоятельных субъектов.[54] Большевистские лидеры занимались, прежде всего, политикой, а не экономическими категориями. В основном они рассматривали самые общие экономические проблемы.

[53] Бухарин Н.И. Указ. соч. С.197.

[54] Подробнее см.: Мау В.А. Реформы и догмы. С.107-110.

Естественное в условиях восстановления экономики повышение роли хозяйственных учреждений вызвало уже в середине 1925 г. у партийных верхов опасения в усилении их давления на партию и ослаблении партийного руководства. Достаточно откровенно это озвучил И.В. Сталин, который предлагал усиленно укреплять хозяйственный аппарат коммунистами.[55] Конечно, подобные подходы И.В. Сталина и других руководителей были далеко не случайны, поскольку они не были готовы к условиям развертывания рыночных отношений - не хватало образования и опыта. Уже в начале 1925 г. Госплан СССР начал разработку годового плана, в 1926 г. первого варианта пятилетнего плана на 1926/27- 1930/31 гг. Данный вариант по темпам индустриализации, по объемам капитальных вложений в промышленность значительно уступал появившимся позже отправному и оптимальному вариантам, но и он слабо считался с товарно-денежными отношениями в экономике страны.

Типична в этом позиция твердого сторонника директивного планирования С.Г. Струмилина, который на предложение Г.Я. Сокольникова «приспосабливать план к рыночной обстановке», заявил: «Нет, не приспособляться к ней, а сознательно приспособлять ее к нашим плановым устремлениям - вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства».[56] Таким образом, планово-директивные, административные методы воздействия на экономику должны были заменить экономические рычаги и стимулы.

В ходе обсуждения проекта пятилетнего плана в 1927-1928 гг. были высказаны важные и интересные идеи по вопросам планирования, многие из которых на десятилетия опередили будущую советскую плановую

[55] Сталин И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете // Соч. Т. 7. С.171.

[56] Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1958. С.199-200.

науку. Большинство - Г. Кржижановский, С. Струмилин, В. Мотылев, Н. Ковалевский и др. выступало за директивное управление, за ликвидацию товарно-денежных отношений. Их оппоненты - Н. Кондратьев, В.Базаров, В. Громан, А. Гинзбург и другие, признавая построение плана одной из важнейших предпосылок управления хозяйством, рассматривали его, прежде всего, как «систему перспектив» для регулирующих органов и «только в рамках возможного, и не больше»,[57] отстаивали рыночный механизм хозяйствования.

Центральным вопросом дискуссии являлись методы чисто инженерной проектировки нового социально-экономического будущего без обоснования реальности плановых построений. В проекте Госплана это выразилось в «поверхностной индустриальной экспансии», в области снижения цен утверждалось, что они должны снизиться благодаря росту эффективности хозяйства в процессе индустриализации. Н.Д. Кондратьев подверг сомнению реальность запроектированных темпов развертывания промышленности, которые могли быть поддержаны лишь за счет истощения сил деревни. При этом ученый неопровержимо доказывал необоснованность размеров накопления, опираясь на цифры госплановского проекта пятилетки.[58]

Одним из самых весомых аргументов сторонников телеологического направления было обращение к «коллективной воле производителей», которую и должен был мобилизовать план, и апелляции к «великим возможностям» социалистической экономики.[59] Представители же генетического

---

[57] Кондратьев Н.Д. План и предвидение // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С.6,7.

[58] Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства (Плановое хозяйство. 1927. № 4) // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. С.103.

[59] Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М., 1927. С.10.

направления предлагали конкретно анализировать факторы, влиявшие на перспективы хозяйственного роста, приходили к идее создания благоприятных условий для частного капитала, настаивали на коренной переработке сельскохозяйственной концепции пятилетки.[60]

Одним из самых компетентных специалистов среди лидеров большевиков был, безусловно, Г.Я. Сокольников. Бесспорна его роль в подготовке и проведении денежной реформы, во многом ключевой в 1920-е гг. Он последовательно защищал идею рыночного равновесия. По существу первым в партийном руководстве в 1925 г он указывал на опасный размах жесткого административного вмешательства в экономику, на слишком амбициозные индустриальные программы. Нарком финансов не разделял всеобщую плановую эйфорию, царившую в партии. Наоборот, видел одну из основных причин нарастающего кризиса в чрезмерном, на его взгляд, увлечении планами, которые были составлены и проводились в исполнение так, что связывали свободу маневрирования на рынке, настаивал на плане-прогнозе, а не на плане-директиве.[61] Однако после открытого выступления против генсека на XIV съезде ВКП (б) Сокольников был буквально в течение месяца отстранен от руководства Наркомфином и больше не смог подняться на подобную высоту влияния в экономической политике большевиков.

В области финансов даже в период наибольшего расцвета НЭПа представители официальной линии продолжали демонстрировать весьма облегченный подход. Прежде всего, это касалось внедрения «плановых начал» в кредитные отношения, как ни странно, предполагалось, что это

[60] Челинцев А.Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2; Гинзбург А.М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // Экономическое обозрение. 1927. № 4; Дезен А.А. Развитие промышленности и национальное накопление //Там же.

[61] Сокольников Г.Я. Указ. соч. С.5-8, 37-38.

поможет преодолеть недостаток реальных средств на восстановление и реконструкцию народного хозяйства. Весьма традиционной для партийного руководства была противоречивость - стремление резко усилить финансирование народного хозяйства при постоянном заявление о своей приверженности сохранению «твердости» рубля. Все чаще возникало желание поддержать банковским кредитом даже неплатежеспособное государственное учреждение, особенно если его развитие признавалось необходимым с государственной точки зрения. Принцип коммерческой рентабельности отдвигался на задний план, вексель терял свой характер наиболее надежного кредитного документа, поскольку взыскание по векселю в случае его неоплаты было трудно осуществить.

Известные специалисты в финансовой области С.В. Воронин, С.Г. Чалхушьян, профессор А.А. Соколов, Я. Куперман подвергали обоснованной критике официальную политику. Они убеждали и доказывали, что намечаемая Госпланом эмиссия ведет к понижению покупательной силы червонца. Принимая плановое регулирование кредитной системы, они настаивали на необходимости соответствия учетного процента соотношению спроса на денежные средства с их предложением.[62]

Буквально с первых дней существования Советского государства решение продовольственного вопроса стало, без каких бы то ни было преувеличений, одной из главнейших задач. Поэтому естественно, что уже с начала становления Советской власти стали появляться исследования, затрагивающие данную проблему. В это время увидели свет многие публикации, авторами которых, в большинстве своем, были видные деятели пар-

[62] Воронин С.В., Чалхушьян С.Г. Перспективы денежного обращения и кредита в 1925/26 году и контрольные цифры Госплана Союза // Вестник финансов. 1925. № 11-12. С.107, 129; Соколов А.А. Учетный процент, как регулятор товарных цен // Вестник финансов. 1926. № 1. С.56, 61; Куперман Я. Проблема регулирования современной банковской системы СССР // Вестник финансов. 1926. № 5-6. С.6, 12.

тии большевиков, государственные деятели, сотрудники Наркомата продовольствия, пытавшиеся анализировать отдельные стороны жизнедеятельности социалистического государства, его шаги в сфере продовольствия, необходимость введения хлебной монополии.[63] Данная тема рассматривается исключительно с позиций революционного марксизма, через ракурс классового подхода. Фактический материал и статистика, содержащиеся в этих трудах, интересны и значимы для исследователей и сегодня. В работах Н.М. Вишневского и А. Лосицкого сравниваются структура питания,

[63] Орлов Н.А. Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции. - М., 1918; Шлихтер А.Г. Основные задачи советской продовольственной политики. - Киев, 1919; Шлихтер А.Г. К вопросу о продовольственной политике и продовольственной практике. - Тамбов, 1920; Карпинский В.Р. В поход против царя-голода. - Уфа, 1919; Кузнецов Д. О продовольствии. - М., 1919; Владимиров М. Мешочничество и его социально-политическое отражение. - Харьков, 1920; А.И. Продовольственный вопрос в Советской России // Известия Саратовского губпродкомитета. 1918. №24; Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1918-1919 год. - М., 1919; Лосицкий А.Е. Обследование питания городского населения в 1919 г. // Труды ЦСУ. Т. XXX, Выпуск 1-3. - М., 1926; Нифонтов В.П. Состояние питания с 1918/1919 по 1923/1924 сельскохозяйственный год. - М., 1925; Пучков А. Снабжение и. распределение в пролетарском государстве. - М., 1918; Самойлова Н. Продовольственный вопрос и Советская власть. - Пг., 1918. Орлов Н. Система продовольственных заготовок: к оценке работ заготовительной экспедиции А.Г. Шлихтера. - Тамбов, 1920; Свидерский А.И. Почему вводится продналог. - М., 1921; Свидерский А.И. Продовольственная политика. - М., 1920; Свидерский А.И. Три года продовольственного фронт. // Календарь-справочник продовольственника на 1921 г. - М., 1921; Хволес А. Военно-продовольственное дело за период революции // Продовольствие и революция. 1923. №50-65. С. 173-187; Владимиров М.К. Мешочничество и его социально-политическое отражение. - Харьков, 1920; Вишневский Н.М. Принципы и методы распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. - М., 1920.

принципы и методы распределения продовольственных продуктов в пред- и послереволюционные годы.[64]

В книге К.А. Пажитнова, вышедшей в 1924 г., была сделана первая попытка комплексного исследования условий жизни рабочих в послеоктябрьский период, в т. ч. и продовольственного положения пролетариата.[65]

Как известно, одним из наиболее суровых явлений Гражданской войны стала система принудительных хлебозаготовок при помощи продотрядов и сменившая ее в 1919 г. Продовольственная разверстка. При этом следует отметить, что если в работах, созданных в 1918-1920 гг., в период действия политики военного коммунизма, давалась в целом позитивная оценка данного мероприятия, то в трудах, написанных в 1920-е гг., во время НЭПа, акцентировалось внимание на негативных последствиях. При этом, естественно, не выдвигался тезис об ошибочности правительственной политики. Утверждалось, что продразверстка была вынужденной мерой, вызванной, прежде всего, суровыми экономическими условиями того времени, войной, разрухой и т.д. Последняя интерпретация продразверстки стала, в большинстве своем, концептуальной основой более позднего периода.

Анализируя литературу, посвященную решению продовольственной проблемы в первые годы Советской власти, В.М. Андреев, автор статьи «Продразверстка и крестьянство», пришел к выводу о том, что в 1920-е гг. исследователи «больше внимания уделяли социально-экономическим изменениям, происшедшим в деревне к концу гражданской войны. Косвенно они затрагивают и продразверстку, констатируя главным образом её отри-

---

[64] Вишневский Н.М. Принципы и методы организованного распределения продуктов и предметов первой необходимости. - М., 1920; Лосицкий А. Формы питания и хлебное довольствие городского населения в 1919-1920 *гг.* - *Л.*, 1923.

[65] Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Революционный период (с 1905 по 1923 гг.). - Л., 1924.

цательное воздействие на сельское хозяйство».[66] В ряде серьезных исследований авторы обстоятельно рассказали о строительстве продаппарата страны, методах его работы, взаимодействии с другими органами государства, о сотрудничестве в сфере продовольствия советских республик и многих других важных моментах.

Еще одной характерной темой литературы того времени стала кооперация. Внимание к ней особенно усилилось с появлением работ вождя большевистской партии В.И. Ленина, в которых обосновывалась мысль о кооперации как пути к социализму.[67] Исследования 1920-х гг., посвященные данной проблеме, носили в основном популярный и разъясняющий характер. Их значение заключалось в том, что, обращаясь к самому широкому читателю - людям малосведущим, пришедшим в кооперацию на волне октябрьских 1917 г. событий и послевоенной разрухи, авторы разъясняли азы истории появления и деятельности кооперации. Страдая известным субъективизмом, рождавшемуся на так называемых «классовых позициях», эти работы, тем не менее, подводили людей к пониманию основных принципов кооперации, содействовали формированию кадров советских кооператоров. В числе авторов можно было бы назвать Н.А. Макарову, М.А. Короткова, Д.А. Коренева, В.С. Литварева, А.Н. Лозового, М.Х. Кантора и др.[68]

---

[66] Андреев В.М. Продразверстка и крестьянство / Исторические записки. - М., 1976. Т. 97. С. 6.

[67] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369.

[68] Макарова Н.А. Исторический очерк русской потребительской кооперации. - М., 1923; Мебель М.А. Законодательство Советской власти о кооперации. - М., 1922; Коротков М.А. Кооперация. - Л., 1925; Коротков М.А. Очерки истории кооперации в России. - Л., 1925; Коренев Д. Кооперация. История кооперативного движения. Учение о кооперации. - Тифлис, 1925; Литварев В.С. Азбука кооперации. - М., 1928; Литварев В.С. Очерки истории кооперации. - М., 1928; Лозовой А.Н. Курс кооперации. - Харь-

Некоторый анализ структуры кооперативных органов в СССР в 1920-е гг., прежде всего Сельскосоюза и Хлебоцентра, а также их местных организаций, содержится в статье Г.А. Архипова и И.В. Дракина.[69] Н.Г. Бердичевский, А.М. Долматовский и Р.И. Лурье исследовали основы кооперативного законодательства времен НЭПа.[70]

Среди работ, появившихся в 1920-е гг. особо следует выделить также монографию Ю. Ларина,[71] в которой на основе солидного статистического материала дается оригинальная интерпретация основных проблем темы. Так, например, автор отстаивает тезис о «преувеличенности разговоров об уничтожении военным коммунизмом у крестьян «стимула» к производству посевов», дает подробный анализ основных элементов производственного рынка начала 1920-х гг. и т.д.

Общий анализ организаций и учреждений, занимавшихся в годы НЭПа вопросами материального снабжения, дан в работах В.И. Куйбышева и Р.С. Майзельса.[72] Обстоятельный анализ развития частного капитала в Советской России в начале 1920-х гг., его роль в функционировании системы материального снабжения содержится в книге видного советского

ков, 1927; Кантор М.Х. Две линии развития кооперации. - М.-Л., 1929; Кантор М.Х. Очерки теории и истории кооперации. - М., 1931. развития кооперации. М.-Л., 1929.

[69] Архипов Г.А., Дракин И.В. К вопросу о специализации сельскохозяйственной кооперации на периферии // Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1925. №24.

[70] Бердичевский Н.Г. Декрет о потребительской кооперации 20 мая 1924 года. - М., 1925; Долматовский А.М. Новые законы о кооперации. - М., 1925; Лурье Г.И. Кооперативное законодательство. - М., 1930.

[71] Ларин Ю. Частный капитал в СССР. - М.-Л., 1927.

[72] Куйбышев В.И. Система промышленного управления. - М.-Л., 1927; Майзельс Р.С. Управление и организация учреждений. - М.-Л., 1927.

экономиста и государственного деятеля Ю. Ларина.[73] На региональном уровне эту тему исследовал М.И. Целишев.[74]

Рыночный хозяйственный механизм, немыслим без такой важной составляющей, как оптовая торговля, а, следовательно, и без её института биржевой торговли. Биржа - своеобразный узловой пункт, место, где сходятся пути спроса и предложения. В силу подобных своих особенностей биржа превращается в индикатор, уникальный инструмент для корректировки процесса производства. Роли частного капитала в биржевой торговле 1920-х гг. посвящена работа М. Жирмунского.[75] Динамика развития биржи в годы НЭПа рассмотрена в работе Э. Квиринга, который указал и на определённую их связь с производственными трестами в процессе организации сбыта произведённой ими продукции.[76]

Анализ системы трестов и синдикатов в 1920-е гг., их роли в налаживавшемся материальном обеспечении дал А. Блюм, выделив две группы синдикатов. Первая группа концентрировала в своих руках всю продукцию объединявшихся под их руководством предприятий; вторая - лишь реализовывала то, что по договорам им передавалось для сбыта трестами.[77]

Торговые организации как элемент системы материального снабжения исследовались в ряде коллективных сборников 1920-х гг.[78] М. Байрамов проследил динамику развития торговых предприятий потребительской

---

[73] Ларин Ю. Указ. соч.

[74] Целишев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. - Владивосток, 1925.

[75] Жирмунский М. Частный капитал в биржевой торговле // Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. 2.

[76] Квиринг Э. Товарный голод и перспективы промышленности. - М.-Л., 1925.

[77] Блюм А. Тресты и синдикаты // Вестник торговли, промышленности и транспорта. 1922. №2-3,5.

[78] Два года Советской власти в Амурской губернии. - Благовещенск, 1925; Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. - М., 1960.

кооперации в Башкирии.[79] В работе Ц.М. Крона процесс развития частной торговли в СССР в годы НЭПа изучался по материалам Совета съездов бирж торговли.[80] Давался также некоторый анализ роли внешней торговли в разрешении данной проблемы.[81]

Интересно также, что в 1920-1930-е гг. продолжали выходить работы, в которых система продовольственного, в частности, - материального снабжения, утвердившаяся в нашей стране после октября 1917 г., анализировалась с небольшевистских позиций, зачастую весьма критических. Так, известный экономист Н.Д. Кондратьев в своей статье пришел к выводу, что большевики не укрепили, а наоборот, развалили систему хлебозаготовок, эффективно работавшую при Временном правительстве.[82] Критика большевистской продовольственной политики с либеральных позиций характерна и для публикаций Б. Бруцкуса.[83] Среди работ по кооперации небольшевистского толка, появившихся в 1920-е гг., следует отметить труды известного ученого А.В. Чаянова.[84]

Пройдут годы, страна шагнёт в середину 1950-х гг., в науку будут возвращены имена А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и других известных учёных-экономистов, попавших в репрессии 1930-х гг. К их научному наследию до - и после октябрьского периода вновь будет обращено пристальное внимание, а основные работы, переизданные значительными ти-

---

[79] Байрамов М. Башкирская кооперация // Хозяйство Башкирии. 1927-1928. №1-2.

[80] Крон Ц.М. Частная торговля в СССР. По материалам Совета съездов бирж торговли / Под ред. В. Голбарта. - М., 1926.

[81] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 100-101; Энциклопедия русского экспорта. Т. 1. - М., 1924. С. 63.

[82] Кондратьев Н.Д. На пути к голоду / Социально-политические итоги Октябрьского переворота. - Пг.-М., 1918. С. 246-261.

[83] Бруцкус Б. Социалистическое хозяйство. - Пг., 1921.

[84] Краткий курс кооперации. - М., 1990.

ражами, сопровождённые достаточно пространными комментариями, вновь увидят свет. Не останется в стороне и практика видных советских руководителей-хозяйственников Сокольникова, Пятакова, Смигли.

Говоря об этом, безусловно, позитивном явлении, нельзя всё же не отметить, что в комментариях к переиздаваемым трудам известных учёных и практических работников, в публикациях, анализирующих их вклад в науку и практику, просматриваются попытки представить многие факторы хозяйственной жизни как следствие воплощения в жизнь ленинских принципов НЭПа, результат очищения их от перекосов **и** извращений административно-хозяйственной системы предыдущих лет. Поступая таким образом, авторы подобных публикаций, думается, шли в русле заранее обозначенных установок, смысл которых сводился к аргументации, по крайней мере, двух основных положений - идеологического и агитационно-пропагандистского. Главный смысл идеологии сводился к утверждению, что совершавшееся движение к рыночному хозяйственному механизму есть свидетельство справедливости ленинских теоретических и политических воззрений и не разрыв с продекларированными концепциями, а попытка возврата к ним - шаг не только правильный, но и необходимый. Второе направление выражалось в том, что рыночный хозяйственный механизм - спасительное средство, своего рода лекарство, стимулирующее интенсивный подъём народного хозяйства и положительные экономические результаты его функционирования.

Неоспоримым, на наш взгляд, здесь следует считать лишь одно - изучение отечественного опыта хозяйствования не потеряло своей актуальности и подлежит глубокому осмыслению и в наши дни. Анализ этого опыта способствует результативности поиска оптимальных вариантов решения экономических проблем сегодняшнего времени, в частности, обеспечения разумного взаимодействия и прочной взаимосвязанности процесса производства и потребления.

Много внимания экономисты и историки уделяли финансовой реформе. Первые публикации, посвященные этой проблеме, не были серьезными исследовательскими работами, а имели скорее пропагандистский характер. В агитационных сборниках публиковались декреты, связанные с ее проведением, выступления партийных и советских работников, хозяйственных деятелей, в которых разъяснялись цели и задачи проводимой финансовой политики, вызванные необходимостью восстановления экономики.[85] Помимо этого, появилось значительное количество брошюр, очерков, в которых широким слоям населения, преимущественно крестьянам, в доходчивой форме объяснялись цели и задачи реформы, разъяснялись преимущества новой денежной системы.[86]

Данная литература важна тем, что, несмотря на ее агитационно-пропагандистский характер, она показывает первоначальные шаги партийного руководства в области восстановления товарно-денежных отношений. В целом она представляет значительный интерес при изучении форм и методов партийно-политической агитации, порожденной практикой первых лет нэпа.

Отдельную группу работ составляют труды профессиональных экономистов, связанных с деятельностью Наркомата финансов, которые раскрывают предысторию реформ, позволяют проанализировать состояние финансов в момент перехода к нэпу. Уже в начале 1920-х гг. выходит ряд научных сборников, посвященных различным вопросам финансовой политики: денежному обращению, ценообразованию, кредиту и т.д. Авторами статей были преимущественно старые специалисты, перешедшие на служ-

[85] Финансовый фронт: Сборник статей. Тамбов, 1923; Денежная реформа. М., 1924; Денежная реформа. Л., 1924.

[86] Миронов. Новые твердые деньги. М., 1924; Наумов Л. Что такое денежная реформа. М., 1924; Смушков В. Бумажные деньги. М., 1924; Танаевский В. Денежная реформа. Вятка, 1924.

бу к советскому правительству.[87] Общие меры к урегулированию денежного обращения были предложены также в работах экономистов В. Штейна и Ф.К. Радецкого.[88]

Таким образом, уже в 1922-1923 гг. появился ряд трудов, раскрывающих начальные моменты проводимой финансовой политики, ее предпосылки и первые итоги. Уделяя главное внимание анализу возможностей, сроков и методов проведения денежной реформы, ученые-экономисты проделали огромную и сложную работу по систематизации и изучению конкретного материала.

Исследования нэповской экономики 1920-х гг. породили многообразие теорий и концепций. Работы того периода были наполнены острой полемикой по вопросам оздоровления финансовой системы страны.[89] Позднее эти дискуссии были проанализированы в монографии В.Е. Маневича, посвященной проблемам теории денежного обращения.[90] Он считает, что литература 1920-х гг. явилась примером огромного разнообразия концепций, смелых поисков, плодотворных постановок. Работа написана на основе периодических изданий 1920-х гг. В целом дискуссии среди экономи-

---

[87] Очередные вопросы финансовой политики. Сборник статей. Вып. 1-2. М., 1922; Денежное обращение и кредит. Т.1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914-1921) / Под. ред. С.В. Воронина и К.Ф. Шмелева. М., 1922; Вопросы банковой политики. М., 1922.

[88] Штейн В.М. Червонная валюта. Пг., 1923; Радецкий Ф.К. Что такое банкноты. М., 1923.

[89] Соколов А.А. Проблемы денежного обращения и валютной политики. М., 1923; Он же. Несколько вопросов связанных с нашей денежной реформой// Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. III; Кузовков Д. Наши валюты // Вестник Коммерческой академии. 1924. Кн. IV; Железное В.Я. Наше денежное обращение перед реформой // Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. III.

[90] Маневич В.Е. Проблемы теории денежного обращения в советской экономической литературе 1917-1926 годов. М., 1979.

стов по вопросу о сроках и методах осуществления денежной реформы способствовали появлению научных трудов, рассматривающих процесс развития товарно-денежных отношений в переходный период.

В связи с завершением финансовой реформы выходят работы партийных экономистов М.Г. Вронского, С. Розентула, Б.В. Сигала, в которых дан обстоятельный анализ реформы, показан механизм ее проведения.[91] Данные публикации основаны на текущих материалах делопроизводства, непосредственных наблюдениях за опытом проведения реформы. Авторы указывают, что переход к твердой валюте имел исключительно важное значение для экономического развития страны.

Значительное внимание исследователи уделили изучению факторов, обеспечивших успешное проведение реформы. Так, известный специалист в области денежного обращения и кредита, профессор З.С. Каценеленбаум отмечал, что успех червонца и казначейского билета были связаны с тем, что страна с 1921 г. переживала процесс постепенного восстановления.[92] Аналогичные идеи высказывал партийный экономист Д.П. Боголепов, который считал, что денежная реформа стала возможной только на основе определенных экономических достижений.[93] Автор согласен с данной точкой зрения и считает, экономический подъем, связанный с переходом к нэпу, оказал воздействие на упорядочение государственных финансов. В то же время создание твердой валюты сделало возможным восстановление народного хозяйства.

Напротив, экономист М.Н. Рагольский подчеркивал, что немало важную роль в успешном проведении реформы, сыграла марксистская тео-

---

[91] Вронский М.Г. За оздоровление денег (О денежной реформе). М., 1924; Розентул С. Денежная реформа (Борьба за устойчивые деньги). Харьков, 1924; Сигал Б.В. Итоги денежной реформы. Харьков, 1925.

[92] Каценеленбаум З.С. Денежное обращение в России 1914-1924. М., 1924.

[93] Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924.

рия денежного обращения.[94] С такой позицией сложно согласиться, т.к. автор исходил в первую очередь из идеологических постулатов, оставляя вне внимания экономические факторы.

В 1925 г. выходит монография, известного советского монетариста Д.В. Кузовкова, посвященная анализу причин и последствий процесса распада и восстановления денежной системы России с начала первой мировой войны до середины 1920-х гг.[95] Автором был сделан важный вывод о том, что первым шагом на пути перехода от натурального хозяйства к рынку должно стать восстановление полноценной финансовой и денежной системы. Кузовков указывал, что в Советском Союзе впервые открыт способ создания устойчивой бумажной валюты, не опиравшейся в момент своего появления на золотой размен.

Историки и теоретики партии много внимания уделяли причинам инфляции, причем само большевистское руководство на пленуме ЦК ВКП (б) 1926 г. категорически отрицало ее наличие. Между тем большинство экономистов достаточно обоснованно выявляли опасные инфляционные тенденции, рассматривая их в качестве одной из основных причин хозяйственных затруднений.[96] В середине 1920-х гг. был поставлен достаточно точный диагноз «плановым началам» в финансовой области, подтвержденный всем советским опытом - он был не утешителен для его сторон-

---

[94] Рагольский М.Н. Денежное обращение в Советской России. Саратов, 1924.

[95] Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925.

[96] Вайнштейн А.Л. Итоги и конъюнктура 1925/26г. // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. № 11-12. С.2; Первушин А.С. Основные явления в области народного хозяйства СССР в первом квартале 1926/27г. в связи с основными явлениями 1925/26 г. // Экономическое обозрение. 1927. № 2. С.6, 12; Каценеленбаум З. Кредитная система СССР и финансирование народного хозяйства народного хозяйства (1917-1927гг.) // Вестник финансов. 1927. № 11. С.159; Юровский Л.Н. Современные проблемы денежной политики. М., 1926. С.87.

ников. Возможно, подобное отторжение плана в кредитной системе могло быть смягчено, если бы не стремительный рост капитальных вложений, которые в условиях отсутствия внешних займов и низкой эффективности госпромышленности носил хозяйственно-разрушительный характер.

Ведущие экономисты - Н.Д. Кондратьев, А.Л. Вайнштейн, Л.Н. Юровский и другие экономисты-немарксисты в 1925-1927 гг. пытались доказать руководству страны опасность чрезмерного перекачивания средств из других отраслей экономики в промышленность, необоснованно быстрого развертывания капитального строительства Об этом достаточно аргументировано писали руководители Конъюнктурного института.[97]

Подтверждали серьезное перенапряжение всей финансовой системы и исследования тяжести обложение налогами в СССР, проведенные профессорами П.П. Гензелем, П.В. Микеладзе, В.Н. Строгим и К.Ф. Шмелевым. Они выполнили чрезвычайно сложное и оригинальное исследование даже с точки зрения современного состояния экономической науки. Их выводы свидетельствовали об исключительно высоком налоговом обложении населения страны.[98] Работы ученых 1920-х гг. недвусмысленно доказывали необходимость пересмотра хозяйственных планов и программ по сокращению размаха активных кредитных операций, бюджетных изъятий из национального дохода.

---

[97] Кондратьев Н.Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн.V. С.66; Юровский Л.Н. К проблеме плана и хозяйственного равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12. С.30, 31; Вайнштейн Альб. Л. Итоги и основные процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11-12. С.15.

[98] Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах (Очерки по теории и методологии вопроса). М. 1928. С.182, 183.

Как пророчество-указание звучали утверждения Л.Н. Юровского, что каждой хозяйственной системе необходимо равновесие, что советское хозяйство, будучи плановым, является вместе с тем системой товарно-денежного хозяйства, что глубочайшим образом отличало ее от системы военного коммунизма. Кредитные планы не могли, по его мнению, составляться в качестве простого вывода из всех прочих планов,[99] но именно такая практика утверждалась в середине 1920-х гг. и получила развитие в первой пятилетке. К достижениям разработки экономической политики в 1920-х гг. можно отнести вывод экономистов о демонтаже финансово-кредитной системы НЭПа в 1927-1929 гг. Противники кредитной системы 1920-х гг. представляли ее «совершенно непригодной в период строгого планового хозяйства, повелительно требующего новых методов, новых навыков, новых форм работы». Их не устраивала банкнота, покоящаяся на здоровом векселе хозрасчетной организации, «здоровый вексель», который получил неограниченное право гражданства в советском хозяйстве, работа на прибыль. Зато им импонировал «хозрасчет всего народного хозяйства», хотя трудно себе представить, что это такое. Они абсолютно были уверены, что новое обязательно лучше старого.[100]

В 1929 г. еще встречались пытки аргументированно доказать ошибочность полного демонтажа кредитно-денежной системы НЭПа. Самое интересное, что многие их предупреждения радетелям «нового» стали сбываться уже в 1930 г., что получило со стороны высшего руководства ярлык вредительства. Одним из таких специалистов был Ф.Д. Лившиц, ко-

---

[99] Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. М., 1928. С. 373; Он же. Основы кредитной политики. М., 1929. С.63, 65.

[100] Коробков В. Фетиши нашей банковской идеологии // Экономическое обозрение. 1929. № 10. С.81, 82; Шахновская С.В. Проблема реконструкции финансовой системы // На новом этапе социалистического строительства. Сборник статей. В 2-х тт. М., 1930. Т.2. С.269, 270.

торый признавал кризис вексельного обращения и предлагал конкретные меры разрешения назревших проблем. Он считал, что рабское следование трафаретным понятиям и обычным приемам и просто неумение порождали экономическое извращение векселя. Но вместе с этим он полагал, что вексель в его современной форме, и не только в СССР, оставался основным и самым распространенным видом кредитных («торговых») денег. Ф.Д. Лившиц настаивал на сохранении «вексельной дисциплины» в советском хозяйстве.[101] Вексель отнюдь не противоречил плановому началу советского хозяйства. Наоборот, он упорядочивал, дисциплинировал, вносил строгость и точность в расчеты там, где никакой план или внутренняя дисциплина не в силах были заменить собой вексельную дисциплину. Конечно, при условии сохранения товарно-денежного характера советского хозяйства.

Все рассмотренные вопросы во многом были связаны с индустриализацией страны. Шел поиск разрешения проблем управления государственной промышленностью, ее финансирования, преодоления отсталости, повышения производительности труда и т.д. Так, многие специалисты в 1920-х гг. - А.А. Дезен, И.Л. Кириллов, Л.Н. Юровский и др. предлагали ввести возвратность бюджетных ассигнований, усматривая в этом возможность сокращения бесхозяйственности в промышленности. Сторонники безвозвратности бюджетных средств (в основном, руководители крупных трестов) оперировали скорее формальными аргументами типа «нелепо строить отношения между государством собственником и его же предпри-

[101] Лившиц Ф.Д. Проблема советского векселя // Вестник финансов. 1929. № 6. С. 48, 49, 51; Лившиц Ф.Д. Безденежные расчеты и их перспектива в СССР // Финансы и народное хозяйство. 1929. № 2; Вольман И.С. Обязательство, как обеспечение банковского кредитования // Кредит и хозяйство. 1928. № 2-3; он же. Кредитование под залог будущих вещей и строений // Кредит и хозяйство. 1928. № 8; Лупандин К.К. Учет требований по открытым счетам // Кредит и хозяйство. 1929. № 2 и др.

ятиями в кредитной форме», утверждали, что введение возвратности средств создаст ненужное усложнение, что достаточно ограничиться лишь отчислением от прибылей.

Конечно, подобный подход чрезвычайно упрощал взаимоотношения промышленности с бюджетом, но не разрешал вопрос, скорее, наоборот - усугублял его. Дело осложнялось тем, что в СССР фактически отсутствовал ссудный капитал как рыночная цена, отрицалась сама идея процентирования всего капитала промышленности, ее выдвигал НКФ времен Г.Я. Сокольникова. Поэтому сторонники возвратности средств предлагали в условиях регулирования отпускных цен и планирования себестоимости директивно устанавливать нормы накопления, а «предпринимательскую прибыль советских трестов оставлять в их распоряжении», настаивали на развитии кредита.[102]

С началом НЭПа активно изучались вопросы внутренней торговли. Большевики не скрывали исключительного значения организации торговли, поскольку ощутили на своем военно-коммунистическом опыте, что только через торговый аппарат можно осуществлять связь госпромышленности с крестьянским рынком. Правда, партийное руководство, уже тогда имело однозначный взгляд на торговлю: всякое усиление кооперации и госторговли трактовалось как безусловное расширение сферы социалистического хозяйства и, наоборот, всякое их ослабление - как расширение сферы капиталистических отношений. Подобные упрощенные подходы сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода.

Большевики отмечали и основные «минусы» государственной торговли, а именно: слабую гибкость, громоздкость, бюрократизацию, недо-

[102] Каценеленбаум З. Кредитная система СССР и финансирование народного хозяйства (1917-1927 гг.) // Вестник финансов. 1927. №11. С.154, 158; Гиндин И.Ф. К проблеме долгосрочного промышленного кредита // Вестник финансов. 1927. № 12. С. 45,47, 48.

статочную приспособленность к обслуживанию многомиллионных потребителей. Но они полагали, что с помощью упорной работы партии можно устранить эти «недостатки».[103]

Многие партийные лидеры 1920-х гг. по-разному понимали сущность экономических рычагов. К примеру, И.В. Сталин ратовал за экономические меры в отношении государственной и кооперативной торговли за счет льготного кредитования.[104] Но большевики не сильно себя утруждали пояснениями - за счет чего и кого устанавливать льготный кредит, понижать цены. На практике в 1920-е гг. подобные «меры экономического характера» приводила к торговле себе в убыток, к падению качества продукции, к планово-централизованному распределению товаров, к бесхозяйственному использованию выделенных льготных кредитов. Только при большом воображении все это можно было считать экономическими подходами.

Конечно, в среде большевиков можно обнаружить умеренных и радикалов. Первые достаточно осторожно подходили к возможностям быстрого вытеснения частного торговца государственной торговлей и кооперацией, особенно в рознице. К ним можно отнести Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Ф.Э. Дзержинского, А.М. Лежаву, которые хотя и непоследовательно, но пытались найти механизм взаимодействия с частником.[105] Наиболее же ортодоксальные - их было явное большинство - Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Микоян, Ю. Ларин, Л. Крицман и др. предпочитали торопить события, связывая многие негативные явления в товарообороте с суще-

---

[103] Об очередных задачах экономической политики. Резолюция XIII партконференции // КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. М., 1970. Т. 2. С.523.

[104] Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП. Доклад на курсах укомов при ЦК // Соч. Т.6. С.245.

[105] Экономическая жизнь. 1924. 7 дек.; Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х тт. М., 1977. Т.2. С.87-88.

ствованием частника - оптово-розничные «ножницы», обострение товарного голода, спекуляция.

Например, Л.Б. Каменев уже в конце 1924 г., подводя итоги введения регламентации розничных цен на соль, керосин и сахар, восторженно восклицал: «Мы можем преследовать частных торговцев. Это очень большой шаг вперед».[106] Но в первой половине 1920-х гг. в целом большевистские вожди были достаточно терпимы к частному торговцу, поскольку тогда, если и не все осознавали, то, по всей видимости, интуитивно ощущали: без частной торговли не поставить народное хозяйство на ноги, чувствовали крайнюю необходимость подъема товарооборота и укрепления через него связи города с деревней.[107]

На протяжении всех 1920-х гг. политика низких цен оставалась основным «экономическим рычагом» в оптовом и розничном оборотах. Важно подчеркнуть, что зачастую они не покрывали торговых издержек. Особенно от этого страдала кооперативная торговля. Даже сторонники низких цен подчеркивали необходимость соблюдать меру и гибкость в подобной политике.[108] В результате таких регулирующих мероприятий обострялись проблемы укрепления торгового аппарата, повышения его эффективности. Политика низких цен приводила к серьезному нарушению динамического равновесия между спросом и предложением, способствовала росту спекуляции, товарному голоду. В.В. Новожилов, Л.Н. Юровский, Н.Д. Кондратьева и многие другие ученые-экономисты доказывали, что товарный голод был результатом искусственного расширения емкости внутреннего

---

[106] Каменев Л.Б. Доклад об очередных задачах экономической политики // Об очередных задачах экономической политики. Витебск, 1924. С. 34.

[107] Смилга И.Т. Восстановление хозяйства СССР и реконструкция его производительных сил. М., 1925. С.11-12.

[108] Куперман Я, Эффективность политики регулирования товарных цен //Вестник финансов. 1925. X. С. 144.

рынка посредством накачивания в каналы денежного обращения банковской и казначейской валюты, а также административного назначения низких цен под предлогом борьбы со «спекуляцией». С цифрами в руках доказывалось, что преодоление товарного голода дальнейшим форсированием промышленного производства обречено на полную неудачу, поскольку корень хозяйственных затруднений лежал в «недостатке реальных ресурсов», их несоответствии размерам затрат, что и привело к кредитно-денежной инфляции.[109]

Среди большевиков были деятели - Ф.Э. Дзержинский, Н.И. Бухарин, М.И. Фрумкин и другие, которые видели в товарном голоде опасность дезорганизации народного хозяйства. Так, Н.И. Бухарин прямо называл товарный голод формой кризиса, настаивал на его быстрейшей ликвидации.[110] Правда, ни он, ни другие сторонники ликвидации товарного голода не подвергали сомнению правильность политики цен, что в значительной степени ослабляло их позицию. Более последовательны были те партийные руководители (В.В. Куйбышев, А.И. Микоян), которые усматривали положительное воздействие товарного голода на все народное хозяйство.

Например, А.И. Микоян утверждал, что «товарный дефицит имеет громадное положительное значение - при нем промышленность получает величайший толчок со стороны рынка к быстрейшему росту и увеличению продукции... он неизбежен и страшиться его нечего».[111] Такие подходы

[109] Кондратьев Н.Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры, в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI; Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2; Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2; Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12; он же. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1926. С.26, 36, 43.

[110] Бухарин Н.И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент.

[111] Микоян А. Диспропорция и товарный голод // Большевик. 1926. № 23-24.

лишь разрушали торговлю и утверждали необходимость административного распределения товаров (планы завоза, генеральные договоры и т.п.).

В 1920-х гг. были опубликованы первые работы, посвященные деятельности органов советского контроля. Они носили в основном описательный характер (информация о деятельности отдельных структур РКИ, воспоминания о работе в органах контроля, статьи, выпущенные к юбилейным датам). Литература этого времени предназначалась для широкого круга читателей, поэтому уровень теоретических обобщений в трудах этого периода был не высок. Отметим, что публикации 1920-х гг. отражали официальную позицию партии по изучаемому вопросу. В 1920-х гг. был издан ряд брошюр, в которых содержались конкретные материалы о деятельности органов госконтроля.[112] В основном речь шла о привлечении широких народных масс к работе ЦКК-РКИ. Анализировались формы участия рабочих и крестьян в этой работе - секции РКИ при местных Советах, группы содействия РКИ и т.д. Очевидно, что данные труды не отличались объективностью.[113]

В 1920-е гг. широко развернулся анализ процессов, происходивших в деревне. Ведущим направлением в литературе являлось изучение социально-экономической обстановки в деревне. При этом вектор изучения был направлен на характер классового расслоения крестьянства. Тон здесь задавали Аграрный институт Коммунистической Академии и Научно-

---

С.26.

[112] См. напр.: Греков А., Киселев В. Опыт борьбы с бюрократизмом. - М., 1930; Быков П.Д. Секции РКИ. - М., 1929; Горохов В.А. Секции РКИ в деревне. - М., 1930; Клевцов В. Группы содействия РКИ. - М., 1932; Шмелев В., Кузин И. Контроль масс. - М., 1933; Филаретов К. Дозорные мартенов. - М., 1929; Островский А. Рабочий и чистка госаппарата. - М., 1930; Буров М.Б. Шефство заводов над госаппаратом. - М., 1931 и др.

[113] Шкловский Г., Челяпов Н., Хаевский М. Чистка как метод борьбы за пролетарский аппарат. - М., 1932.

исследовательский институт экономики и организации социалистического земледелия.[114] Однако истинный вектор научного поиска в 1920-е гг., на наш взгляд, определил член коллегии Наркомзема, выдающийся ученый А.В. Чаянов. Он в конце 1921 г. подчеркивал, что аграрная политика должна строиться так, «чтобы государственные интересы совпали с частными интересами крестьян, так как только эти интересы гарантируют успех...».[115]

Партийно-государственное руководство - В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий и др. в начале НЭПа высказывались в пользу «смычки с крестьянской экономикой», подчеркивали «первостепенное значение для подъема страны», сельского хозяйства.[116] Можно сказать, что на повестку дня ставились созидательные задачи, акцент в политике переносился с распределения на производство, и это находило свое выражение в исследовательской работе. Правда, чтобы не впадать в идеализацию этого периода, надо иметь в виду процесс ужесточения политики большевиков, а также и то, что НЭП вводился в аграрном секторе с запозданием, фрагментарно, без твердых гарантий.

Основу аграрной проблематики в 1920-е гг. составляли вопросы планирования, налогов, цен, товарности сельскохозяйственного производства и поддержки крестьянского хозяйства. К середине 1925 г. в Наркомземе под руководством Н.Д. Кондратьева был подготовлен перспективный план развития сельского и лесного хозяйства. Ставка делалась на двусторонний,

---

[114] Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1926; Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1927; Кретов Ф.Д. Классовое расслоение в деревне. М., 1927 и др.

[115] Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922. М., 1990. С.325.

[116] Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 45. С.76-77; XII съезд РКП (б): Стенографический отчет. М., 1963. С.23-25,26; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Т. 1. 1988. С.35-36.

аграрно-индустриальный тип народного хозяйства, на сохранение хозяйственного равновесия. Н.Д. Кондратьев подчеркивал, что искусственное ускорение индустриализации затормозит развитие производительных сил деревни.[117]

Аграрники-экономисты обращали внимание на несовершенство налоговой системы, которая чрезмерно облагала средние и сильные группы деревни, что серьезно ограничивало накопление и возможность расширения воспроизводства в сельском хозяйстве. Поэтому, например, Н.Д. Кондратьев считал, что при наличии в руках государства промышленности, транспорта, кредита процесс дифференциации деревни не таил в себе никаких социально-экономических неожиданностей.[118] Непомерная прогрессивность налогов, низкие цены «закладывали» экономическую стагнацию сельского хозяйства, что грозило тяжелыми последствиями всему народному хозяйству. Об этом осенью говорили в своих записках в комиссию В.М. Молотова ученые аграрники, представляющие совершенно разные научные школы - П.П. Маслов, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев.[119]

Однако лидеры партии перешли к политике ограничения и ликвидации кулачества. В 1927 г. они окончательно подчинили своему влиянию ЦСУ, реорганизовали Конъюнктурный институт при НКФ, отстранили от активного участия в центральных хозяйственных учреждениях беспартийных специалистов. Между тем сторонники официального курса переходи-

[117] Кондратьев Н.Д. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Доклад от Народного комиссариата Земледелия РСФСР на заседании президиума Госплана СССР, 4 июля 1925 г. // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4. С.191-193; Он же. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С.66.

[118] Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хозяйства. 1927. №5. С.129-139.

[119] Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С.216; № 7. С. 195; № 10. С.204-206.

ли в наступление и требовали приступить к обобществлению земледелия (В. Карпинский, М. Кубанин и др.), а за неимением достаточных аргументов навешивали на предложения Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова и др. ярлык «буржуазной программы в земельном вопросе».[120]

Предельно откровенно «буржуазным специалистам» пояснил суть большевистской экономической политики в апреле 1928 г. Н.И. Бухарин: «Между хозяйственным управлением и партийной жизнью у нас имеется самая тесная связь. Наше хозяйство не может рассматриваться отдельно от экономической политики государства, руководимого партией». И заключил: «...это специфическая особенность нашего экономического развития».[121]

В целом литература 1920- гг. достаточно полно отражала процессы организации внутренней торговли и социального снабжения граждан. Большую ее часть составляли выступления в периодических издания теоретиков и практиков НЭПа. Историографическая ценность этих работ очень высока, поскольку написаны они были специалистами, знакомыми с хозяйственными проблемами не по литературным и документальным источникам, а по непосредственной практической работе. Для большинства из них было характерно глубокое знание деталей, частностей проблемы, глубокое понимание протекавших в народном хозяйстве процессов. Большинство работ экономистов 1920-х гг. носило ярко выраженный исследовательский характер. Разработка ими поставленных вопросов, как правило, осуществлялась в соответствии с обоснованной научной методикой анали-

---

[120] Основные начала землепользования и землеустройства: Сборник статей, докладов, материалов. М., 1927. С.61,70, 71, 179.

[121] Бухарин Н.И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С.264, 265.

за фактического материала, чего нельзя сказать о партийных вождях, экономистах-коммунистах, предпочитавших особое внимание уделять выдержанному классовому подходу к изучаемым экономических проблемам.

Таким образом, в 1920-е гг. был основательно исследован широкий круг проблем, был накоплен богатый материал по изучению экономических процессов, который в дальнейшем был на долгие десятилетия «забыт». Этому в огромной степени способствовал второй период изучения (1930-е-середина 1950-х гг.), который отличался заметным идеологическим диктатом. Бурный рост капитальных вложений в тяжелую промышленность, постоянное подстегивание и без того сверхвысоких темпов индустриализации, насильственная коллективизация сельского хозяйства, фактическое свертывание торговли в начале 1930-х гг., разрушение финансово-кредитной системы - все оценивалось однозначно положительно.

В историографии 1930-первой половины 1950-х гг. наметились крайне противоречивые тенденции. С одной стороны, повышается профессионализм издаваемых трудов, тема начинает подвергаться более системному анализу, а с другой - усиливается идейный догматизм, сужается источниковая база исследований. Так, к примеру, в разряд «фигур умолчания» попали многие видные большевики, оставившие значительный след в создании и развитии системы продовольственного снабжения в Советской России в годы НЭПа.[122]

---

[122] Добротвор Н. Борьба за хлеб на первом этапе диктатуры пролетариата // Борьба классов. 1933. №11.; Добротвор Н. Продотряды в первоначальный период их организации // История пролетариата СССР. Т. 4. - М., 1933; Мельник Б. Продразверстка до ее декретирования // Проблемы экономики. 1935. №6; Фейгельсон М. Как революция решила продовольственный вопрос / Проблемы экополитики. - М., 1938; Беркевич А.Б. Петрозаводские рабочие в борьбе за хлеб. - Л., 1941; Нелидов А.А. Народный комиссариат продовольствия 1917-18 гг. Автореф. дисс… канд. истор. наук. - М., 1954.; Копдуфор Ю.Ю. Борьба рабочего класса и беднейшего крестьянства Украины за хлеб в период иностранной военной интервенции и гражданской войны 1919 г. - Харьков,

В новых идеологических условиях свободный и объективный анализ экономической политики, народного хозяйства был невозможен. Все работы 1930-х гг. - от руководителей страны до рядовых экономистов - были наполнены апологетикой успехов наступления социализма по всему фронту. С начала 1930-х гг. одним из направлений в литературе становится развенчание недавних кумиров - Н.И. Бухарина, Л.И. Рыкова и др., разоблачение вредителей - А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского и др.

Поворот к форсированному строительству социализма на рубеже 1920-30-х гг. прервал и саму практику рыночных отношений и историографические традиции 1920-х гг. В хозяйственной жизни страны произошли резкие изменения - свертывание рыночной смычки между городом и деревней, ограничение роли товарно-денежных отношений, абсолютизация роли плановых начал, приведшие к разрушениям экономического механизма, созданного при нэпе, и переходе к командно-административной системе управления. На официальном уровне после публикации «Краткого курса ВКП (б)» (1938) произошло утверждение сталинской трактовки НЭПа, как переходного периода, который понимался как постепенное преодоление многоукладной экономики и подготовка к широкомасштабной индустриализации и коллективизации.[123]

Объективные и субъективные условия развития историографии привели в последующее время к сокращению общего количества научных трудов, связанных с рассматриваемой темой. Так, с начала 1930-х гг., когда было покончено с практикой НЭПа, практически иссяк поток изданий, затрагивавших те или иные стороны жизни кооперации. Упадку кооперативного движения соответствовала и степень внимания к этому явлению и са-

---

1952; Шуваев К.М. Старая и новая деревня. - М., 1937; Иткин А. Советская торговля (очерки развития кооперативной и колхозной торговли). - Ташкент, 1936.

[123] Козлов Г.А. Советские деньги. М.-Л., 1939; Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе социалистического государства. 4.1. 1917-1925. М., 1947. и др.

мого общества. Как справедливо отметил В.В. Кулаков, с начала 1930-х гг. «связующая нить кооперативной литературы» была прервана.[124] Появились «труды», очень и очень далеко отстоявшие от настоящей науки, которые напористо и злобно развенчивали «буржуазные утопии» того же А.В. Чаянова и его сторонников.[125]

Лишь с наступлением 1950-х гг. стал ощущаться определённый поворот в сложившейся с годами ситуации. Исследователи вновь стали обращать, свое внимание к кооперации, вновь стал проявляться интерес к кооперативной организации в годы НЭПа.[126] Об этом, в частности, свидетельствуют работы А. Иткина, Б. Мельника, К. Шуваева, появившиеся в данный период и использованные при написании настоящей диссертации. Хотя они и носили в основном сугубо экономический характер, тем не менее, обнаруживаемые здесь суждения о кооперации весьма интересны.

Ряд работ, посвященных анализу продовольственного положения населения во времена НЭПа, появился и в сталинские 1930-1940-е гг.[127] Причем, говоря об этом, нельзя не указать, что на данном этапе практически полностью прекратилось исследование таких элементов системы материального обеспечения 1920-х гг., как биржи, частные торговые предприятия и т.д.

---

[124] Кулаков В.В. История советского законодательства о кооперации (1917-1929). Дисс… канд. истор. наук. - М., 1991. С. 13.

[125] Против кондратьевшины. - М., 1931. С. 8, 11, 16, 17; Теория и практика вредительства в советской торговле. - М.-Л., 1932 и др.

[126] Кистапов А.Я. Потребительская кооперация в СССР. - М., 1951; Шайпбеков К.А. Кооперативные организации СССР, их организационно-правовые формы // Новая жизнь. 1954. №5.

[127] Хейнфиц С. Уровень жизни трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1936. №8; Кудрявцев Н. Рост благосостояния рабочего класса // Плановое хозяйство. 1937. №8; Цветков П. Положение рабочего класса Советского Союза // Плановое хозяйство. 1938. №5.

На следующем этапе историографии (середина 1950-1980-е гг.) изучение рассматриваемой тематики происходило с гораздо большей степенью интенсивности и плодотворности, нежели в предыдущее время. Решающую роль в этом сыграло повышение профессионального уровня исследователей и смягчение официальной идеологической концепции советской истории. При этом, к сожалению, приходится констатировать, что и в изменившейся обстановке продолжали присутствовать прежние стереотипы. В частности, в новой концепции продовольственной политики Советского государства, утвердившейся в науке после XX съезда партии, в целом не были изжиты черты явной тенденциозности, идеологичности, что значительно затрудняло исследователям задачу объективного анализа проблем внутри данной темы.

Так, например, в 1950-1980-е гг. ученым хотя и было разрешено упоминать о наблюдавшихся в годы Гражданской войны и НЭПа негативных моментах в работе большевистского продаппарата, организации системы, кооперации и т.д., однако подобные упоминания ни в коем случае не должны были выходить за изначально очерченные рамки частных и кратковременных «упущений», «перегибов», «уклонов» и т.д., неизменно успешно преодолеваемых партийно-государственным руководством страны. В этом плане интересна аргументация В.А. Сахарова, пришедшего к выводу, что обновленная концепция советской истории, подготовленная «придворными историками» по докладу Н.С. Хрущева на XX съезде партии, вышедшая по его меткому выражению, «в готовом виде, как Минерва из головы Юпитера», является ничем иным, как плагиатом из работ Л.Д. Троцкого.[128]

О необходимости избегать ошибок прошлого указывается и в целом ряде глубоких, фундаментальных работ общего характера, посвященных

[128] Сахаров В.А. Исторические легенды в политической борьбе / Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. - М., 1996. С. 653.

НЭПу или частично касавшихся этого периода, принадлежащих перу видных ученых - историков, экономистов, юристов.[129]

Говоря об этом, нельзя не заметить, что упоминавшаяся идеологическая схема все же оставляла для исследователей больше возможностей, чем это было ранее. Несмотря на свою тенденциозность, именно литература данного периода наиболее активно использовалась при подготовке диссертации. Следует также отметить, что на этом этапе внутри темы происходит специализация исследований.[130] В этом плане хотелось бы особо обратить внимание на исследование А.А. Нелидова,[131] в котором на основе

[129] Андреев В. М. Продразверстка и крестьянство / Исторические записки. - М., 1976; Баева Х.К. Социальная политика Октябрьской революции. - М., 1977; Вдовин Н.И. К изучению истории социальной политики и социального развития советского общества // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1981. №2. С. 11; Гладков И.А. Очерки советской экополитики 1917-1920 гг. - М., 1956; Мартысевич И.Д., Чистяков О.И. Советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. - М., 1957; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. - М., 1966; Баевский Д.А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. - М., 1967; Берхин И.Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. - М., 1970; Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922) / Хлеб и революция. Продовольственная политика. Коммунистической партии и Советского правительства в 1917-1922 годах / Под. ред. А.С. Изюмова. - М., 1972; Папков Ю.С. В.И. Ленин о сущности «военного коммунизма». - М., 1977; Дмитриенко В.П. Советская экономическая политика в первые годы диктатуры пролетариата. Проблемы регулирования рыночных отношений. Автореф. дисс… доктора истор. наук. - М., 1982; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. - М., 1966; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.). - М., 1964; Павлов К.П. Роль государственной монополии внешней торговли в построении социализма в СССР. 1918-1937 гг. - М., 1960.

[130] Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти / Исторические записки. 1957. Т. 61; Давыдов М.И. Борьба за хлеб. - М., 1971.

[131] Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР 1917-1936 гг. - М., 1962.

архивных материалов дается развернутая картина деятельности Наркомата продовольствия РСФСР. К анализу структур Наркомпрода обращается в своей работе Ю.К. Авдаков.[132] Работу особых продовольственных комиссий при Наркомпроде (так называемых опродкомов) затрагивают в своих трудах И.А. Гладков, С.А. Черноморец.[133]

Появились также исследования, выявляющие региональную специфику деятельности по материальному снабжению в рассматриваемое время.[134]

Со второй половины 1950-х гг. исследователи продолжали уделять большое внимание изучению процесса материального обеспечения населения в 1920-е гг. Среди наиболее заметных и значительных публикаций данного периода можно выделить крупные работы В.З. Дробижева, М.Н. Коровиной и Т.Ф. Когана, А.А. Матюгина, Л.С. Рогачевской и других ученых, освещающих рассматриваемую проблему наиболее детально.[135] Вме-

---

[132] Авдаков Ю.К. Народное хозяйство в период войны (1918-1920 гг.) и иностранной интервенции. - М., 1959.

[133] Гладков И.А. Очерки советской экономики. 1917-1920 гг. - М., 1956; Черноморец С.А. Организация, материального снабжения (1917-1926 гг.). Государственно-правовые аспекты. - Сургут, 1999.

[134] Ракашевич В.К. Экономическое сотрудничество советских республик (1917-1922). - Минск, 1977; Дашлелейгер Г.Ф. К вопросу о продовольственной разверстке в Казахстане // Известия АН Казахской ССР. - Алма-Ата, 1955, Выпуск 2; Акрамов А. Туркомиссия и осуществление продовольственной политики в Туркестане / Уч. зап. Таш. гос. пед. ин-та, 1964, Т. 52, Выпуск 5; Иванова К.С. Борьба трудящихся Архангельской губернии за восстановление народного хозяйства (1920-1925 гг.). - Архангельск, 1959.

[135] Рогачевская Л.С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926-1927 гг.). - М., 1959; Коровина М.Н., Коган Т.Ф. Борьба за улучшение благосостояния рабочего класса (1921-1925 гг.) // Вопросы истории. 1961. №9; Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в период восстановления народного хозяйства (1921-1925). - М., 1961; Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической

сте с тем, необходимо заметить, что только в 1970-е гг. стала преодолеваться чрезвычайно упрощенная, заранее заданная схема, требовавшая в обязательном порядке показа процесса непрерывного улучшения материального положения рабочего класса на протяжении 1920-х гг. Одним из первых эту порочную схему аргументированно подверг критике А.А. Твердохлеб.[136]

В 1971 г. вышла ценная монография М.И. Давыдова,[137] ставшая первой фундаментальной работой, обстоятельно анализирующей события в сфере продовольствия на протяжении 1917-1920 гг.

Ю.С. Папков анализируя содержащиеся в произведениях В.И. Ленина взгляды на сущность политики «военного коммунизма», привлек внимание к тому, что одновременно с централизацией и упорядочением распределительной системы, Советская власть решала проблему снабжения населения продовольствием посредством организации общественного питания, на что нацеливал В.И. Ленин сразу же после победы Октябрьской революции.[138] Правда, это интересное наблюдение вступает в противоречие с рассуждениями автора о времени зарождения системы советского общественного питания.

Следует отметить, что задачу изучения политики Советского государства в области общественного питания первыми начали решать не историки и юристы, а экономисты. Уже в 1960-х гг. выходят книги Г.А. Дихтяра, Г.Л. Рубинштейна, В.П. Дмитренко, в которых имеются специальные

реконструкции народного хозяйства. - М., 1961.

[136] Твердохлеб А.А. Историография материального благосостояния рабочего класса СССР в переходный, от капитализма к социализму период // История СССР. 1974. №3.

[137] Давыдов М.И. Битва за хлеб. - М., 1971.

[138] Папков Ю.С. В.И. Ленин о сущности «военного коммунизма». - М., 1977.

разделы по данной проблематике.[139] В частности, в докторской диссертации В.П. Дмитренко исследована общегосударственная система распределения продовольствия, включавшая в себя предприятия общественного питания.[140]

Еще одна характерная особенность работ, появившихся в рамках обсуждаемого периода, - усиленное внимание исследователей к проблемам кооперации. В это время произошел всплеск интереса ученых к данной проблематике.[141]

Следует отметить также появившиеся в 1950-1960-е гг. исследования И.Д. Мартысевича, О.И. Чистякова, В.М. Курицына, В.М. Клеандровой,

---

[139] Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. - М., 1961; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. - М., 1964; Дмитренко В.П. Торговая политика после перехода к НЭПу. 1921-1924. - М., 1971.

[41] Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы диктатуры пролетариата. Проблемы регулирования рыночных отношений. Автореф. дисс… доктора эконом. наук. - М., 1982.

[141] Демьянов М.А. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за кооперацию в первые два года НЭПа (1921-23). - Л., 1924; Гамапопов М.В. Кооперативное совещание при ЦК партии (1928-1929) // Вопросы истории КПСС. 1959. №4; Бланк Г.Я. Основы теории и истории потребительской кооперации в СССР. - М., 1963; Булатов Г.И. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения СССР (1921-1925). - Пенза, 1961; Днепровский С.П. Кооператоры. 1898-1968. - М., 1968; Коссой А.О. О природе и роли кооперации в переходный период от капитализма к социализму // Вопросы экономики. 1963. №2; Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. - М., 1969; Рогава Х.П. Советское социалистическое государство в период перехода от социализма к коммунизму. - Тбилиси, 1968; Фаин Л.Е. Социально-экономическая характеристика кооперации в начальный период НЭПа (1921-23) // История СССР. 1968. №5; Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация. - М., 1973; Пирогова С.И. Государственное руководство кооперативным строительством в УССР (1922-1931). - Харьков, 1975; Дмитренко В.П., Морозов Л Ф., Погудин В.Н. Партия и кооперация. - М., 1978.

Н.С. Захарова, в которых названные вопросы хотя и не были объектом специального изучения, однако нашли своё четкое и обстоятельное изложение.

Политика Советского государства по вопросам кооперации, как известно, находилась в достаточно тесной связи и с его воззрениями на внутреннюю торговлю. Поначалу партия исходила из предпосылки о несовместимости социализма с торговлей, считая, что при социализме последнюю заменит организованное государственное распределение материальных ресурсов. Однако сразу отказаться от услуг торговли и разом аннулировать её было невозможно. Всё задуманное следовало осуществлять постепенно, поэтапно. Значимость тематики определила и глубокий интерес к её изучению.[142]

Среди немалого числа произведений, посвященных истории советской торговли одно из ведущих мест заняли работы Г.А. Дихтяря и Г.Л. Рубинштейна. В своих монографиях они дали научно обоснованное, глубокое и разностороннее освещение вопросов истории развития товарооборота в СССР, истории развития внутренней торговли. Книга Г.Л. Рубинштейна «Развитие внутренней торговли в СССР», - это фундаментальное исследование, охватывающее весьма значительный период времени, начиная со второй половины XIX в. до начала Великой Отечественной войны. На большом фактическом материале и в пределах немалых временных рамок (около столетия) автор предпринял достаточно успешную попытку осуществить анализ процесса становления и развития в России товарно-денежных отношений. В книге подробно повествуется о различных фор-

[142] Капевский Е., Марголин Л. У истоков советской торговли. - М., 1971; Перпер М.Я. НЭП и использование торговли для социалистического развития Туркестана / Научные доклады Ташкентского института народного хозяйства. 1965. Выпуск 22; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. - Л., 1964; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. - М., 1961.

мах торговли, утверждавшихся на внутреннем рынке, эволюции форм товарооборота между городом и деревней, роли государственной и кооперативной торговли.

Наличие упомянутых бесспорных достоинств, к сожалению, не избавило рассматриваемую работу Г.Л. Рубинштейна, как и работу Г.А. Дихтяра и многих исследований других авторов от характерных для этого периода недостатков. Суть их - в возвеличивании решающей роли партии и её вождя В.И. Ленина, сведение в первую очередь к их заслугам всех успехов в решении задач, связанных с организацией материального обеспечения масс.

Экономические реформы, проводившиеся в стране в середине 1960-х гг., породили новый всплеск внимания и возросшего интереса к истории экономики СССР в целом, и к истории торговли в частности. Появился целый ряд исследований, продемонстрировавших стремление авторов обобщить предшествующий опыт хозяйствования, в том числе в данной сфере. Обзор литературы этого периода, обнаружив известные успехи, подтвердил очевидный факт, что многие проблемы либо все еще выпадают из поля зрения исследователей, либо анализируются недостаточно полно. Более того, проведенные в период между 1964-1968 гг. дискуссии, организованные журналами «Вопросы истории» и «Вопросы, истории КПСС», выявили достаточно серьёзные различия во взглядах на историю хозяйствования во времена НЭПа между историками и экономистами.

Говоря об этом, нельзя не отметить отрадного факта появления ряда работ тех, кто стоял у истоков советской торговли. Поскольку упомянутые произведения изобилуют богатыми архивными материалами, из периодической печати прошедших лет, воспоминаниями ветеранов торговли и др., значение их чрезвычайно велико. В этом плане хотелось бы обратить внимание на вышедшую в 1975 г. книгу Е.М. Каневского и Л.Г. Марголина «У истоков советской торговли».

Исследователями второй половины 1950-1980-х гг. были затронуты далеко не все существенные аспекты процесса организации и проведения мероприятий в области материального обеспечения населения в первые годы существования Советской власти и деятельности государственного аппарата. В частности, почти не исследованным остался процесс образования и функционирования системы органов Наркомпрода. Между тем их деятельность, как известно, в большой мере содействовала реализации многих мероприятий в сфере заготовок и распределения, вносила немалую лепту в дело формирования советской распределительной системы.

В ряде работ второй половины 1950-1970-х гг. показано, что между продовольственной политикой царизма в годы Первой мировой войны, Временного правительства в 1917 г. и политикой Советской власти в годы Гражданской войны существует определенная преемственность. В частности, отмечалось, что продразверстка ни в коей мере не была открытием большевиков, а являлась элементом, логически вытекающим из развития продовольственного курса, проводившегося и в дооктябрьский период.[143]

В это время активнее изучается региональная специфика становления и функционирования системы материального обеспечения в 1920-е гг. Так, в ряде работ сибирских и дальневосточных историков анализируются

[143] Волобуев П.В. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции / Победа Великой Октябрьской социалистической революции. - М., 1957; Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. - М., 1962; Лаверычев. В.Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии // Вестник МГУ. Серия история-философия. 1966. №1; Лаверычев. В.Я. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1977. №3; Лаверычев. В.Я. Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914-февраль 1917 гг.) // Исторические записки. 1978. Т. 101; Лаверычев. В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. Проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействия капиталистических монополий на государственный аппарат. - М., 1982.

такие важные особенности, как более поздний переход к НЭПу, высокий удельный вес частного сектора и т.д.[144]

Процесс изучения упомянутой темы на данном этапе отслеживался в ряде историографических работы. В 1974 г. в статье «Историография материального благосостояния рабочего класса в СССР в переходный от капитализма к социализму период» А.А. Твердохлеб пришел к выводу о том, что в 1970-х гг. все еще не было работ обобщающего характера по упомянутой проблеме.[145] Аналогичный вывод был сделан в начале 1980-х гг. Ю.К. Стрижковым и А.И. Сусловым в историографическом обзоре, посвященном вопросам советской продовольственной политики. Историки делают вывод об имеющихся в этом направлении многих «белых пятнах», требующих детального исследования. Авторы, обзора считали что, во-первых, нуждается в дальнейшей разработке и определении роль В.И. Ленина в области материального снабжения (и в продовольственной области в частности). Во-вторых, хотя и появился ряд глубоких исследований о различных формах организации снабжения трудящихся на местах, о развертывании системы общественного питания и т.д., разработка этой инте-

[144] Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Сборник статей / Под ред. В.С. Флерова. Выпуск 1-4. - Томск 1963-1965; Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Сборник статей / Под ред. В.С. Флерова. Выпуск 5. 1971; Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Сборник статей / Под ред. В.С. Флерова. Выпуск 6. 1972; Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Сборник статей / Под ред. В.С. Флерова. Выпуск 7. 1972; Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства Сборник статей / Под ред. В.С. Флерова. Выпуск 8. 1976; Флеров В.С. Дальний Восток в период народного хозяйства Т. I. – Томск, 1973.

[145] Твердохлеб А.А. Указ. соч. // История СССР. 1974. №3. С. 113-131.

ресной темы всё ещё находится на начальной стадии.[146] Правда, в 1985 г. появилось интересное диссертационное исследование М.П. Польского, свидетельствовавшее о наметившихся благоприятных тенденциях в разработке этой проблематики.[147]

На данном этапе исследования появляются историографические работы общего характера - по историографии НЭПа,[148] рабочего класса,[149] крестьянства.[150] В книге И.Я. Трифонова «Классы и классовая борьба в

---

[146] Стрижков Ю.К., Суслов А.И. Новейшая историческая литература о борьбе на продовольственном фронте в годы гражданской войны // Вопросы истории. 1980. №2. С. 122, 127.

[147] Польский М.П. Советская продовольственная политика в переходный от капитализма к социализму период. Проблемы организации питания населения. Автореф. дисс… доктора юрид. наук. - М., 1985.

[148] Берхин И.Б. Некоторые вопросы историографии новой экономической политики в СССР // Вопросы истории. 1961. №3; Зак Л.М., Лельчук В.Г., Погудин В.П. Строительство социализма в СССР. - М., 1970; Желтева Г.И. Социалистическое строительство в Узбекистане (20-30-е гг.). Историографический, очерк. - Ташкент, 1975.

[149] Алексеев Г.А., Лельчук В.С. Некоторые вопросы историографии социалистической индустриализации СССР. Советская историческая наука от XX до XXII съезда КПСС. - М., 1962, С. 329-428; Дробижев В.З., Лельчук В.С. Индустриализация и социальный прогресс (исторические заметки) / Очерки по историографии советского общества. - М., 1967. С. 104-134.

[150] Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной исторической литературе / История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. - М., 1963. С. 192-222; Чипчиков А.М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917-1969 гг.). - М., 1971; Гусев Г.В. Историография союза рабочего класса и крестьянства / Очерки по историографии советского общества. - М., 1965. С. 487-540; Гусев Г.В. Основные этапы истории союза рабочего класса и крестьянства и ее освещение в советской исторической литературе / Рабочий класс и развитие сельского хозяйства СССР. - М., 1969. С. 9-77; Погудин В.И. Руководство рабочего класса социалистическим преобразованием деревни (исторический очерк) / Рабочий класс и развитие

СССР в начале НЭПа (1921-1923 гг.), изданной в 1964 г. и обладающей целым рядом очевидных достоинств, содержится развернутая характеристика ситуации в стране непосредственно после завершения Гражданской войны не только с позиций политических, но и экономических, затрагиваются вопросы продовольственного снабжения в тот период времени. Интересен и архивный материал, который наглядно и убедительно иллюстрирует весь ход повествования.[151]

Обстоятельный анализ хозяйственных мероприятий Советской власти в переломный для страны момент - в 1921 г., в т.ч. и трансформации системы материального снабжения при переходе от военного коммунизма к НЭПу, содержится в монографии Э.Б. Генкиной. Автор показывает, насколько нелегко разворачивался в сторону нового направления в сфере хозяйствования государственный и партийный аппарат.[152]

Состояние хлебного рынка в стране в момент перехода от военного коммунизма к НЭПу рассматривается в коллективной работе «Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России». Особое внимание авторы уделяют анализу экономического поведения так называемой «мелкобуржуазной стихии».[153] О первых преобразованиях, осуществленных

сельского хозяйства СССР. - М., 1969. С. 78-102; Смышляев В.А. Торжество ленинского кооперативного плана. Историографический очерк истории коллективизации сельского хозяйства. - Л., 1972.

[151] Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921-1923гг.). Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. - Л., 1964.

[152] Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922). - М., 1954.

[153] Крушение мелкобуржуазной революции в Советской России (конец 1920-1921 гг.). - М., 1984.

властью в области экономической политики, повествуется в монографии И.Б. Берхина.[154]

В 1950-1980-е гг. в СССР вышло немало книг, в которых рассматриваются хлебозаготовительные кризисы 1926 и 1928 г.г. К сожалению, идеологическая предопределённость, характерная для того времени, наложила свой отпечаток и на них. Так, при анализе причин данных кризисов историки изначально ориентировались, прежде всего, на поиск доказательств, подтверждающих справедливость пресловутого утверждения об усилении классовой борьбы по мере продвижения страны по социалистическому пути. В результате искусственно выпячивалось «вредительство кулацких элементов» и т.п., что позволяло затушевывать упомянутые вскользь объективные экономические предпосылки рассматриваемых явлений, а значит, и наличие серьезных просчетов в политике партии в этой сфере.[155]

В рамках данного периода были подвергнуты изучению основные элементы, госкапитализма в СССР в переходный период. Среди многих работ хотелось бы обратить внимание на появившуюся в 1969 г. книгу С.В. Юферовой «Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму».[156] В ней подробно анализируется деятельность концессий, смешанных обществ и т.п. Не избежав недостатков, общих для литературы тех лет, названная работа, тем не менее, содержит ряд серьёзных достоинств. В частности, позитивным её качеством, безусловно, следует считать

---

[154] Берхин И.Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. - М., 1970.

[155] Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. - М., 1972; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921-1932). - М., 1968.

[156] Юферова С.В. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. - М., 1969.

изобилие архивных материалов, данных статистического характера, на фоне которых и ведется повествование.

Изучению госкапитализма как одной из форм хозяйствования посвящены обстоятельные работы И.А. Исаева, появившиеся на протяжении 1972-1986 гг.[157] Затрагивая проблемы регулирования частного капитала, Игорь Андреевич подверг анализу понятия государственного капитализма и капитализма частнохозяйственного. «Для разделения этих двух сфер частнохозяйственной инициативы, - пишет он, - авторами вводятся критерии, имеющие правовой характер. Первым является характер собственности. Ей может быть присущ либо смешанный, полукапиталистический характер (госкапитализм), либо «чисто капиталистический» характер (частнохозяйственный капитализм). Вторым критерием является форма государственного контроля. Для госкапитализма, характерны непосредственные, прямые, а для частнохозяйственного капитализма - опосредствованные, косвенные формы государственного контроля. Наконец, третьим критерием является наличие (для госкапитализма) или отсутствие (для частнохозяйственного капитализма) прямых договорных отношений с государством».

Исходя из данного выше определения, автор формулирует признаки понятия «госкапитализм», особо выделяя наиболее важные: 1) форму организации частного капитала; 2) подчиненность частного капитала государству; 3) методы государственного регулирования частного капитала. Указанные работы И.А. Исаева подробно очерчивают канву событий пер-

[157] Исаев И.А. Государственно-правовое регулирование частного капитала в народном хозяйстве СССР в первые годы НЭПа (1921-1925гг.). Автореф. дисс… канд. юрид. наук. - М., 1972; Исаев И.А. Правовые вопросы исследования частного капитала в восстановлении советского народного хозяйства (1921-1925гг.). - М., 1977; Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). - М., 1986.

вых лет НЭПа, а также дают доказательный ответ на ряд вопросов материального снабжения населения.

Обстоятельный анализ развития частной и государственной торговли в 1920-е гг. содержится в книге В.А. Архипова и Л.Ф. Морозова. Авторы раскрывают остроту борьбы между двумя вышеуказанными секторами экономики, показывая серьезные возможности частных торговцев и наметившееся к концу 1920-х гг. стремление последних к укреплению корпоративно-деловых связей. В условиях 1970-х гг. минувшего века, такая нацеленность воспринималась как явление негативное, свидетельствовавшее о стремлении к нанесению «прямого материального ущерба пролетарскому государству и широким массам трудящихся».[158]

Крупнейшие труды зарубежных авторов 1960-1970-х гг. оценивают события НЭПа с позиций явно противоположных. В советологии того времени был уже преодолен примитивно-идеологизированный подход, рисующий историю Советской России исключительно в черных красках. Новое поколение советологов приложило немало усилий, чтобы объективно и взвешенно разобраться в событиях, свершавшихся в нашей стране в годы Гражданской войны и НЭПа, в том числе и в динамике формирования и функционирования системы материального снабжения. Можно назвать работы Дж. Боффа, Н. Верта, Э. Карра, С. Коэна, А. Ноува и т.д.[159]

Следует также отметить, что исследований обобщающего характера, освящавших проблемы организации материального обеспечения населения

---

[158] Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле: 20-е - начало 30-х годов. - М., 1978. С. 199-200.

[159] Боффа Дж. История Советского Союза. В двух томах. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941. - М., 1994. Верт Н. История Советского государства. 1900-1901. - М., 1995. Карр Э. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917-1929 гг. - М., 1990. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. - М., 1990. Ноув А. О судьбах НЭПа // Вопросы истории. 1989. №8.

в период после окончания Гражданской войны до начала 1930-х гг., в 1950-1980-е гг. появилось очень мало. Это появившиеся в 1983 г. статьи И.М. Волкова, М.А. Вылцана, И.Е. Зеленина.[160]

Новый период в историографии проблемы наступил с конца 1980-х гг. В центре внимания исследователей оказались проблемы НЭПа, как легитимного опыта осуществления рыночных реформ в условиях советской системы.

С началом политики перестройки, когда сталинский этап стал характеризоваться как отход от ленинских идей, НЭП стал восприниматься как период позитивного и конструктивного развития экономической сферы, в том числе и в сфере материального обеспечения. Курс на изменение общей концепции советской истории во многом был предопределён партийным руководством и прежде всего М.С. Горбачевым.[161] Для целого ряда произведений эпохи перестройки характерна идеализация ленинского кооперативного плана, явно надуманное противопоставление его сталинской коллективизации и т.д. Такой подход прослеживается в трудах Ю.А. Васильчука, А.Я. Максимовича, Л.А. Резникова, И.И. Ходорковского, В.А. Марьяновского, Н.Л. Рогалиной, В.М. Селунской и т.д.[162]

---

[160] Волков И.М., Вылцан М.А., Зеленин И.Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917-1982 гг.) // История СССР. 1983. №2.

[161] Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. - М., 1987.

[162] Васильчук Ю. Кооперация и социализм // Мировая экономика и международные отношения. 1988. №7; Максимович Н.Я. Кооперативы как альтернативная форма хозяйствования // Правовое обеспечение организации и деятельности кооперативов в сфере производства и услуг. - М., 1989: Резников Л. Кооперация в ленинской концепции социализма // Экономические науки. 1988. №4; Ходорковский И.И. О ленинской концепции кооперации // Вопросы истории КПСС. 1990. №3; Ципко А.С. Как были преданы забвению идеи Ленина // Кооперативная собственность при социализме. - М., 1989; Рогалина Л.Л. Кооперация: уроки пройденного пути. - М., 1989; Селунская В.М. Ленинское учение о кооперации и современность. - М., 1989.

Говоря о недостатках упомянутых публикаций, нельзя не отметить, что целый ряд работ увидевших свет в те же годы, минувшего века, обнаружили попытки их авторов оценить события 1920-х гг., несколько с иных позиций. В частности, коррекция общей концептуальной схемы просматривается в трудах М. Голанда, М.М. Горинова, В.Н. Дмитренко, И.А. Исаева, посвященных истории первых десятилетий Советской власти, работах С.А. Черноморца о проблемах организации материального обеспечения в годы НЭПа и предшествовавшего ему периода.[163]

Так, например, М. Голанд вскрывает грубые ошибки большевистского руководства в экономической политике 1920-х гг., приведшие к серии хлебозаготовительных кризисов, а в конечном итоге и полной отмене НЭПа. Однако, говоря о серьезных просчетах партии и правительства, на радикальный пересмотр концепции советской истории автор не решился.

Отмечая некую наблюдавшуюся осторожность в оценках, необходимо всё же признать, что решительный концептуальный пересмотр марксистско-ленинской схемы уже назревал. Правда, произошел он чуть позже. С конца 1980-х гг. в науке совершалось постепенное накопление «критической массы» замалчиваемых ранее фактов отечественной истории, которые по мере их обнародования, все в меньшей и меньшей степени вписывались в отведенную им роль «довесков». Свою роль в необходимости переосмысления советской истории сыграли и публикации диссидентских и немарксистских зарубежных исследователей. Их энергичное воздействие ощущалось особенно остро на фоне обнаруживавшейся все явственней полнейшей идейно-политической беспомощности вооруженного «всесильным ленинским учением» руководства КПСС. Все это привело к круше-

[163] Черноморец С.А. организация Наркомата продовольствия и его деятельность в 1917-1920 гг. - Саратов, 1986. Черноморец С.А. Организация материального снабжения (1917-1926 гг.). Государственно-правовые аспекты. - Сургут, 1999.

нию сложившейся в 1960-1980-е гг. «обновленной» концепции советской истории, к поиску принципиально новых путей исследования темы.

Значительная часть работ этого периода не избежала такого явления, как механическая «смена полюсов» (с плюса на минус) в анализе фактов и событий 1917-1920-х гг., многие из которых освещены в сугубо негативном плане. Это характерно, например, для появившихся в конце 1980-х гг. работ А. Ципко.[164] Думается, однако, что, несмотря на закономерность данного процесса, плодотворный анализ данной темы будет связан с более сложными, признающими гораздо большую мозаичность экономической жизни той эпохи, концепциями. В связи с этим, недостаточно убедительным выглядит появившееся в ряде современных работ мнение о том, что именно идеологические, а не экономические факторы сыграли решающую роль в введении системы «военного коммунизма» и связанной с ней продразверстки. Убедительное опровержение этих утверждений содержится в работе В.А. Мау. Автор на основе детального анализа документов показал, что идея продразверстки постепенно вызревала еще в царское время, в условиях первой мировой войны. Большевики получили в Октябре 1917 г. административный аппарат в сфере продовольствия уже в готовом виде, после Октября он был только усилен.[165]

В качестве первых попыток определения новых критериев оценки происходившего с момента перехода к НЭПу, следует отметить чрезвычайно емкую статью Е.Г. Гимпельсона, основанную на новых, не известных ранее документах.[166] Автор, в частности, показывает глубоко противо-

---

[164] Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. №11-12; 1989. №1-2; Ципко А. Истоки и сущность сталинизма. - М., 1990.

[165] Мау В.А. Реформы и догмы. 1914-1929 гг. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. - М., 1993.

[166] Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1994. №2.

речивый, половинчатый характер НЭПа, формальность лозунга В.И. Ленина о том, что новый курс вводится «всерьез и надолго». По мнению автора, смягчение административного давления на сельскохозяйственный сектор экономики, наблюдавшееся в 1920-х гг., было явно недостаточным для успешного развития этой сферы хозяйства. В свете новых архивных источников осуществлена и переоценка так называемого ленинского кооперативного плана. Е.Г. Гимпельсон показал, что несмотря на появление у лидера партии несколько большего, по сравнению с военно-коммунистическим временем реализма, освобождения от некоторых идеологических иллюзий, коренного пересмотра взглядов на диктатуру пролетариата, «руководящую и направляющую» роль партии, государства, существенного пересмотра классового подхода к решению вопросов экономики и политики не произошло. В результате, «понимая необходимость коренного улучшения управления страной, кроме бесплодных рецептов для этого, В.И. Ленин ничего предложить не сумел».[167]

Пересмотру подверглась и периодизация НЭПа. Так, Н.Н. Метельский отдельно выделяет хозяйственные системы военного коммунизма, товарообмена весны-осени 1921 г. и рыночного НЭПа 1922-1929 гг.[168] Н.С. Присяжный связывает НЭП, прежде всего, с отказом от «чрезвычайной» модификации Советской власти в годы военного коммунизма. Начальная граница НЭПа при этом несколько смещается вперед, так как институт Чрезвычайного уполномоченного СТО по снабжению Красной Армии и

[167] Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1994. №2. С. 42.

[168] Метельский Н.Н. X съезд РКП(б): шаг к НЭПу или защита военного коммунизма // Историческое значение НЭПа. Сборник научных трудов. - М., 1990. С. 43, 57.

Флота, под управление которого попадало и гражданское производство, был ликвидирован только в августе 1921 г.[169]

В работах Л.Е. Файна на большом массиве источников показано, что командно-административный нажим на кооперацию, возникший в Советской России при военном коммунизме, в целом сохранился и в годы НЭПа. Автор приводит мысль об обреченности кооперативного сектора в СССР в 1920-е гг., о неизбежности его тотального огосударствления. В этих условиях было запрограммировано не смягчение, а наоборот, обострение проблем продовольственного снабжения.[170]

К аналогичным выводам приходит в своих исследованиях и А.А. Николаев. По его мнению, кооперация в годы НЭПа фактически не была защищена от произвола бюрократических структур.[171] Серьезной критике авторов появившегося в 1993 г. сборника научных статей, посвященных сельскохозяйственной кооперации, подверглось кооперативное законодательство 1920х гг.[172] Такие же выводы делает и А.Ю. Кабанов на основе изучения развития кооперации 1920-х гг.[173]

---

[169] Присяжный Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ 1918-1921 гг.). - Ростов-на-Дону, 1994. С. 4, 8, 46.

[170] Файн Л.Е. Военно-коммунистический эксперимент над российской кооперацией (1918-20) // Вопросы истории. 1997. №11; Файн Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) // Вопросы истории. 1994. №9.

[171] Николаев А.А. Кооперация в условиях НЭПа / Россия НЭПовская: политика, экономика, культура. Тезисы Всесоюзной научной конференции. - Новосибирск, 1991. С. 97.

[172] Сельскохозяйственная кооперация и право. - М., 1993.

[173] Кабанов А.Ю. Развитие льняной кооперации СССР в 20-е годы / Проблемы социального развития советского общества. - Иваново, 1992.

Значительные обобщающие работы о кооперации в годы НЭПа, о ее роли в обеспечении материального снабжения населения были написаны Ю.А. Реентом и Ю.А. Денисовым.[174]

В.И. Секушин в работе с характерным названием «Отторжение: НЭП и командно-административная система» полагает, что ввиду половинчатости преобразований 1920-х гг. на гибель были обречены все рыночные элементы системы материального снабжения того времени. Ряд историков, подчеркивая искусственный и непрочный характер рыночных отношений, предпочитают пользоваться пришедшим из западной науки термином «квазирынок».

Товарообмен между городом и деревней в годы НЭПа изучает А.В. Скрынников.[175] С объективных, неидеологизированных позиций стремится рассмотреть проблему мешочничества в годы Гражданской войны А.Ю. Давыдов. Автор приходит к выводу о бесперспективности борьбы с данным явлением военно-коммунистическими методами. Ценен также его тезис о том, что экономический курс большевиков того периода времени приводил к очень противоречивым результатам: с одной стороны, он смягчал продовольственный кризис, но с другой (поскольку уничтожал рыночные механизмы саморазвития) - создавал еще большее его обострения. В этих условиях мешочничество выступало в качестве защитной реакции хлебного рынка, причем большевистское руководство в военные годы уже

---

[174] Реент Ю.А. Кооперация и НЭП. - Рязань, 1997; Реент Ю.А. Развитие сельскохозяйственной кооперации в общественно-политических условиях НЭПа 1921-1927 гг. (на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской, и Тульской губернии). Автореф. дисс... канд. истор. наук. - М., 1993; Денисов Ю.А. Кооперативная политика Советского государства в 1921-1927 гг. (на примерах потребительской кооперации г. Москвы и московской губернии). Автореф. дисс... канд. истор. наук. - М., 1993.

[175] Скрынников А.В. Взаимоотношения города и деревни в 1921-1927 (на материалах областей ЦЧО): Автореф. дисс... канд. истор. наук. - М., 1993.

отдавало себе отчет в том, что именно мешочники вносили весомую лепту в обеспечение городского населения, хлебом.[176]

Среди значительного числа научных трудов, вышедших в конце 1980-1990-е гг., следует отметить также диссертационные работы В.В. Кулакова,[177] В.Г. Петровича,[178] И.Т. Филиппова.[179] В частности, В.В. Кулаков пытается с иных позиций осмыслить историю советского законодательства о кооперации и на этом фоне очертить динамику мероприятий советской продовольственной политики на примере одной из среднеазиатских республик. Анализу продовольственной политики советского руководства в годы Гражданской войны и в первые годы НЭПа, посвящено исследование И.Т. Филиппова.

Достаточно глубоко и аргументированно анализируется система материального снабжения в СССР в 1920-е гг. в работах Е.А. Осокиной, которая считает, что проблема обеспечения населения потребительскими товарами к концу 1920-х тт. обострилась, прежде всего, из-за попыток форсированной индустриализации, к чему страна была явно не готова. В итоге был нарушен хрупкий баланс экономических интересов различных слоев общества, наметившийся в первой половине 1920-х гг. Вместе с тем достаточно дискуссионным, на наш взгляд, выглядит отрицание Е.А. Осокиной,

---

[176] Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура 1918-1922 гг. // Вопросы истории. 1994.

[177] Кулаков В.В. История советского законодательства о кооперации (1917-1929). Дисс… канд. юрид. наук. - М., 1991.

[178] Петрович В.Г. Продовольственная политика в Узбекистане и ее осуществление в 1917-1947 гг. Дисс… канд. истор. наук. - Саратов, 1997.

[179] Филиппов И.Т. Продовольственная политика в России (1917-1923 гг.). Автореф. дисс… канд. истор. наук. - М., 1995.

что одной из причин продовольственных кризисов конца 1920-х гг. было падение товарности крестьянского хозяйства.[180]

К выводу о том, что на протяжении всего периода 1917-1929 гг. Советское государство использовало по отношению к крестьянству преимущественно командно-административные методы воздействия приходит в своей работе Н.П. Носова. Это было характерно и для деятельности продовольственных органов того времени.[181]

В работе В.А. Ильиных показано, что сама организационная схема проведения нового экономического курса не предусматривала реальных гарантий для полноценной реализации частнопредпринимательской деятельности в экономике в целом, и в системе материального снабжения в частности. Негосударственные субъекты рынка страны в 1920-е гг. были бесправными.[182] К аналогичным выводам пришел и С.А. Черноморец,[183] неоднократно обращавшийся к рассмотрению вопросов государственно-правового характера и затрагивавший различные стороны организации материального обеспечения в годы Гражданской войны и НЭПа.[184]

---

[180] Осокина Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. №2. С. 86-104; Осокина Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения // Отечественная история. 1995. №3; Осокина Е.А. СССР в конце 20-первой половине 30-х годов. Торговля? Распределение! // Отечественная история. 1992. №5. С. 42-59.

[181] Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917-1929). - М., 1993.

[182] Ильиных В.А. Государственное регулирование частнопредпринимательской деятельности на хлебном рынке СССР в условиях НЭПа / Гуманитарные науки Сибири. Серия «отечественная история». 1994. №2. С. 35-41.

[183] Черноморец С.А. НЭП. Особенности политического курса государства в сфере торговли / Третьи Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. - Екатеринбург, 2000.

[184] Черноморец С.А. Организация материального снабжения (1917-1926 гг.). Государственно-правовые аспекты. - Сургут, 1999.

Вывод о том, что коллективизация была закономерным выходом из половинчатой, не отвечающей потребностям страны системы НЭПа, содержится в работе Ю.А. Мошкова. На протяжении 1920-х гг. в стране постоянно падала товарность крестьянских хозяйств, что не позволяло совершить технологический рывок в индустрии. Власти к концу десятилетия исчерпали ограниченный потенциал новой экономической политики; после чего необходимо было в срочном порядке добиться резкого повышения уровня сельскохозяйственного экспорта либо путем введения полноценного капитализма, либо через возврат к военно-коммунистическим принципам хозяйствования. Последний вариант для руководства страны был более привычным и идеологически выверенным. В публикации вскрываются серьезные дефекты системы материального обеспечения времен НЭПа.[185]

В контексте рассматриваемой темы интересны рассуждения Я. Корнай о хроническом дефиците как об обычном состоянии социалистической экономики (прежде всего в продовольственной сфере), отражающем качественную характеристику результатов её функционирования и направления её развития. В книге Я. Корнай даётся также анализ действия механизмов, воспроизводящих это явление.[186]

Е.Н. Ахраменя подробно анализирует механизм административного регулирования системы государственного капитализма со стороны властей в 1920-е гг.[187] Попытку создания обобщающего труда о роли частной про-

[88] Мошков Ю.А. Коллективизация и сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е годы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1997. №3.

[186] Корнай Я. Дефицит. - М., 1991.

[187] Ахраменя Е.Н. Во все вооружении контроля. Административное регулирование государственного капитализма в хозяйственной жизни страны в период 20-х годов / Сборник статей по новейшей истории отечества. - М., 1999.

мышленности в годы НЭПа (в том числе в материальном обеспечении) предпринял Л.Н. Лютов.[188]

Динамику развития биржевого товарооборота в период НЭПа рассматривают Ю.С. Дьяченко, С. Крюкова и В.В. Галкина.[189] Оправданный интерес вызывает и серьезное коллективное исследование по данной теме.[190] Е.В. Демчук на материалах Западной Сибири исследует такой новый аспект темы, как опыт функционирования (в основном, по его мнению, отрицательный) секций частной промышленности и торговли при товарных биржах в годы НЭПа.[191] С.Б. Белов успешно применил к изучению данной темы междисциплинарный (социологический метод) подход.[192]

К рассматриваемым трудам перечисленных выше авторов тесно примыкают и появившиеся работы В.В. Муравьева, А.Л. Филоненко, А.Е. Менина, где с новых позиций оценивается роль Совнаркома и органов ВСНХ

---

[188] Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы НЭПа 1921-1929 гг. - Саратов, 1994.

[189] Дьяченко Ю.С. Государственный капитализм в экономике Сибири. 1921-1929 гг. / Из истории социальной и общественно-экономической жизни советской Сибири. Сборник статей. - Томск, 1992. С. 114 -115; Крюкова С. Опыт становления рынка в период НЭПа // Вопросы экономики. 1991. №2; Галкин В.В. История биржи в России. - Воронеж, 1998.

[190] Советская товарная биржа: 20-е годы / Документы и материалы / Сост. Московиченко Н.В. - М., 1992.

[191] Демчук Е.В. Секции частной промышленности и торговли при товарных биржах Западной Сибири в годы НЭПа (опыт работы по возрождению частного бизнеса) / Предпринимательство в Сибири. Материалы научной конференции. - Барнаул, 1994. С. 140-141.

[192] Белов С.Б. Проблемы частного капитала в период НЭПа и методологии вопроса: возможности социологического подхода / Факторы становления социального облика молодого российского предпринимателя. - Н. Новгород, 1995.

в деле организации и осуществления материального снабжения в 1920-е гг.[193]

Развитие частного торгового предпринимательства в отдельных регионах в годы НЭПа прослеживается в работах М.В. Цветковой (российское Нечерноземье),[194] С.В. Виноградова (Поволжье),[195] А.П. Килина (на примере Урала),[196] В.А. Ильиных, Т.М Карловой, Н.А. Грика, Е.А. Демчика (на материалах Сибири) и др.[197] В последней из названных работ был

[193] Муравьев В.В. ВСНХ и государственная экономическая политика. 1921-1926 гг. Автореф. дисс… канд. истор. наук. - М., 1994; Филоненко А.Л. ВСНХ: идея и реальность. - Магнитогорск, 1998; Филоненко А.Л. Создание и функционирование структур Высшего Совета Народного Хозяйства в 1921-1921 гг. - Челябинск, 1999; Менин А.Е. Совнарком и новая экономическая политика (1921-1923). - Н. Новгород, 1999.

[194] Цветкова М.В. Ценности российского предпринимательства. На материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний. 1921-1925 / Тверская земля в прошлом и настоящем. - Тверь, 1996.

[195] Виноградов С.В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 20-е годы. - М., 1998; Виноградов С.В. Частнокапиталистический уклад в промышленности в годы НЭПа (на материалах Поволжья) / Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сборник статей к 70-летию В.С. Лельчка. - М., 2000.

[196] Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы НЭПа. - Екатеринбург, 1994.

[197] Демчик Е. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг. - Барнаул, 1998; Карлова Т.М. Частное предпринимательство в промышленном и торговом секторе экономического восстановления Сибири в годы НЭПа. Автореф. дисс… канд. истор. наук. - Иркутск, 1999; Ильиных В.А. Государственное регулирование с\х рынка Сибири в условиях НЭПа. 1921-1928 гг. Автореф. дисс… докт. истор. наук. - Новосибирск, 1992; Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. Государственное регулирование хлебного рынка в условиях НЭПа 1921-1927 г. - Новосибирск, 1992; Ильиных В.А. Маслозаготовительная кампания 1924-1925 в Сибири. Методика регулирования рынка / К истории предпринимательства в Сибири. - Новосибирск, 1996; Грик Н.А. Экономическая политика партии и монополизм в советской хозяйственной системе (1921-1929) / Социально-политическое развитие Сибири (XIX-XXI). - Томск, 1993.

высказан аргументированный тезис о начавшейся ввиду усиления давления со стороны государства уже в середине 1920-х гг. миграции частного капитала из центра России на окраины.

Необходимо отметить, что в последние годы различные аспекты рассматриваемой нами темы наиболее активно развивали именно сибирские исследователи. Так, противостояние государственного и частного сектора в регионе в середине 1920-х гг. анализируется в работе В.А. Ильиных.[198]

В 1990-е гг. почти все работы представляли собой попытки переосмыслить историю, обновить научное мировоззрение. Судя по содержанию новейших исследований, эта творческая работа находится в самом начале становления. Однако стоит отметить, что сегодня фактически отсутствуют исследования, которые изучали принципы работы внутреннего рынка и социального снабжения в 1920-х гг. Кроме того, современная историография, в том числе западная, по-прежнему абсолютизирует централизацию и план. Это, в свою очередь, по нашему мнению, тормозит осмысление даже наиболее популярных у историков проблем: причин сворачивания нэпа, причин ускоренной индустриализации и ее влияния на финансы, торговлю, сельское хозяйство.

1990-е гг. вошли в отечественную историографию как время интенсивного изучения и осмысления именно 1920-х гг. Об этом свидетельствуют диссертационные исследования, посвященные многочисленным и разнообразным аспектам НЭПа.[199] Необходимо подчеркнуть заметный

---

[198] Ильиных В.А. «Масляная война» 1923-1928 гг. в Сибири: государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях НЭПа. - Новосибирск, 1996.

[199] Хорошилов А.Н. Исторический опыт государственного управления народного хозяйства в условиях генезиса и эволюции республиканской формы правления в России (1917-1929 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; Демчик Е.В. Частный капитал города в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации: (На материалах Сибири):

рост интереса исследователей к изучению проблем в масштабах регионов России.[200]

В 1990-е гг., как правило, в работах присутствовала положительная оценка НЭПа и его перспектив. Утверждалось, например, что НЭП в условиях многоукладности создал к концу 1920-х гг. благоприятную конъюнктуру в развитии сельского хозяйства. Стагнационные же процессы были вызваны во многом искусственно, чтобы идеологически и политически обосновать подготовку и проведение «аграрной революции».[201] В.П. Данилов рассматривает кооперацию как действительную альтернативу и первоначальному накоплению капитала «сильными» за счет «слабых», и сталинской коллективизации.[202] В целом историография 1990-х гг. приходит близко к выводам Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова и других экономистов-немарксистов о разумно регулируемых рыночных отношениях, которые в условиях НЭПа могли обеспечить не только восстановление, но и развитие

Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; Орлов И.Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы (1921-1927 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999 и др.

[200] Воронин А.В. Кооперативная политика советской власти на европейском Севере: центральные и местные власти (1917-начало 30-х гг.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. СПб., 1997; Ильиных В.А. Государственное регулирование рынка Сибири в условиях нэпа (1921-1928 гг.) Новосибирск, 1998; Никулин В.В. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Центральном Черноземье, 1921-1929 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998; Виноградов С.В. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы нэпа, 1921-1927 гг. (На материалах Поволжья). М., 1998.

[201] Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства в политике Советского государства в 30-е - первой половине 80-х гг. (на материалах Урала). Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Екатеринбург, 1993. С.21.

[202] Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. I. М., 1999. С.15.

сельскохозяйственного производства. Однако его темп не устраивал советское руководство, которое хотело видеть подъем экономики быстрым и повсеместным. Вместе с тем в литературе продолжали оставаться исторические дилеммы: неизбежность и жизнеспособность НЭПа, альтернативность процессов в переходной эпохе и т.д.

В современной отечественной историографии стоит отметить стойкий интерес к НЭПу. Именно здесь появились в последние годы серьезные труды, рассматривающие широкий спектр проблем становления, разработки и осуществления экономического курса в условиях 1920-х гг. Глубокий анализ проблем НЭПа, а также состояния современной историографии осуществлен И.Б. Орловым.[203] Вместе с тем, трудно согласиться с автором, что к середине 1990-х гг. отечественные исследования вышли на новый качественный уровень: анализу подвергаются все аспекты и стороны НЭПа, начинается тщательное исследование замыслов и реальных действий правящей партии. Думается, что это явное преувеличение - перед нами только начало процесса.

Исследователи стремились показать противоречивость процессов становления советской экономической политики и советского хозяйства в 1920-е гг. В неослабевающем интересе западной историографии к советской истории 1920-х гг. присутствует почти сходная проблематика. Например, профессор У.Г. Розенберг в предисловии к сборнику «Россия в эпоху НЭПа» характеризует НЭП как попытку государства приспособиться к конкретным условиям с целью продолжать большевистский «эксперимент», но с учетом многовековых традиций. Профессор Г. Альтрихтер говорит о «неразрешимых» противоречиях между политикой партии и сопротивляющимся крестьянством. Он уверен, что крестьянские традиции могли быть сломаны только насильственным путем. Правда, в изучении

[203] Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999. С. 8, 21, 25, 33.

ряда проблем западные историки продолжают опережать отечественных исследователей. Так, М. Фон Хаген доказывает и весьма убедительно, что социальной опорой режима стала армия, обращает внимание на укрепление армейских привилегий с середины 1920-х гг.[204] Вообще у западных и отечественных историков сходные выводы о роли аппарата управления в эпоху НЭПа. Показательна позиция авторитетного специалиста советской экономики Р.У. Дэвиса, который подчеркивает: «При том темпе индустриализации, который советское руководство навязало экономике, система НЭПа была обречена на провал». По мнению П. Гэтрела и Р. Дэвиса, инструменты управления промышленностью и сельским хозяйством при НЭПе в основном были приняты и развиты еще во времена военного коммунизма.[205]

Сегодня, прежде всего в западной историографии, намечается исследование не столько экономической политики большевиков, сколько взаимодействия и взаимопроникновения политического, социального и экономического факторов. Отсюда перенос центра тяжести в изучении советской повседневности, социально-психологического состояния общества. Так, С. Коткин, показывая специфику городской жизни, связанной с выживанием основной массы новых рабочих, обращает внимание на партийную дисциплину, на постоянную угрозу ареста, на моральное давление. Подмечен им и факт ограниченности государственного контроля над повседневной жизнью горожан, особенно это относилось к быту.[206] Вообще западная историография, исследуя город и деревню, пытается постичь указанное

[204] Russia in Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Ed. By S. Fitzpatrick, A. Rabinovitch and R. Stites. Indiana University Press, 1991. P. 3, 160-162, 194.

[205] From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Ed. By R.W. Davis. New York, Cornell University Press, 1991. P. 84, 151.

[206] Kotkin Stephen. Magnetic mountain. P. 215-217, 353, 354.

неразрывное единство.[207] В этом отношении показательна монография М. Малиа, где, в частности, подчеркивается, что для Е. Преображенского, Н. Бухарина - как и для всех остальных - партийность, или партийный дух, была куда важнее любых экономических программ или политики в отношении крестьянства. Этим духом проникались не только члены партии, но и вообще население страны.[208]

Еще одним важным явлением современной историографии советского общества, в том числе и вопросов экономики, стал все возрастающий интерес к синтезу исторического и психологического в исследованиях историков.[209] Труды этого направления помогают понять, что скрывалось за

---

[207] Грациози А. Крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 гг. М., 2001; Гэтрел П. «Бедная» Россия: Роль природного окружения и деятельность правительства в долговременной перспективе в экономической истории России // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. С.206-242; Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.,2001.

[208] Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. М., 2002. С.198.

[209] Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии. 1991. № 3. С.164-173; Гараи Л. Психоэкономическая система большевистского типа // ПОЛИС. 1993. № 1. С.42-77; Оболонский А.В. Сталинизм и общество: морально-психологический аспект // Государство и право. 1993. №3. С.113-124; Русская история: проблемы менталитета. Тезисы науч. конф. М., 1994; Российская повседневность. 1921-1941 гг.: Новые подходы/Доклады, сделанные на международной междисциплинарной конф. 16-19 авг. 1994 г. СПб., 1995; Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996; Майминас Е. Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. № 9; Менталитет и политическое развитие России. Тезисы

внешней формой существования советских людей в 1920-е гг., за мифами о всеобщей поддержке большевиков народом, социальном единстве общества, энтузиазме и всеобщей устремленности к социализму.

Заслуживает внимания концепция, говорящая, что в советском государстве в 1920-1930-х гг. был государственный капитализм. Она высвечивает новые стороны природы сталинизма.[210] Думается, можно согласится с известным востоковедом М.Л. Пешковым, что в целом сталинизм есть форма сращения азиатчины, капитализма и формационного способа развития. Важно здесь и то, что сложность бытия сталинизма резко контрастирует с простотой, а то и с убогостью его внутренней структуры, которая не случайно строится по принципу упрощения.[211] Именно этот принцип вводит в заблуждение исследователей, усматривающих в советской экономике государственно-монополистический капитализм, идеологически окрашенный под социализм, а в партийном руководстве новую буржуазию.[212] В данном случае упускается из вида, что имеющиеся исторические симитричность и аналогии не предполагают сходства между ними. Имея в виду

докладов науч. конф. в Москве, 29-31 окт. 1996. М., 1996; Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999 и др.

[210] Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири 1921-1929 гг.: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994; Он же. Капитализм в Советской России 1917-1937. Красноярск, 2001.

[211] Чешков М.А. Исторические аналогии в контекстах сознания и познания // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. Сборник статей. М., 1992. С.120, 123.

[212] Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири 1921-1929 гг. С.17,37.

сегодняшние реалии, сталинизм скорее историческая форма, сопутствующая капитализму.

В целом, анализ историографии показал, что за исследуемый период значительно расширилась источниковая база изучения механизмов внутренней торговли и социального снабжения нэповской России, наблюдалась взаимная координация исследовательских усилий представителей различных отраслей гуманитарного знания - историков, политологов, социологов, философов, правоведов, психологов в анализе работы государственной власти, что, безусловно, дало положительные результаты. Однако это не означает, что заявленная тема полностью исчерпана. Напротив, накопленная источниковая база и историографический опыт должны стать научной основой для дальнейшего исследования истории социального обеспечения в Советской России в 1921-1929 гг.

Источниковая база монографии довольно широка и разнообразна. Документы по истории развития внутреннего рынка и социального снабжения Советской России в 1920-е гг. составляют сложный комплекс как опубликованных, так и не опубликованных материалов.

Источниковую базу работы составляют архивные документы, извлеченные из фондов центральных и ведомственных архивов Российской Федерации. Конечно, архивная принадлежность не служит гарантией достоверности и представительности источников. Поэтому критический подход обязательно должен упреждать использование того или иного материала. Поскольку же используемые документы являются, как правило, не единичными, а массовыми и объединены общим предметом – партийно-государственным руководством внутренней торговлей и социальным снабжением в годы НЭПа, то в них проходит достаточно однородная информация: планы, цены, конъюнктура, меры руководства и реакция людей и прочее. Это в свою очередь предоставляет возможность сопоставления информации, содержащейся в документах.

Основой источниковой базы данного исследования являются архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Не все архивные документы доступны исследователям. В частности, ГАРФ занимает довольно сдержанную позицию в допуске исследователей к архивным материалам. Фонд 130 - СНК РСФСР и фонд 5446 - СНК СССР содержат протоколы и постановления, но не стенограммы заседаний, к которым по-прежнему нет доступа. Государственный архив Российской Федерации содержит уникальные источники в следующих фондах: Ф. 130 - Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР); Ф. 1058 - Полномочные представительства правительств РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим; Ф. 1065 - Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при ВЦИК; Ф. 5446 - Совет Народных Комиссаров СССР (СНК СССР); Ф. 8350 - Главный Концессионный Комитет при СНК СССР (ГКК при СНК СССР).

Основная часть документального материала по теме исследования находится в составе РГАСПИ: фонд В.И. Ленина (ф.2), фонд Секретариата председателя СНК и СТО В.И. Ленина (ф.5), фонд Центрального Комитета РСДРП (б)-РКП(б)-ВКП(б) (ф.17), фонд Совнаркома (ф.19). Анализу подверглись разнообразные материалы: протоколы заседаний Политбюро, Совнаркома, Пленумов ЦК и подготовительные материалы к ним; переписка партийного руководства по вопросам внутренней торговли; рукописные и черновые варианты статей; письма трудящихся, направленные в высшие партийно-государственные органы власти; информационные сводки ВЧК-ОПТУ об экономическом и политическом положении страны. Данные источники показывают основные политические течения, борьбу в

руководстве страны между сторонниками НЭПа и приверженцами принципов военного коммунизма, внутрипартийные споры, касающиеся практического осуществления финансовой реформы, позволяют проанализировать механизм выработки мнений и решений в области торгово-экономической политики. Сопоставление этих документов помогает понять сущность экономической политики, проводимой большевистским руководством в период НЭПа, расхождения между декларируемыми положениями и реальными действиями лидеров ВКП (б).

Для данного исследования удалось привлечь широкий круг ранее не изучавшихся документов. Первостепенное значение среди них имеет личный фонд Г.Я. Сокольникова (ф.670), находящийся в РГАСПИ. Эти документы составили солидную основу для изучения деятельности Г.Я. Сокольникова, политического и хозяйственного руководителя Советской России. Значительная часть материалов фонда освещает деятельность Сокольникова на посту заместителя народного комиссара и народного комиссара финансов. Это - записки Сокольникова в высшие партийные и советские органы, проекты постановлений Политбюро и Совнаркома, доклады, стенограммы выступлений Сокольникова на заседаниях и совещаниях, рукописные и машинописные экземпляры его статей. Эти документы освещают роль Сокольникова в разработке программы оздоровления внутреннего рынка. Важным дополнением к этому служат материалы о кадрах Наркомата финансов, что дает возможность проанализировать вклад Сокольникова в восстановление аппарата Наркомфина и превращения его в центр регулирования экономики страны, показывает его отношение к беспартийным специалистам, сотрудникам НКФ. Значительную часть фонда составляют письма на имя Сокольникова, что позволяет взглянуть на проблему не только глазами официального руководства, но и оппозиции, а также простых обывателей. Данные документы раскрывают сложный механизм внутрипартийной и межведомственной борьбы в годы НЭПа.

Российский государственный архив экономики располагает документами фондов Министерства внешней торговли СССР (Ф. 413),[213] Народного комиссариата земледелия РСФСР (Ф. 478), Высшего Совета Народного хозяйства РСФСР (Ф. 3429), Министерства финансов СССР (Ф. 7733) и др. Это материалы государственных и хозяйственных органов, касающиеся различных аспектов партийно-государственного руководства внутренним рынком и социальным снабжением. Интересная информация содержится в фонде ВСНХ РСФСР и СССР (Ф. 3429), особенно в описи 6 - Центральный аппарат ВСНХ РСФСР и СССР (1918-1932 гг.), в котором собраны материалы Главного экономического управления (ГЭУ) ВСНХ. Большой интерес представляют отчеты ВСНХ о проделанной работе.

Важным принципом проверки информации являлось сопоставление ее с общим историческим фоном и накопленными знаниями. И здесь особенно важны крупные серьезные новейшие научные труды о последствиях огосударствления экономики в функционировании внутреннего рынка как единого и целостного организма. В оценке достоверности информации мы учитывали известный аргумент - всякой власти для управления обществом необходима достоверная информация. Сбором экономических и социальных сведений занимались многие центральные ведомства - Госплан СССР, ВСНХ СССР, многие наркоматы. Вся эта информация была предназначена для служебного пользования и содержала гриф секретности. Основная часть архивных документов, использованных в данном исследовании, шла под этим грифом. Правда, гриф не является панацеей от фальсификаций, особенно в том, что касается самооценок различных ведомств, однако об-

[213] Минвнешторг СССР в 1917 -1920 гг. - Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР (Наркомторг РСФСР), 1920 - 1922 гг. - Народный комиссариат внешней торговли РСФСР (Наркомвнешторг РСФСР), 1922 - 1925 - Народный комиссариат внешней торговли СССР.

щее содержание информации, предназначенной для высшего руководства партии и государства, выдерживает серьезную проверку на достоверность.

Типологически используемые источники можно классифицировать следующим образом: 1) опубликованные документы и материалы РКП (б) - ВКП(б), советских и хозяйственных органов, доклады, речи, выступления и статьи руководителей партии и государства, архивные документы центральных партийных и правительственных органов; 2) научные и научно-публицистические труды экономистов; 3) письма, дневники, воспоминания, художественная литература; 4) периодические издания. Источники первых трех групп послужили основой реконструкции функционирования внутреннего рынка и социального обеспечения граждан в годы НЭПа. Официальные опубликованные документы партии, хозяйственных высших органов остаются важнейшим источником в изучении проблем внутреннего рынка, экономики, социальной сферы. Они весьма основательно изучены советскими историками, что освобождает нас от повторения пройденного. Вместе с тем, представляется, что они нуждаются в дальнейшем серьезном анализе и ждут новых исследователей. Дело в том, что, как правило, они достаточно объемны, содержат немало противоречий, двусмысленностей, которые в ряде случаев помогают глубже оценить сложность ситуации и трудность выработки адекватных решений. Кроме того, в ряде случаев можно установить авторство различных резолюций партийных съездов, конференций, пленумов, постановлений, что дает дополнительные возможности проникновения в суть тех или иных решений, понять причину их недолговечности, слабой выполняемости и т.п.

Это же относится и к опубликованным речам, докладам, выступлениям, статьям руководителей советского государства. Сегодня данная группа документов еще недостаточно широко используется историками. Если работы ранее запрещенных Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского, Л.Д. Троцкого, С.И. Сырцова активно изучаются и используются, то вы-

ступления Л.Б. Каменева, А.М. Лежавы, В.П. Ногина, А.И. Рыкова, И.Т. Смилги, Г.Я. Сокольникова, В.М. Смирнова, Л.М. Хинчука, Н.Б. Эйсмонта и других пока слабо востребованы. Конечно, привлечение к изучению работ столь широкого круга лиц партийно-хозяйственного руководства требует новых подходов. Мы разделяем позицию, очерченную Х.-Г. Гадамером: «Историк стремится заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они не хотят и сами по себе дать не могут».[214]

Сегодня невозможно представить изучение многих проблем 1920-х гг. без документов силовых структур, правда, в основном, это опубликованные документы, поскольку архивы ФСБ для большинства исследователей остаются недоступными.[215] Информационные сводки, доклады ОГПУ 1921-1927 гг. фиксировали действительные, объективные причины крестьянского недовольства, а отнюдь не исключительно связанных с враждебными действиями противников советского режима. Деревенские события теряли былую политическую остроту и занимали все более скромное место в документах ОГПУ. Крестьян интересовали вопросы тяжести налогового обложения, «ножницы цен» и другие экономические проблемы.[216]

Серьезно помогли в работе хроникально-документальные сборники, посвященные налогообложению в индивидуальном порядке зажиточных крестьянских хозяйств и хлебозаготовительной политике советского государства.[217] Отмеченные темы, как известно, еще не вошли в разряд иссле-

---

[214] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики. М., 1988. С.400.

[215] См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т./ Т. 1. 1918-1922. М, 1998; Т. 2. 1923-1929. М., 2000.

[216] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930-1933. М.,2001.

[217] Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. I.: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930-1940 гг. Хроникально-документальный сборник. Ново-

довательских приоритетов. Кроме того, следует признать, что авторам сборников удалось успешно решить сложную задачу соединения ввода в научный оборот значительного документального материала с подробным освещением истории исследуемых процессов.

Основной массив материалов, на которых основывается монография, отложился в фондах центральных государственных и партийных органов, занимавшихся вопросами экономики. Высшей экономической инстанцией в стране являлось, безусловно, Политбюро ЦК партии. Оно определяло не только стратегию и тактику экономической политики, но рассматривало и утверждало колоссальное количество мелких, сугубо оперативных, хозяйственных вопросов. При этом значительная часть принимавшихся решений, формально исходивших от государственных и хозяйственных органов - ЦИК, СНК, СТО, ВСНХ, Наркомторга, Наркомфина СССР и т.д., на самом деле была результатом деятельности Политбюро. Можно согласиться с метким афоризмом составителей одного из сборников документов, что руководители Политбюро с полным основанием могли заявить: «Государство - это мы».[218]

Протоколы заседаний Политбюро, в том числе и решения с грифом высшей формы секретности, так называемая Особая папка, стенограммы съездов, конференций, пленумов ЦК партии, фонды Оргбюро и Секретариата ЦК, личные фонды членов и кандидатов в члены Политбюро явились главным источником для анализа работы внутреннего рынка страны и социального снабжения граждан. Протоколы Политбюро по многим принципиальным вопросам весьма критичны, что позволяет с большей долей уверенности, чем раньше, судить об истинном положении дел в народном хо-

---

сибирск, 2000; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2.: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930-1941 гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2002.

[218] Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М., 1995. С.7.

зяйстве, а также увидеть, как большевистские догмы искажали представления самих вождей о сути происходившего в экономике. При изучении стенограмм пленумов ЦК использовались правленые стенограммы, что позволяло в ряде случаев обнаружить весьма многозначительные изменения первоначальных выступлений, реплик. Стенограммы пленумов ЦК по хозяйственным позволяют в определенной степени представить некоторые элементы механизма выработки, корректировки экономической политики, ее социально-психологические аспекты, коренящиеся в новой правящей элите.

Особое место в источниковой базе исследования занимают материалы СНК, СТО, Госплана, ВСНХ, Наркомфина и Наркомторга СССР. Они представляют главный источник для анализа механизма работы рынка и социального распределения в 1920-е гг. В работе привлечен большой комплекс документов Совета народных комиссаров СССР, прежде всего опись 55 - секретариат А.И. Рыкова, который с 1924 по 1930 гг. возглавлял советское правительство. Нас интересовали стенограммы выступлений Рыкова, переписка с ЦК, справки, отчеты, обзоры хозяйственных ведомств, журналы заседаний председателя СНК со своими замами, обзоры неопубликованных писем, пришедших в редакции «Правды» и «Крестьянской газеты» и др. Не менее тщательно были изучены дела Секретного отдела СНК. Здесь в основном отложилась переписка правительства с СТО, Госпланом, НКФ, материалы проверки ЦСУ, стенограмма совещания ЦК с СНК.

Значительное внимание было уделено изучению материалов Народного комиссариата финансов СССР, поскольку большую часть 1920-х годов именно этот орган во многом был знаковым в экономической политике. Изучались протоколы, стенограммы заседаний коллегии наркомата, различные отзывы наркомата по планам ВСНХ, Госплана, Наркомторга и прочим. Особо внимательно изучались стенограммы, доклады заседаний

различных секций института экономических исследований при НКФ СССР, где трудились многие крупные российские специалисты.

Особый интерес для нас представляли сохранившиеся стенограммы заседаний в хозяйственных органах в 1920-е гг. Дело в том, что в это время большинство участников обсуждений мыслили более независимо, чем в последующие годы, и проявляли готовность к достаточно откровенному изложению своих взглядов. Интересны фонды Секретариата ЦК, содержащие сводки информотдела о настроениях крестьян, рабочих по материалам парткомов, писем, докладных записок, которые в совокупности с уже опубликованными подобными же документами позволяют более точно и основательно представить не только психологические последствия политики социального распределения большевиков, но и формы ее проведения. В свою очередь это заставляет несколько иначе, чем раньше, подойти к принципиальным решениям партийного руководства в области торговли и социального снабжения. Мы учитывали, что такие материалы содержали сугубо негативную информацию, отрицательные настроения в народе. Документы использовались нами для анализа работы внутреннего рынка в комплексе с письмами населения, мемуарами, дневниками. Повторяющиеся в них сведения служат известным подтверждением достоверности, распространенности и серьезности информации об укорененности отрицательных настроений в обществе.

Уникальным источником для исследования проблем внутреннего рынка остаются работы экономистов в 1920-е гг. Мы достаточно подробно их анализировали в качестве историографического материала, что освобождает нас от необходимости повторного анализа. Подчеркнем только то, что 1920-е гг. не случайно именуют «золотым веком» экономической мысли в СССР. Ведущие отечественные экономисты - Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Л.Н. Юровского Л.Н. Литошенко и др. добились выдающихся результатов в развитии экономической теории и новой рыночной практики.

Большинство ученых-немарксистов работало в центральных хозяйственных органах. В первой половине 1920-х гг. к их голосу прислушивались А.И. Рыков, А.М. Лежава, Ф.Э. Дзержинский и др. большевики. Этим определяется источниковедческая ценность их работ. Большая часть работ экономистов публиковалась в специальных периодических изданиях 1920-х гг., и в советское время они не переиздавались. Они интересны как с точки зрения теоретических разработок, так и с точки зрения практического воплощения в жизнь.

А.В. Чаянов аргументировано выступал против имевших место в марксистской литературе преувеличенных представлений о степени капиталистического расслоения российской деревни, полагал, что известная схема «кулак-середняк-бедняк» чрезмерно упрощала и огрубляла действительность. А.В. Чаянов выдвинул оригинальный план разрешения социальных противоречий в деревне через кооперативную коллективизацию различных типов хозяйств.[219]

Н.Д. Кондратьев даже в годы войны выдвигал требование «рыночной проверки» государственной политики. При разработке перспективного плана развития сельского хозяйства он исходил из необходимости сочетания на базе НЭПа плановых и рыночных начал, выдвинул идею «тесной связи» и «равновесия» аграрного и индустриального секторов. Он разработал концепцию параллельного и равновесного развития сельского хозяйства и промышленности. Не выступая против национализации земли, Н.Д. Кондратьев предлагал смелее развивать товарно-торговые основы деревни, считал недопустимым создания монополии для государственного и кооперативного торгового аппарата. Н.Д. Кондратьев, как и А.В. Чаянов, не отрицал социальной дифференциации в деревне, не считал ее определяющим фактором политики. Ученый был убежденным сторонником сочетания

[219] Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.

«теологии» и «генетики» в планировании, а рынок рассматривал в качестве связующего звена между различными секторами хозяйства. План, по его мнению, необходим был для обеспечения более быстрого и сбалансированного роста производительных сил.

Другому выдающемуся отечественному экономисту, Л.Н. Юровскому, принадлежит концепция товарно-социалистического хозяйства. Он основательно вскрыл и показал опасность плановых мероприятий, идущих вразрез с требованиями рыночного равновесия. Он требовал соблюдения условий «рыночного равновесия», при этом апеллировал непосредственно к урокам хозяйственной практики 1920-х гг.[220]

В работе использовались периодические издания - «Правда», Известия», «Торогово-промышленная газета». Однако ценность этого источника при разработке избранной темы весьма ограничена. В основном пресса привлекалась в тех случаях, когда трудно было найти в других источниках те или иные выступления партийных и хозяйственных руководителей. Основной материал в газетах по проблеме снабжения больше подходит для изучения методов и приемов воздействия партийного руководства на сознание советских людей. Точнее всего давали оценку советской прессы, безусловно, современники. Так, известный отечественный историк Б.С. Веселовский в апреле 1922 г. записал в дневнике: «По своему обыкновению советские газеты не прилагают старания сообщить полные и верные факты, а разражаются обычным наглым хвастовством, ложью и иступленной бранью по адресу своих противников... Постоянные противоречия, ложь и глупость, тем более бесцеремонные, что устранена всякая опасность быть разоблаченным и наказанным».[221]

---

[220] Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12; Он же. Основы кредитной политики. М., 1929 и др.

[221] Веселовский Б.С. Дневники 1915-1923 гг. // Вопросы истории. 2000. № 11/12.

Вместе с документами официального происхождения в работе использованы письма известных руководителей и простых советских людей, в частности, подборки неопубликованных писем, направлявшихся редакциями «Правды», «Крестьянской газеты» высшему советскому руководству, а также опубликованные в ряде сборников.[222] Письма можно считать своеобразным зеркалом менталитета общества. Конечно, это не означает, что речь идет о совершенно адекватном и полном отражении в письмах состояния общественного сознания. Однако они помогают исследователю приблизиться к пониманию особенностей социальной психологии и динамики ее изменения. Письма многофункциональны и позволяют увидеть воздействие системы материального обеспечения на отдельного человека. Следует отметить хороший отбор писем в опубликованных сборниках издательства РОССПЭН.

Еще в большей степени, чем письма, уникальным источником являются дневники современников 1920-х гг. Они помогают ответить на вопрос, могла бы советская система существовать без индивидуального содействия режиму. Личные дневники, письма и в определенной степени мемуары помогают проследить самовосприятие людей, насколько и как они старались вписаться, приспособиться к советской реальности. По сути, шел процесс самообновления в пространстве большевистской системы ценностей.

С.59,60.

[222] Письма И.В. Сталина - В.М. Молотову. 1925-1936 гг. (Сборник документов). М., 1995; Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. М., 1996; Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998; Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

В целом, учет результатов научных работ предшественников и привлечение обозначенного круга источников стали основой для решения поставленных научных задач в избранном историко-теоретическом ключе.

РАЗДЕЛ II. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ И СОЦИАЛЬНОГО СНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В 1921-1929 гг.

Введение новой экономической политики предполагало проведение целого ряда мер по укреплению рубля и кредита. Важным в этой области было возобновление кредитных операций и открытие 15 ноября 1921 г. Государственного банка. Помимо этого, предполагалось провести деноминацию рубля, так как появившиеся в результате гиперинфляции знаменитые «лимоны» 20-х гг. значительно затрудняли денежные расчеты. Большое значение имело восстановление в конце 1921 г. местных бюджетов. Первый бюджет Московского Совета был составлен на январь - сентябрь 1922 г. с дефицитом около 5 млн. довоенных рублей.[223] Наличие дефицита потребовало от Московского Совета усиленной мобилизации средств. Поэтому помимо увеличения налогов выход из экономического кризиса связывался с жестким сокращением государственных предприятий и учреждений.

Политика ускоренной национализации промышленности периода «военного коммунизма» обернулась для государства необходимостью содержать огромное количество предприятий со значительными кадрами рабочих. Помимо этого, процесс национализации носил стихийный характер, и летом 1921 г. председатель Моссовета Л.Б. Каменев признавался: «У нас в Московском Совете мы заняты подсчетом, сколько предприятий и сколько рабочих мы можем взять на государственное снабжение, но когда мы спросили себя, сколько у нас рабочих в Москве ... мы не могли найти данных и цифр. ... Мы стали брать у буржуазии все и набрали так много, что еще не подсчитали».[224]

---

[223] Бюджет г. Москвы и губернии. М., 1927. С. 18.

[224] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 47, л.38

К моменту введения НЭПа многие из этих национализированных предприятий бездействовали, так как катастрофически не хватало топлива и сырья. Топливному кризису были посвящены специальные обсуждения на Губернских конференциях РКП (б) в июне и октябре 1921 г. В период «военного коммунизма» гражданам запрещалось самостоятельно закупать и заготавливать топливо, но к моменту введения НЭПа невозможность централизованного обеспечения топливом всех жителей стала очевидной. В октябре 1921 г. на Московской партконференцией было предложено разделить все население Москвы на две категории: первую предполагалось оставить на государственном снабжении, а вторая переводилась на топливное самообеспечение. К первой группе были отнесены служащие ряда советских и государственных учреждений, а также рабочие некоторых государственных предприятий, то есть сравнительно небольшая часть москвичей. Всем остальным жителям города предоставлялось право самостоятельной закупки и подвоза дров.[225] Тем не менее, перебои с топливным снабжением продолжали сохраняться на протяжении всего 1921 г. и самым серьезным образом сказывались на работе промышленности. Простаивали многие фабрики и заводы, тормозился пуск хозрасчетных и арендованных предприятий. Топлива не хватало и для оставшегося государственного сектора - он был обеспечен лишь на 70 - 80 %.[226]

Существовали также и объективные природные факторы топливной проблемы, одним из которых стала исчерпанность эксплуатируемых ранее топливных источников. В 20-е годы города страны отапливались преимущественно древесным топливом. Лишь немногие промышленные предприятия работали на мазуте, но практически все жилые дома, а также большинство предприятий и учреждений отапливались дровами. Но уже к началу 1920-х годов лесная площадь сильно сократилась и составляла все-

[225] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 13, л. 24.

[226] Там же, лл. 46, 53.

го лишь 28% от всей земельной площади, что свидетельствовало о сильной обезлесенности центральных регионов.[227] По словам председателя Московского Совета народного хозяйства В.М. Лихачева, «если мы все эти лиственные леса сведем в настоящем году и поделим между всем населением Московской губернии, хватит только по два куба на каждую живую душу».[228]

Таким образом, перед властями вставал вопрос о новых топливных источниках. С этой целью при МСНХ была создана специальная комиссия, которая должна была выработать конкретные меры по лесозаготовкам в других губерниях и подготовить их разработку в радиусе 400-верстной полосы от Москвы.

Большие трудности были также связаны с доставкой топлива в Москву. Если прежде заготовкой дров занимались лица, мобилизованные в порядке трудовой повинности, и трудармейцы, то теперь дровозаготовки стали производиться по найму привозными пильщиками-специалистами. Обязанность перевозки и подвоза топлива к станциям была целиком возложена на крестьянское население в качестве гужевой повинности. Эта мера вызывала недовольство и активное сопротивление крестьян, поэтому власти были вынуждены перейти к «методам нажима с применением там, где это нужно, твердой руки и твердой власти».[229] Но, несмотря на все трудности, с введением НЭПа топливное, снабжение начало постепенно улучшаться. Вместе с тем, уровень довоенного потребления был достигнут лишь в 1925/26 г. При этом доля древесины в топливном балансе постепенно сокращалась. Снабжение каменным углем взяли на себя Донуголь и Мосуголь.[230]

---

[227] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д.8, л.20.

[228] Там же.

[229] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 13, лл. 25-26.

[230] Московский Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1917

Переход промышленности к новым экономическим условиям стал осуществляться постепенно с середины 1921 г. Прежний метод снабжения из единых распределительных пунктов был отменен, в связи с чем все предприятия были разделены на три группы. Первую группу предполагалось оставить на государственном снабжении, вторая группа переводилась на хозяйственную самостоятельность с сохранением определенной доли контроля со стороны государства и, наконец, третья группа предприятий предназначалась для сдачи в аренду.

Процесс перераспределения заводов и фабрик по группам носил стихийный характер. С одной стороны, это было обусловлено отсутствием необходимого учета и контроля, а с другой - неразработанностью критериев отбора, отсутствием четкого плана распределения, в связи с чем отнесение к той или иной группе происходило без всякой системы и случайно.[231] Нередко складывалась ситуация, когда крупные предприятия и ключевые объекты промышленности переводились на самообеспечение или сдавались в аренду. Так было, например, с одним из крупнейших московских заводов - «Электросила № 5», попавшим в третью группу и предназначавшимся для сдачи в аренду.[232]

На первоначальном этапе действия новой экономической политики предполагалось создать приоритетные условия для крупной государственной промышленности, обеспечив ее всем необходимым - деньгами, сырьем, топливом и продовольствием. Вместе с тем, мелкие и средние предприятия отраслей легкой промышленности, преимущественно пищевые и табачные фабрики, получив возможность самостоятельно реализовывать свою продукцию на рынке, быстро достигли улучшения. Ситуация же в государственном секторе продолжала оставаться тяжелой, что самым

- 1927. М., 1927, С. 239.

[231] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д. 13, л. 38.

[232] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д. 13, л. 34.

непосредственным образом сказывалось на материальном положении рабочих. По мнению многих партийных работников, существовавшая «дыра в тарифе переходного периода» и наметившаяся дифференциация внутри рабочего класса создавали угрозу для его единства.

Уравнять положение рабочих первоначально планировалось при помощи системы льгот для государственных предприятий. «Одни получают меньше денег, но зато получают бесплатно все коммунальные услуги. Другие получают больше денег, но благодаря платности, они будут должны отдавать нам же часть заработной платы»,[233] - подчеркивалось в докладе о работе Московского губэкономсовещания. Несмотря на подобные установки властей, на практике заработная плата на предприятиях второй и третьей групп в среднем в два раза превышала уровень заработной платы в государственном промышленном секторе. В связи с этим на крупных государственных фабриках и заводах нарастало сильное недовольство. Низкий уровень заработной платы создавал условия для массового оттока квалифицированной рабочей силы на хозрасчетные и частные предприятия, а также в мелкую кустарную промышленность.[234]

Например, в конце 1921 г. в Москве на госснабжении осталось 234 предприятия со 146 тыс. рабочих. Из них в текстильной промышленности оставалось 32 предприятия с 50 тыс. рабочих, в металлообрабатывающей - 25 предприятий с 21 тыс. рабочих, в полиграфическом производстве - 14 предприятий с 15 тыс. рабочих, в военной металлообрабатывающей - 13 с 12 тыс. рабочих, в электротехнической - 52 с 11 тыс. рабочих, в химической - 31 предприятие с 10 тыс. рабочих, в швейной промышленности - 5 предприятий с 9 тыс. рабочих, в деревообрабатывающей - И предприятий с 1 тыс. рабочих.[235]

---

[233] Там же, лл. 37-38.

[234] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д. 13, лл. 30,42.

[235] Там же, лл.8-9.

Таким образом, по количеству рабочих лидирующее место в государственном секторе экономики занимала текстильная и металлообрабатывающая промышленность, значительное количество рабочих было также занято в полиграфическом производстве, в электротехнической и химической отраслях промышленности.

Во второй «хозрасчетной» группе к концу 1921 г. насчитывалось 404 предприятия и 68 тыс. рабочих.[236] Снятие с государственного снабжения означало, что со стороны государства полностью прекращались денежные дотации, обеспечение сырьем, оборудованием, топливом и продовольствием. Хозрасчетным предприятиям также не предоставлялось никаких оборотных средств, необходимых для ремонта и закупки сырья, что значительно осложняло работу и тормозило пуск многих фабрик и заводов. Предполагалось, что торговые оборотные средства им будут предоставляться на началах кредита в государственном банке, а право на свободную реализацию продукции на рынке даст возможность самостоятельно изыскивать средства на зарплату, сырье и оборудование. Вместе с тем, хозрасчетные предприятия оставались государственной собственностью и их работа координировалась непосредственно местными Советами народного хозяйства.

Преимущества перевода на хозрасчет стали сказываться к концу 1921 г., когда многие из предприятий второй группы увеличили выработку продукции и превысили соответствующие показатели в государственном секторе.[237] Быстрая реализация продукции на рынке (как правило, предметов широкого потребления и товаров повседневного спроса) и одновременный рост заработной платы влекли за собой увеличение материальной заинтересованности рабочих, что непосредственно сказывалось на повышении производительности труда. Так, например, рабочие кондитерской

[236] Там же, л. 9.

[237] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д. 13, л. 12.

фабрики Эйнем с момента перехода на хозяйственные начала стали работать «во сто раз лучше, когда были государственной фабрикой, ... когда рабочие знали, что конфеты пойдут на рынок и от их качества зависит, будет ли у них заработная плата, они улучшили производство, научились конфеты раскладывать, ленточками обвязывать, красиво их подать».[238]

В третью группу вошли фабрики и заводы, определенные под сдачу в аренду. К концу октября 1921 г. в аренду было сдано предприятия, в основном в пищевой отрасли - хлебопекарни и колбасные заводы, а также ряд предприятий химической, металлообрабатывающей и текстильной промышленности. Заключение договоров об аренде контролировалось Совнархозом, но основная роль в инспектировании условий договора отводилась местным профсоюзным и партийным ячейкам.[239] Тем не менее, этот процесс во многом носил стихийный характер, в частности, отсутствовали списки и описи заводов, предназначенных под сдачу в аренду. «Неучтенные фабрики сдаются в аренду, и мы точно не знаем, что мы сдаем», - констатировалось на VII Губернской партконференции. Все это влекло за собой многочисленные злоупотребления, особенно на крупных предприятиях.[240]

Арендные отношения преобладали преимущественно в области торгового капитала, а владельцы заводов не торопились вкладывать средства в производство. «Господа предприниматели не очень-то доверяют Советской власти, не очень-то верят в то, что сданное в аренду сегодня, завтра, послезавтра Советская власть не потребует обратно», - подчеркивалось на VII Московской партконференции.[241] Всего к декабрю 1923 г. в Москве в аренду было сдано 721 мелкое предприятие, из них 365 относились к пи-

[238] Там же, л. 61.

[239] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д. 13, лл. 14, 56.

[240]Там же, л. 44.

[241] Там же, л. 14.

щевой промышленности, 74 - к металлообрабатывающей, 88 - к текстильной.[242]

Среди арендаторов преобладали частные лица, в том числе бывшие владельцы, которым при решении вопроса об аренде отдавалось явное предпочтение. Характерен пример московской пуговичной фабрики, рабочие которой сохранили свое предприятие и поддерживали его работу «посредством самоизготовителей» в течение трех лет. С переходом к НЭПу рабочими было подано заявление в Комиссию по аренде предприятий о создании самостоятельной артели на базе фабрики. Тем не менее, Комиссия постановила отдать фабрику ее бывшему владельцу Фельдману, несмотря на то, что рабочие «ни в каком случае не хотели идти к этому хозяину, они чувствовали свою силу, и они изложили это документально, что они с этой задачей справятся».[243]

На основании декрета ВЦИК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» частным лицам было разрешено открывать собственные предприятия. Однако роль частного производства оставалась сравнительно небольшой. В 1922/23 г. она давала 3,4 % общего количества продукции промышленности.[244] С целью скорейшего восстановления экономики был привлечен и иностранный капитал. Было открыто несколько концессионных фабрик и заводов, как, например, фабрика Шульмана и шарикоподшипниковый завод. Концессионные предприятия, также как частные и арендные, работали под контролем Совнархоза.

Надомный труд, как наиболее распространенная форма кустарного производства в довоенный период, постепенно трансформировался в новую форму организации труда - кустарно-промысловые кооперативы.

---

[242] Рабочая Москва, 14 декабря 1923 г., № 281.

[243] ЦАОДМ. Ф. 3, оп.2, д. 13, л. 33.

[244] Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Московской губернии. 1917 - 1927 гг., М., 1928, С. 36.

Многие кустари и рабочие небольших производств брали в аренду бездействующие предприятия родственной отрасли, создавая своего рода «крупную кустарную» промышленность. Развитие арендных отношений в кустарном производстве получило заметное распространение в металлообрабатывающих и текстильных промыслах. Вместе с тем, к концу 20-х годов численность рабочих-кустарей составляла лишь около 68% их довоенного числа.

Медленные темпы восстановления кустарного производства в 20-е гг. были обусловлены изменениями в динамике отходничества и структурными сдвигами в хозяйстве, связанные со значительным поглощением рабочей силы чистым сельским хозяйством. Тем не менее, удельный вес кустарной продукции составлял к концу 20-х гг. около 15% производства крупной промышленности, то есть несколько превысил довоенный уровень.[245]

Период НЭПа характеризовался наличием в экономике и промышленности различных социально-хозяйственных форм, таких как государственные, кооперативные, частные и концессионные производства. Показательно, что соотношение между ними менялось на всем протяжении 1920-х годов. Так, в 1922/23 г. выпуск продукции государственных предприятий составил 94,1%, кооперативных - 2,5%, частных - 3,4% общего объема промышленного производства. В 1926/27 г. соотношение изменилось, и объем производства государственных предприятий составил 89% от выпуска всей продукции московской промышленности, кооперативные предприятия давали 7%, частные - около 3% и концессионные - 1%.[246]

Таким образом, доминирующее положение занимал обобществленный сектор экономики - государственная и кооперативная промышленность, а за частными и концессионными предприятиями оставалось доста-

[245] Московский Совет, С. 229-230.

[246] Московский Совет, С. 220.

точно скромное место в хозяйстве. Тем не менее, именно хозрасчетные и арендные предприятия, преимущественно средние и мелкие в пищевой и табачной отраслях промышленности, оказались более адаптированными к социально-экономическим условиям НЭПа. Они производили в основном товары повседневного спроса и обладали возможностью быстрее реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, успешнее реализовывать продукцию и держать более высокий уровень заработной платы по сравнению с крупной, оставшейся на государственном снабжении, промышленности. Кооперативные, частные и концессионные предприятия работали преимущественно в области производства средств потребления, в совокупности они вырабатывали 12,5% предметов потребления, 3,4% орудий производства и 9,3% средств производства.[247]

Анализ материального положения рабочих можно провести на примере Москвы, которая в 1920-е гг. оставалась крупнейшим индустриальным центром страны. В 1922 г. здесь находилось более 1/4 всех промышленных предприятий, а к середине 1920-х гг. удельный вес московской промышленности в валовом промышленном производстве достиг 21,7%, в то время как до войны этот показатель составлял 19,0%.[248] Таким образом, московская промышленность не утратила своего прежнего значения, что стало следствием более высоких темпов хозяйственного восстановления в столице. Особенно заметным этот процесс был в отраслях легкой промышленности. Так, в швейной индустрии, производстве одежды и галантерейной продукции удельный вес московской промышленности в общесоюзном объеме производства составлял 45,1%, в текстильной отрасли - 41,7%, в химической - 32,1%.[249]

---

[247] Там же, С. 221.

[248] Народное хозяйство Центрально-промышленной области в 1923 - 1924 гг. М., 1925, С. 5.

[249] Московский Совет, С. 211.

Оживление работы московских фабрик и заводов, прежде всего, в легких отраслях было обусловлено необычайно большим спросом на изделия этих производств. Эта тенденция сохранялась на протяжении всех 1920-х годов, и в целом можно сказать, что Москва в этот период оставалась «ситцевой»: предприятия в основном производили предметы потребления. В 1925/26 г. в общей продукции московской государственной промышленности предметы потребления занимали 61%, средства производства - 34,5 %, а орудия производства и транспорта - 4,5%.[250]

Существенные трудности были связаны с восстановлением металлопромышленности, вызванные острым дефицитом сырья, средств для ремонта предприятий и изношенного оборудования, а также дефицитом квалифицированных кадров рабочих и инженеров. Только к концу 1920-х годов с началом курса на индустриализацию страны ситуация в тяжелой промышленности начала существенным образом меняться. Началась реконструкция старых и строительство новых заводов. В 1926/27 г. капитальные вложения в промышленность выросли почти на одну треть, а инвестиции в новые строительства увеличились более чем в два раза.

На протяжении 1920-х годов развитие экономики сохраняло свое поступательное развитие. Тем не менее, можно выделить два скачка, связанных со значительным увеличением темпов выработки валовой продукции: первый - в 1923/24 хозяйственном году, второй - в 1925/26 году.[251] При этом довоенные показатели были достигнуты лишь в 1926/27 году.[252] Их превышение отмечалось в швейном, галантерейном и кожевенном производстве, а также в текстильной промышленности.[253] Вместе с тем, в 1927/28 г. некоторые отрасли все еще отставали по уровню производства

[250] Горинов М.М. Москва в 20-х годах. //Отечественная история. 1996, №5, С.9.

[251] Московский Совет, С. 214.

[252] Там же, С. 219.

[253] Там же, С. 217.

от своих довоенных показателей - это деревообрабатывающая, пищевая и металлопромышленность.

Рассматривая общие показатели развития промышленности, необходимо учитывать серьезное падение качества продукции. Если в первые годы НЭПа качество изделий несколько улучшилось, то с 1924/1925 г. оно вновь заметно падает. Это обстоятельство в значительной степени было обусловлено начавшейся кампанией по рационализации производства, в основном сводившейся к увеличению плановых показателей за счет снижения себестоимости продукции. Во второй половине 1920-х годов проблема качества стала приобретать особою остроту. На многих московских предприятиях количество брака достигало 50% всей выпускаемой продукции.[254] Тем не менее, изделия низкого качества проходили через отделы контроля и попадали на рынок. Так, например, «Москвошвей» выпустил партию пальто - «воротник каракулевый, а манжеты котиковые; у пальто спина черная, а рукава ярко синие». На московских производственных совещаниях в 1929 г. многие делегаты указывали: «Брак возвращается тысячами. Порой брак обнаруживается лишь в магазине, после того, как эти предметы прошли инструктора, приемщика».[255]

Таким образом, учитывая резкое падение качества выпускаемой продукции, можно предположить, что реально довоенный уровень производства был достигнут лишь в 1927/28 хозяйственном году или даже позднее.

С переходом к НЭПу произошли изменения и в самой системе организации и управления промышленностью. Наиболее крупные государственные предприятия продолжали находиться в федеральном ведении - под управлением ВСНХ СССР, небольшая часть московских предприятий (около 5%) перешла под начало ВСНХ РСФСР, большинство же фабрик и заводов было переведено под управление Московского Совета народного

[254] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, лл. 50-52.

[255] Там же.

хозяйства (МСНХ). Крупные государственные предприятия были объединены в тресты, которые затем постепенно переводились на хозяйственный расчет. Например, в Москве были созданы «Мостекстиль», «Мострикотаж», «Москвошей», «Моссукно», «Москож», «Машинотрест», «Моссельпром», «Жиркость» и другие объединения. В трестированной промышленности была проведена концентрация производства, повлекшая за собой закрытие многих предприятий и значительное сокращение штатов. Квалифицированная рабочая сила и оборудование были переведены на оставшиеся фабрики и заводы. К концу 1922 г. под управлением МСНХ находилось 33 треста, на предприятиях которых было занято 163 тыс. рабочих. Перевод на хозяйственный расчет давал трестам возможность самостоятельно заниматься закупкой сырья и оборудования, реализовывать свою продукцию и заниматься подбором рабочей силы.[256]

Период социальных потрясений, связанных с революциями, мировой и гражданской войной, характеризовался значительным падением уровня жизни широких слоев населения, в частности - рабочих. Этот процесс нашел свое выражение в понижении как количественных, так и качественных показателей материального положения рабочего класса, прежде всего таких как объем реальных доходов, уровень и структура потребления продовольственных и непродовольственных товаров, жилищные условия. Особенно серьезными были изменения в области оплаты труда, вызванные чрезвычайным падением уровня заработной платы. По данным С.Г. Струмилина, заработная плата промышленных рабочих в период «военного коммунизма» составляла лишь 38,5 % ее довоенного уровня.[257]

[256] История Москвы, т. 6, кн. 1, М., 1957, С. 240.

[257] Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 гг. М., 1923, С. 41.

С.Н. Прокопович считал эти данные завышенными и приводил другую цифру - 12,3%.[258] На протяжении всего периода «военного коммунизма» денежная часть доходного бюджета рабочих неуклонно сокращалась. В условиях гиперинфляции и стремительного обесценивания рубля исчисление заработной платы в денежном эквиваленте теряло свою актуальность. Немаловажное значение имел и идеологический аспект, а также первоначальная установка новой власти на формирование «безденежной» системы хозяйствования. В этих условиях все большее значение приобретало «натурпремирование», которое представляло собой присвоение рабочими результатов своего труда в более или менее легальной форме. В тех случаях, когда это было невозможно, часть рабочего дня отводилась для работы «на себя».

Так, например, в 1920 г. во всех железнодорожных мастерских рабочие в основном занимались изготовлением бензиновых зажигалок, кухонной металлической посуды и бытовой утвари. Существовали также единовременные «натуральные выдачи», в виде которых рабочие иногда получали самые неожиданные вещи: овес, сандалии, френчи, горжетки, бочки, корыта, кирпичи, колеса, хомуты и т.д.[259]

Помимо резкого падения уровня заработной платы и изменений структуры доходов, происходили значительные трансформации самой системы оплаты труда. Одной из основ этой системы стал принцип уравнительности заработной платы, который усиленно проводился в жизнь в течение всего периода «военного коммунизма».

Так, например, сопоставляя тарифные ставки и данные о натуральных выплатах в течение 1917 - 1920 гг., Струмилин показал динамику соотношения заработка квалифицированного рабочего высшего 12 разряда и чернорабочего. Согласно его расчетам, если в августе 1917 г. заработная

[258] Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2, Нью-Йорк, 1952, С. 98.

[259] Черных А.И. Указ, соч., С. 240.

плата квалифицированного рабочего составляла 232 % заработка чернорабочего, то через год это соотношение было уже 130%, в 1919 г. - 109 %, а в 1920 г. их заработки практически сравнялись и соотношение составило 104 %.[260] Помимо выравнивания уровней заработной платы различных категорий рабочего класса, происходил процесс выравнивания оплаты труда рабочих и служащих. По подсчетам Струмилина, в 1913 г. оплата высших промышленных служащих превышала заработок рабочего почти в 4 раза, в 1917 г. - в 1,8 раза. В 1918-20 гг. уровни их заработной платы сравнялись, а в некоторых случаях заработок рабочих превышал оплату труда специалистов.

Значительные изменения произошли в системе снабжения, в основу которой был положен принцип социального обеспечения, базировавшийся на распределении социально-классового пайка среди различных категорий населения. Паек, представлявший собой натуральную форму выплат заработной платы, распределялся по классовому принципу. При этом рабочие получали более крупный паек, чем служащие, в результате чего совокупный заработок натуральными выдачами и деньгами инженера высшего разряда был ниже заработка чернорабочего.[261]

Размер пайка зависел не от производительности труда, а от размера семьи рабочего, так как он выдавался на «едоков». Такое распределение продуктов представляло собой воплощение принципа социального обеспечения, и не могло рассматриваться как плата за труд.[262] Снабжение продовольственными товарами также носило классово-дифференцированный характер.

Нормирование было введено 1 сентября 1918 г. Все население было разделено на 4 категории: 1) работавшие на особо тяжелых физических

[260] Струмилин С.Г. Указ, соч., С. 35.

[261] Струмилин С.Г. Указ, соч., С. 36.

[262] Черных А.И. Указ, соч., С. 236-237.

производствах, 2) занятые тяжелым физическим трудом, 3) рабочие легких производств, служащие и лица свободных профессий, 4) лица, имевшие нетрудовые доходы. Выдача продуктов осуществлялась по карточкам в соотношении 4:3:2:1, при этом в первую очередь обеспечивалась первая и вторая категории. «Отоваривание» карточек последней группы осуществлялось по остаточному принципу, то есть только тем, что могло остаться после распределения между двумя первыми категориями населения.[263]

Несмотря на приоритетное снабжение рабочих, продовольственные карточки обеспечивали лишь 7 - 10% их продовольственных потребностей. За период войны питание значительно ухудшилось, и если до войны рабочий потреблял в сутки 4000 калорий, то к 1917 г. количество потребляемых калорий сократилось до 3445, осенью 1918 г. - до 2680 калорий, а в 1919-1920 гг. - до 2600 калорий. Вместе с тем, расходы на питание представляли основную статью бюджетов: у 75,7% рабочих они составляли практически три четверти бюджета.[264]

Таким образом, в период «военного коммунизма» традиционная система оплаты труда претерпела значительные трансформации. Была сформирована единая централизованная система денежного и продовольственного обеспечения всего населения, в основе которой лежал уравнительный принцип оплаты труда и социально-классовый подход в области снабжения.

НЭП начался с восстановления традиционной формы оплаты труда, зависящей от его производительности. Требование равенства в этой сфере было объявлено мелкобуржуазным предрассудком, трудовая повинность отменена, а рабочие переведены на свободный договор найма. Новые пра-

[263] Вишневский Н. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. М., 1920, С. 26-37; Черных А.И. Указ, соч., С. 239.

[264] Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда ..., С. 50.

вила, регулировавшие этот договор, были юридически закреплены в Кодексе законов о труде, принятом в 1922 г. Результатом прекращения уравнительной практики стало быстрое нарастание дифференциации заработков рабочих и служащих, прежде всего - специалистов. Уже в январе 1922 г. инженеры получали в 1,45 раза больше рабочих. Одновременно шел процесс денатурализации заработной платы. В 1921/22 финансовом году сохранялась система бесплатного снабжения продуктами, и рабочие государственных заводов и фабрик продолжали получать паек в счет заработной платы. В 1922/23 финансовом году предприятия снабжались только поступавшим по продовольственному налогу хлебом в счет платежей за выполнение государственных заказов. Исчисление заработной платы с учетом натуральных выдач продолжалось вплоть до 1924 г.[265]

Переход к новой экономической политике обусловил постепенное повышение уровня заработной платы. Этот процесс шел неравномерно как по отраслям промышленности, так и по различным социально-хозяйственным формам. Оплата труда в тяжелой индустрии значительно отставала от своего довоенного уровня. На предприятиях легкой промышленности, работавших на широкий потребительский рынок, заработная плата росла более высокими темпами, и к середине 1920-х годов приблизилась к своему довоенному уровню.

Рассматривая динамику заработной платы в первой половине 1920-х годов, необходимо отметить, что все расчеты в данной области обладали определенной степенью условности. Прежде всего, это было связано с отсутствием устойчивой валюты, наличием высокой степени инфляции и стремительным обесцениванием денег - так называемых «совзнаков». Зарплата исчислялась в товарных (бюджетных) рублях, а выплачивалась в «совзнаках» по заранее установленному курсу товарного рубля. Как пра-

[265] Труд в Москве и Московской губернии, С. 121.

вило, сроки выплаты заработной платы не совпадали со сроками исчисления стоимости товарного рубля. Таким образом, реальный уровень заработной платы напрямую зависел от промежутка времени, определявшего дату получки от сроков исчисления индексов, по которому товарные рубли переводились в совзнаки. При этом ее фактический уровень не только не повышался, а в отдельные периоды заметно снижался по сравнению с достигнутым ранее. Вся политика государственного регулирования заработной платы в этот период, по существу, сводилась к попыткам закрепить достигнутый уровень и сохранить ее от обесценивания. В связи с этим, профсоюзные органы стали вводить в коллективные договоры ряд условий, направленных на приближение сроков выплаты зарплаты к срокам исчисления стоимости товарного рубля.

Для исчисления реальной заработной платы ее сумма (до 1924 г. - в «совзнаках», а после 1924 г. - в червонных рублях) переводилась в так называемые бюджетные или товарные рубли согласно определенному бюджетному индексу, который рассчитывался по стоимости необходимого минимального набора продуктов. В условиях инфляции и стремительного роста цен такие перерасчеты были сопряжены с большими трудностями, и показатели уровня реальной заработной платы напрямую зависели от конкретного бюджетного индекса, по которому производился перерасчет. Так, например, в условиях быстрого роста дороговизны перевод выплачиваемой в конце месяца номинальной заработной платы в реальную по индексу начала месяца значительно искажал ее фактический уровень.

Дополнительные трудности создавали различия в темпах нарастания бюджетного индекса цен и изменения курса червонца. В связи с этим динамика заработной платы в твердой валюте (червонных рублях) или товарных рублях могла существенным образом отличаться. Так, например, в декабре 1925 г. рост дороговизны был столь значителен, что, несмотря на за-

метное повышение уровня заработной платы в червонных рублях, его реальное значение упало.[266]

Таким образом, все эти факторы обусловили значительные сложности в определении динамики реальной заработной платы и определили наличие различных цифровых данных в литературе по проблеме материального положения рабочего класса в 1920-е годы. В связи с этим представляется возможным не останавливаться подробно на цифровых показателях, а рассмотреть лишь основные тенденции, характеризующие изменения в области заработной платы, а также динамику материального положения рабочих в целом.

Наиболее высокие темпы роста средних показателей реальной заработной платы рабочих отмечались в 1922 г. По данным ЦСУ, в течение 1922 г. средний фактический заработок рабочих увеличился в два раза, поднявшись с 9,7 до 20,4 довоенных рублей.[267] В последующий период рост заработной платы шел более медленными темпами. Кризис сбыта 1923 г. оказал неблагоприятное воздействие на уровень оплаты труда, вызвав его значительное понижение. Последовавшая денежная реформа и постепенный переход к твердой валюте, когда в денежном обращении наряду с устойчивыми червонцами находились обесценивавшиеся «совзнаки», вызвали стремительный рост цен. Эти факторы обусловили дальнейшее падение уровня заработной платы, и лишь к осени 1924 г. этот процесс был приостановлен. С середины 1925 г. в связи с нормализацией денежного обращения и начавшимся процессом пересмотра установленных колдоговорами норм оплаты труда начался процесс дальнейшего роста реальной заработной платы московских рабочих.

С 1923 г. по 1925 г. наиболее высокими темпами роста оплаты труда характеризовались химическая, кожевенная и текстильная промышлен-

[266] Труд в Москве и Московской губернии, С. 127.

[267] Там же, С. 124.

ность. Высокий уровень, превышавший средние показатели, отмечался также в кожевенной, полиграфической и металлообрабатывающей промышленности. В середине 1920-х годов самую низкую зарплату получали рабочие швейной промышленности, что стало следствием кризиса сбыта 1923 г. и последовавшей за ним сильнейшей депрессией в отрасли.

Соотношение оплаты труда в крупной государственной фабрично-заводской промышленности и на частных предприятиях свидетельствовало о ее превышении в частном секторе в среднем на 12%.[268] Уровень заработной платы рабочих кооперативных предприятий в большей степени был приближен к ставкам на государственных предприятиях и значительно отставал от частной промышленности. Иными словами, оплата труда на частных предприятиях превышала средние показатели по кооперативным и по государственным предприятиям вместе взятым. Высокий уровень заработной платы в частном секторе определял отток рабочей силы, прежде всего - квалифицированной, с крупных государственных предприятий в мелкие и средние частные промышленные заведения, а также в кустарные и ремесленные производства.

К середине 1920-х годов средние показатели оплаты труда московских рабочих достигли своего довоенного уровня. В то же время неквалифицированные рабочие стали получать более высокую заработную плату, а оплата труда квалифицированных групп рабочих еще не достигла своего довоенного уровня. Кроме того, в первой половине 1920-х годов сохранялась тенденция к более низкой оплате женского труда и труда подростков. Эти показатели отличались по отраслям промышленности, но в среднем заработок женщин составлял около 68% от заработка мужчин, при этом самую низкую зарплату женщины получали в деревообрабатывающей и металлопромышленности.[269]

[268] Труд в Москве и Московской губернии, С. 144; данные за конец 1924 г.

[269] Труд в Москве и Московской губернии, С. 151,176.

По данным ЦСУ, к 1925 г. средний уровень заработной платы фабрично-заводских рабочих был на 25% ниже заработка служащих учреждений. Средний уровень оплаты труда работников государственного и профсоюзного аппарата, различных управленческих структур, а также служащих торговых и кредитных заведений превышал заработок рабочих почти в 3 раза, а, учитывая широко практиковавшиеся спецставки и персональные оклады, эта разница была еще более значительной. Среди самих служащих самый низкий уровень заработной платы был у медицинских работников, в милиции и в сфере народного образования - у преподавателей и учителей. Их заработок был приближен к уровню оплаты труда фабрично-заводских рабочих, а для некоторых категорий был даже ниже этих показателей.[270]

С середины 1920-х годов начался процесс непрерывного роста заработной платы. В 1925 - 1928 гг. ее наиболее высокий уровень отмечался в кожевенном производстве, а также в металлопромышленности, в химическом и полиграфическом производстве. Значительно повысился уровень оплаты труда в швейной и пищевой промышленности. Самые низкие заработки были у рабочих текстильной промышленности, но именно в этой отрасли темпы роста заработной платы характеризовались как одни из самых высоких. Начиная с 1927/28 г. темпы роста оплаты труда в промышленности начал постепенно снижаться. Эта тенденция усиливалась, и уже первое полугодие 1928/29 хозяйственного года дало более значительное снижение по сравнению с предыдущими среднегодовыми показателями. В этот период достигнутый ранее уровень заработной платы поддерживался в основном за счет государственного регулирования, связанного с механическим «подтягиванием» зарплаты в отстающих отраслях. Но уже с середи-

[270] Там же, С. 157-159; 162-163.

ны 1928 г. во многих отраслях легкой промышленности начался процесс уменьшения размеров оплаты труда, вызванный пересмотром тарифов.[271]

Для второй половины 1920-х годов стала характерной тенденция к сближению уровней заработной платы, как в различных отраслях промышленности, так и внутри отдельных производств. Помимо этого, происходило постепенное сближение оплаты труда мужчин и женщин, подростков и взрослых. Так, если в 1926 г. средний заработок женщин, занятых в московской промышленности, составлял 67,7% заработка мужчин, то в 1928 г. это соотношение составило уже 70,5%. К 1928 г. было достигнуто полное равенство в оплате мужского и женского труда в текстильной промышленности.[272]

Усилению уравнительной тенденции способствовало проведение в 1927 г. тарифной реформы, в результате которой удельный вес рабочих, имевших заработок близкий к среднему, значительно увеличился. Важным следствием тарифной реформы стало заметное повышение роли тарифной ставки в структуре заработной платы, что также способствовало уменьшению социальной дифференциации внутри рабочего класса. И если в первой половине 1920-х годов рост реальной заработной платы происходил исключительно за счет увеличения приработков, то после проведения реформы удельный вес приработка в структуре заработной платы заметно понизился. Тем не менее, значительные колебания в оплате труда продолжали сохраняться.

Так, в конце 1920-х годов в металлопромышленности заработок чернорабочих был выше, чем зарплата квалифицированных кадров в текстильной промышленности. Существовала дифференциация в оплате труда рабочих одной и той же профессии в различных производствах, так и на различных предприятиях одного и того же производства. Уровень заработ-

[271] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 146.

[272] Там же, л. 146об.

ной платы в уездах Московской губернии был ниже, чем в Москве, что было следствием более низких норм оплаты труда на предприятиях, расположенных за пределами города. Так, в 1925 г. заработки рабочих, занятых в машиностроении по уездам Московской губернии, были на 15% ниже, чем по Москве.[273] Более высокий уровень заработной платы вызывал массовый приток рабочей силы в столицу.

Во второй половине 1920-х годов существенное влияние на уровень заработной платы оказывал процесс рационализации производства. Уплотнение труда, связанное с переводом рабочих на обслуживание большего количества станков в условиях сокращения рабочего дня, вызывало повышение уровня заработной платы, в то время, как заработок «неуплотненных» рабочих заметно понизился. Изменение социального состава рабочего класса, обусловленное, массовым притоком в города крестьянского населения, безработных и рабочих из других регионов страны также оказывали существенное влияние на динамику заработной платы. Производительность труда новых пополнений была значительно ниже, чем старых, квалифицированных кадров, и это непосредственным образом сказывалось на среднем уровне заработной платы всех занятых на предприятии. Так, если во всех трех сменах работали только старые рабочие, то, включая приработок, совокупная заработная плата этой группы была заметно выше, чем в тех сменах, где чередовались «новые» и: «старые» рабочие.

Для характеристики материального положения рабочих в 1920-е годы представляется необходимым проанализировать, в какой мере заработная плата удовлетворяла различные потребности рабочих и как менялся уровень их потребления, то есть обратиться к анализу бюджетов. За время войны в структуре доходного бюджета произошли существенные изменения, связанные с резким понижением значения заработной платы в сово-

[273] Труд в Москве и Московской губернии, С. 136.

купном доходе рабочей семьи. С переходом к НЭПу начался процесс постепенного повышения денежной части доходного бюджета. Вместе с тем, заработная плата не покрывала всех потребностей, и к середине 1920-х годов ее удельный вес в общем составе бюджета достигал лишь 85%.[274] Этот фактор определял наличие различных способов покрытия бюджетного дефицита.

Помимо заработной платы, общий доход рабочей семьи включал в себя различного рода приработки и работу на заказ. В качестве доходной статьи в бюджете фигурировала помощь родственников, в основном представлявшая собой продовольственные передачи из деревни в обмен за гостеприимство или другую помощь, оказываемую городскими рабочими своей деревенской родне.[275] С середины 1924 г. характерной статьей бюджета можно считать и потребление продуктов, находившихся в запасе. Эти продовольственные накопления создавались в период гиперинфляции, но после проведения денежной реформы и частичной стабилизации рубля эти «лабазы» в виде муки, ржи, круп и других продуктов стали активно потребляться рабочими.[276] Значительную роль имели поступления от распродажи вещей и заем денег в долг, главным образом, у частных лиц.

Динамика доходного бюджета шла по пути сокращения удельного веса доходов от занятий ремеслом, а также от продажи вещей. Денежный долг продолжал сохранять свое значение, и к 1925 г. до 42% рабочих семей использовали его как дополнительную статью доходов.[277] Необходимо отметить существование значительной дифференциации среди отдельных бюджетных групп в зависимости от социально-экономического положения

[274] Труд в Москве и Московской губернии, С. 241.

[275] Труд в Москве и Московской губернии, С. 241.

[276] Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М., 1928, С. 140.

[277] Там же, С. 139.

рабочей семьи, которое определялось, главным образом, наличием зарабатывающих членов и количеством неработающих иждивенцев.[278] К более обеспеченным группам с высоким доходом на одного «едока» относились в основном малосемейные рабочие. В самые низшие категории попадали семьи с одним зарабатывающим членом семьи и 4 неработающими «едоками». Удельный вес заработной платы в общем доходе высших бюджетных групп значительно превышал соответствующие показатели у низших экономических групп, а значение приработков у последних, наоборот, было гораздо выше. Так, например, доход от вынужденной распродажи вещей составлял в низких бюджетных группах более 13%, а в самой высокой группе - лишь около 3%.[279]

Рассматривая расходный бюджет рабочих, важно отметить, что на всем протяжении 1920-х годов главной и основной статьей расхода оставались затраты на питание. Вместе с тем, с переходом к НЭПу бюджет начал постепенно утрачивать исключительно продовольственный характер, и все большая часть заработка шла на приобретение одежды и других предметов длительного пользования. Процесс восстановления устойчивых бюджетов сопровождался увеличением расходов на предметы одежды и обуви, что свидетельствовало об относительном улучшении экономического положения рабочих. Во второй половине 1920-х годов в динамике бюджетов вновь наметилась тенденция к увеличению расходов на питание, что стало признаком нарушения достигнутого ранее бюджетного баланса. При этом, увеличение расходов на продовольственные товары не свидетельствовало о фактическом росте потребления, а было вызвано произошедшим за этот период значительным ростом цен.[280]

---

[278] Труд в Москве и Московской губернии, С 242.

[279] Труд в Москве и Московской губернии, С 246.

[280] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 148.

В количественном отношении питание московского рабочего достигло физиологической нормы лишь в 1923 г. При этом эти нормы можно было считать удовлетворительными только с точки зрения минимальных требований физиологии.[281] В качественном отношении питание рабочих продолжало оставаться неполноценным. Такие продукты, как сливочное масло, молоко и яйца не составляли предмет массового потребления и приобретались лишь в тех случаях, когда в семьях были больные или маленькие дети. Для того, чтобы обеспечить нормальное питание детей, взрослым приходилось не только сокращать расходы на другие потребности, но и ограничивать собственное потребление продовольственных продуктов.

Типичная пища рабочей семьи со средним достатком представляла собой чугунок мясных щей, картошку, миску заготовленной впрок капусты или густой каши. Прием пищи обычно сопровождался большим количеством чая. Готовка еды представляла исключительно женскую обязанность даже для работавших женщин. Обычно, еда готовилась вечером на два - три дня, как правило, одно или два блюда, первое из которых предполагалось для обеда, второе разогревалось на ужин.[282] Начиная с 1924 г., в составе питания постоянно уменьшался удельный вес муки и увеличивался удельный вес готовых хлебных продуктов. Эта тенденция сохранялась на всем протяжении 1920-х годов и усиливалась по мере нарастания дефицита этого продукта. Из года в год сокращалось потребление овощей, главным образом, картофеля и капусты. Во второй половине 1920-х годов был заметен рост потребления мясной продукции, но уже в конце 1920-х гг. удельный вес мяса в структуре питания рабочих значительно понизился, что обусловило дальнейшее общее ухудшение питания.[283]

---

[281] Кабо Е.О. Указ.соч. С. 153.

[282] Там же, С. 150-151,153.

[283] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 148.

Помимо затрат на продовольствие, одну из основных статей бюджета составляли расходы на одежду и обувь. При этом большие средства, достигавшие 25% всех расходов на новою обувь, уходили на ремонт старой. Наряду с покупкой готовой одежды большое значение имело приобретение тканей. Как правило, предпочтение отдавалось покупке материалов, так как по сравнению с готовой одеждой их стоимость была гораздо ниже. Шитье и починка одежды представляли типичные занятия женщин в рабочей семье, причем значительную часть времени жены рабочих тратили не на изготовление новой одежды, а на перешивание своих старых вещей в детские. Эти обязанности поглощали большое количество времени, и в перерасчете на 8-ми часовой рабочий день женщины тратили на них до 58 дней в году.[284]

Во второй половине 1920-х годов началось постепенное сокращение затрат, связанных с приобретением одежды и обуви. Если в первом полугодии 1928 г. ежемесячный средний расход взрослого рабочего на одежду составлял 9 руб. 25 коп., то в первом полугодии 1929 г. он был всего 7 руб. 35 коп. Одновременно шел процесс ухудшения качества одежды. Рабочие стали ограничиваться приобретением лишь хлопчатобумажных тканей, а удельный вес шерстяных тканей заметно понизился.[285]

Затраты на приобретение мебели и хозяйственной утвари не составляли существенной статьи расходного бюджета и носили эпизодический характер. Потребность в предметах мебели и хозяйственного инвентаря удовлетворялись в последнюю очередь, и расход на нее откладывался из месяца в месяц. Как показывают инвентарные описи домашнего имущества, согласно фактическому сроку службы большая часть предметов мебели и обстановки, кухонных и домашних инструментов, часов, книг и предметов интерьера была приобретена рабочими еще до революции. В

[284] Кабо Е.О. Указ. соч., С. 181,183.

[285] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 148об.

дореволюционный период были также приобретены такие предметы одежды как шубы и пальто.[286] Очень высокой степенью износа обладали швейные машины. Представляя предмет первой необходимости, они получили широкое распространение и имелись в каждой второй рабочей семье. Как правило, швейная машина была самым дорогим предметом из всего домашнего имущества и по своей стоимости нередко была равнозначна всей наличной мебели в семье.[287] В целом, исследователи быта в 1920-е годы отмечали крайнюю скудность домашней обстановки.[288]

Типичное жилище рабочей семьи представляло собой комнату, в которой находилось небольшое количество дешевых стульев и стол. Кровати не были широко распространены, что было следствием как существовавшей жилищной тесноты и материального недостатка, так и низких культурных навыков. Как правило, на трех человек приходилась только одна кровать, при этом дети спали или на полу, или на случайных приспособлениях (сундуках, стульях, лежанках). Такое положение оставалось неизменным на всем протяжении 1920-х годов, о чем свидетельствуют данные обследования совета профсоюзов, проведенные в 1929 г. Согласно этим сведениям, 8,6% рабочих не имели своей кровати, а спали или на сундуках, или на полу. Дети в возрасте от одного года до восьми лет спали отдельно всего лишь в 44% семей, и даже в более старшем возрасте - от 9 до 16 лет только в 24% случаев спали на отдельных кроватях, остальные спали либо вместе со взрослыми, либо на сундуках, либо на полу.[289]

Помимо кроватей, слабое распространение в рабочей среде имели шкафы, комоды и другие приспособления для содержания одежды и про-

---

[286] Струмилин С.Г. Рабочий быт в цифрах. М.-Л., 1926, Приложение II, таблица 2, С. 126-127.

[287] Там же, таблица 4, С. 88-89.

[288] Кабо Е.О. Указ. соч., С. 172.

[289] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 148об.

дуктов. Подавляющее большинство семей хранили продовольственные запасы в жилой комнате, просто на полу, в углах или под кроватью. Теснота рабочего жилища усугублялась тем, что тут же происходила стирка белья, его сушка, а также приготовление пищи. При этом навыки проветривания помещения отсутствовали, и окна и форточки практически не открывались. Теснота, плохая вентиляция, недостаток элементарной мебели и хранение продуктов прямо в жилом помещении способствовали сильному загрязнению квартир и комнат. Следствием загрязнения, а нередко и антисанитарных условий, становилось широкое распространение различного рода паразитов. Большинство рабочих указывало на присутствие в жилище клопов, тараканов, крыс и мышей.

Но, несмотря на столь тяжелые жилищные условия и скудость обстановки, рабочим было присуще стремление к разнообразному украшению своего жилья. Вопреки антирелигиозной пропаганде, самое большое распространение по-прежнему имели иконы. Рядом соседствовали портреты революционных вождей, причем после 1924 г. особую популярность приобрел портрет Ленина. Широко распространенным был обычай украшать стены фотографиями в дешевых рамках. Оконные занавески встречались очень редко, зато разнообразные половики, вязаные салфетки и скатерти были характерными украшениями жилья.[290]

Таким образом, в 1920-е годы преобладающим типом рабочего жилища была комната - одна или две на семью, и общая кухня на несколько семей. При этом в 1925 г. фактическая норма жилой площади на человека среди рабочих была ниже установленной санитарной нормы почти на 50%.[291] По описаниям исследователей домашнего быта, типичная обстановка представляла собой «одну кровать на трех человек, отсутствие самой необходимой мебели, закопченные стены и потолки, ящики с продоволь-

[290] Кабо Е.О. Указ. соч., С. 172-176.

[291] Кабо Е.О. Указ, соч., С. 164.

ствием в углах и под кроватью, насекомые в щелях и мыши под половицами, одна-две иконы, почти всегда портрет Ленина».[292] Нередко картина представлялась значительно хуже обрисованной.

В 1920-е годы затраты на жилье были очень высоки и достигали в среднем 12% расходного бюджета рабочих при постоянном дефиците последнего.[293] При этом плата за жилплощадь составляла около 40%, а остальные затраты были связаны с оплатой коммунальных услуг. С введением НЭПа были восстановлены все коммунальные платежи, и их постоянный рост наблюдался на всем протяжении 1920-х годов. Летом 1925 г. декретом Совнаркома средняя ставка квартирной платы была повышена на 50%, а летом 1926 г. - еще на 30%. Во второй половине 20-х годов квартирная плата продолжала расти, и если в первом полугодии 1927/28 г. она составляла в среднем 4 руб. 60 коп., то в первом полугодии 1928/29 г. - уже 5 руб.[294]

Особенно сильно возросли расходы на коммунальные услуги, в частности, расход на отопление увеличился в 2,5 раза. В условиях, когда уровень заработной платы только приближался к довоенному, а расходы на жилье, достигнув этого уровня, продолжали расти, начался процесс оттока рабочего населения на окраины города, не имевших ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. Особенно быстро заселялись пригороды, прилегавшие к Северной и Казанской железным дорогам. В середине 1925 г. лишь 34% всех домовладений имели водопровод и всего 28% домов были оснащены канализацией. Жители в основном брали воду из уличных водоразборов, колодцев, рек, прудов и т. д.[295]

---

[292] Там же, С. 176.

[293] Там же, С. 170.

[294] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 148об.

[295] История Москвы, С. 296.

С введением НЭПа была проведена денационализация городского жилищного фонда. Большая часть жилой площади, переданной ранее в ведение городских властей, была возвращена бывшим владельцам или передана новым. Разрешение частного строительства также имело принципиальное значение, и уже к 1924 г. из всего вновь построенного жилья 72% было возведено частным путем.[296] Таким образом, НЭП, высвободив рыночные стимулы в сфере жилищного строительства, привел к фактической отмене результатов «жилищного передела» периода «военного коммунизма», когда многие рабочие были переселены в центральную часть Москвы и стали обладателями конфискованных или национализированных комнат и квартир. С восстановлением коммунальных платежей и платы за жилье большинство из них оказалось не в состоянии оплачивать увеличенную площадь, что привело к самоуплотнению рабочих до норм довоенного периода и даже еще более низких. Начался процесс возвращения к угловым и коечным квартирам и обратного перемещения рабочих в подвалы. В результате, норма жилой площади не только не увеличивалась, но продолжала активно сокращаться.

Жилищный кризис представлял собой одну из наиболее серьезных проблем 1920-х годов. Нехватка жилья обострялась стремительным увеличением численности населения, так как темпы восстановления жилищного фонда сильно отставали от темпов роста численности жителей города. Проблема также усугублялась неумелым использованием имевшегося жилого фонда. Еще в октябре 1921 г. на Московской Губернской партконференции подчеркивалось: «Рабочих вселили в буржуазные дома, но наряду с этим шло разрушение этих домов».[297] Переселение рабочих в национализированные квартиры в период «военного коммунизма» вызвало иждивенческие настроения, «не было того, что бы заинтересовало население в са-

[296] Черных А.И. Указ. соч., С. 202-203.

[297] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 13, л. 21.

мом доме, заставило его относится бережно к дому, ремонтировать, поддерживать его».[298]

Для нормализации положения властями стала усиленно проводиться в жизнь идея жилищной кооперации. Кооперативные дома, оставаясь государственной собственностью, переходили в управление жильцов. При этом Моссовет заключал с кооперативом договор, по которому жильцы были обязаны самостоятельно производить ремонт дома и поддерживать в нем необходимый порядок. Вместе с тем, Московскому Совету необходимо было предоставить до 10% площади домовладения для вселения работников государственного и управленческого аппарата, а также чиновников. С этой целью предусматривалось дополнительное уплотнение домов жилищной кооперации. Фактически, такие договорные обязательства носили односторонний порядок, и жильцам гарантировалось только одно -не выселение до определенного срока из домов.[299] Кроме того, жилкооперация испытывала серьезные трудности с получением кредита (наряду с различными кредитными учреждениями одним из основных источников кредитования ЖСК был Моссовет). В 1926 г. были введены ограничения кредитования, и членам ЖСК было предложено накапливать собственные средства, что вызвало массовый отток рабочих из жилищно-строительной кооперации.[300] В результате, к концу 1920-х годов всего 3,8% рабочих проживали в домах жилищно-строительной кооперации.[301]

Необходимость решения жилищного кризиса обусловила начало государственного жилищного строительства, которое с середины 1920-х годов широко развернулось в промышленных районах крупных городов

---

[298] Там же.

[299] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 13, л. 21, лл. 21-23.

[300] Болотинский А. Состояние Жилищно-строительной кооперации и Москвы и Московской губернии. /Жилищное товарищество... 1927, № 27, С.5.

[301] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 149.

страны.[302] Если в 1921 в ведении Московского Совета находилось 27 тысяч домов, то уже к середине 1927 г. в Москве насчитывалось около 29 тысяч домовладений.[303] Однако строительство нового жилого фонда не сопровождалось улучшением жилищных условий в рабочей среде. Прежде всего, это было обусловлено стремительным увеличением численности рабочих, значительно опережавшим темпы ввода нового жилья.

Средняя норма площади на человека продолжала снижаться, и если в 1926 г. она составляла 5,8 кв. м, то в 1928/29 г. - 5,5 кв. м. Перепись 1926 года выявила, что 7,8% рабочих, проживавших в Москве, имели площадь менее 2-х кв. м на человека, то есть фактически не имели места для установки кровати, 18% имели площадь от 2-х до 3-х кв. м. на человека, свыше 6 кв. м имели лишь 21,5% членов рабочих семей.[304] По данным обследования материального положения рабочих, проведенного фракцией ВКП (б) МГСПС в 1929 году, фактическая норма площади для рабочих составляла 4,7 кв. м на человека и была меньше, чем у служащих (6,5 кв. м) и остальных групп населения.[305]

Причины крайней нехватки жилья заключались не только в медленных темпах строительства новых домов, но и в недоступности этих домов для рабочих. Об этом говорилось на районных конференциях, прошедших в 1926 году.[306] Жилищные условия рабочих определялись степенью их благосостояния, а именно - уровнем заработной платы. Так, отдельные квартиры встречались только у рабочих с заработком свыше 80 руб. С заработком ниже этой суммы многие занимали либо комнату, либо угол. Потребность в нормальном жилье не удовлетворяли и рабочие общежития. Они

---

[302] История Москвы, С. 14.

[303] Жилищное товарищество - жилище и строительство, 1927, № 29.

[304] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 148.

[305] Там же, л. 148об.

[306] Там же, ф. 3, оп.11, д.307, лл. 31-55.

строились по типу улучшенных дореволюционных фабричных казарм, и их недостатки (неудачная внутренняя планировка, плохое устройство отопления и др.) вынуждали многих снимать угол у частника.[307] И хотя это достаточно сильно сказывалось на бюджете рабочего, снять угол было легче и дешевле, чем получить квартиру или комнату и платить за собственное жилье. Квартирная плата оставалась слишком высокой для рабочих.

В наиболее тяжелом положении находилась молодежь. Результаты обследований жилищных условий показали, что относительное большинство молодых рабочих (52,8% мужчин и 49,8% женщин) жили на площади до 3,9 кв. м, то есть имели меньше половины санитарной нормы. Только 7,1% мужчин и 7,6% женщин имели отдельную комнату. Относительное большинство (31,6% мужчин и 25,1% женщин) жили в комнатах, которые населяли пять и более человек. При этом 27% мужчин и 22,2% женщин не имели собственного спального места, а спали все вместе на полу или на одной кровати.[308] Многие жили в общежитиях или в рабочих казармах. По свидетельствам современников, в этих помещениях была «огромная скученность людей, холод, отсутствие стекол, грязь ... Часто - это просто стены, зачастую без мебели, умывальников..., отсутствует вентиляция».[309]

В конце 1920-х годов началось обострение жилищного кризиса. Это было связано с уменьшением капитальных вложений в строительство новых жилых домов, в то время как численность населения продолжала увеличиваться быстрыми темпами. Согласно материалам МК ВКП (б), удельный вес вложений в жилищное строительство по Москве в общей сумме вложений по СССР с каждым годом уменьшался, а прирост населения по

---

[307] Бордюгов Г.А. Социалистическая культура быта в годы довоенных пятилеток: проблемы и тенденции развития. М., 1987, С. 45.

[308] Коган Б., Лебединский М. Быт рабочей молодежи: по материалам анкетных исследований. М., 1929 г., С. 26-28.

[309] Юный коммунист, 1928, № 4, С. 32.

Москве был значительно сильнее, чем по СССР. Это приводило к тому, что жилищные условия рабочих Москвы были значительно хуже, чем в других городах.[310]

Следствием плохих жилищных условий и тяжелого материального положения в целом стало широкое распространение в рабочей среде так называемых «социальных язв». 1920-е годы ознаменовались стремительным ростом потребления алкоголя. Затраты на алкоголь представляли собой значительную статью расходного бюджета рабочих, удельный вес которой возрастал в течение всего периода НЭПа. Только за один год - с 1924 по 1925 г. затраты на алкоголь в рабочих семьях увеличились в два раза. Расходы на алкоголь в полтора раза превышали затраты на средства гигиены, книги и журналы.[311] Проведенное в конце 1920-х годов обследование московских рабочих семей с целью выявления социально-экономических корней алкоголизма показало, что огромное влияние на его развитие оказывали жилищные условия.[312]

Данные бюджетных обследований не в полной мере раскрывали фактический уровень потребления алкоголя. С одной стороны, расход на алкоголь представлял собой такую статью бюджета, которая очень часто скрывалась от членов семьи. С другой стороны, в 1920-е годы широкое распространение получило самогоноварение, и только за один 1924 год в стране было выявлено до 1 млн. самогонных аппаратов.[313] Фактически их было значительно больше, так как с началом НЭПа борьба с самогоноварением почти прекратилась. Алкоголизм представлял собой одну из серьезнейших социальных проблем в 1920-е годы. Пьянство, принимая формы социального бедствия, распространялось также и на детей. В 1927 г. был

[310] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 149.

[311] Труд в Москве и Московской губернии, С. 254.

[312] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 149.

[313] Страшун И. Водка - яд бедноты. М., 1929, С. 32.

проведен опрос детей младшей группы (от 8 до 12 лет) одной из показательных школ, который обнаружил, что непьющих совсем было всего 11,8% школьников, а пьющих ежедневно - 9,3%.[314]

Одновременно с ростом потребления алкоголя возрастало число преступлений, совершенных в состоянии опьянения - только в 1926 г. их количество увеличилось в три раза.[315] В этом же году на улицах Москвы было задержано около 100 тыс. пьяных.[316] Пережитые войны и революции, разрыв привычных социальных связей, слом устоявшейся системы ценностей и морально-этических норм, усугубляемые борьбой с церковью и религией, вызывали всплеск ожесточенности и озлобленности. Тяжелые материальные, бытовые и жилищные условия выталкивали людей на улицу, а вследствие низкого культурного уровня времяпровождение вне дома сводилось к отдыху в пивных, кабаках и трактирах.[317]

Все эти факторы обусловили формирование в 1920-е годы своеобразной преступной субкультуры. Важно отметить, что потребление алкоголя у рабочих было существенно выше, чем аналогичные показатели у служащих и других групп населения.[318] Развитие преступности и хулиганства также получило значительное распространение в рабочей среде, в особенности среди молодежи.[319]

---

[314] Дейчман Э.И. Алкоголизм и социалистическое строительство. //Революция и культура, 1929, №1, С. 39.

[315] Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М.-Л., 1929, С. 142.

[316] Страшун И. О борьбе с алкоголизмом // Коммунистическая революция, 1928, № 6, С. 26.

[317] Черных А.И. Указ. соч., С. 187, 192.

[318] Ларин Ю. Структура рабочего алкоголизма // Революция и культура. 1929, № 2, С. 47.

[319] Власов В. Хулиганство в городе и деревне // Проблемы преступности. М.-Л., 1927.

В исследованиях 1920-х годов прослеживалась самая тесная связь между проблемой алкоголизма и такой социальной болезнью, как проституция, получившей широкое распространение в этот период.[320] Этот процесс, в свою очередь, был тесно связан с динамикой венерических заболеваний. Статистика этих заболеваний демонстрирует их неуклонный рост на всем протяжении НЭПа. Так, в 1924 г. было выявлено 1608 членов рабочих семей, имевших венерические болезни, а в 1925 г. их число увеличилось до 5771 человек. Всего в 1926 г. венерическими болезнями страдало более половины (58%) членов рабочих семей.[321] Рост венерических заболеваний вызывал необходимость активной борьбы с проституцией. С этой целью еще в конце 1922 г. при Мосздравотделе был организован Губернский Совет по борьбе с проституцией, но реальная работа была начата лишь в 1924 г. и шла по пути проведения «санитарно-просветительной» работы, то есть распространения «ряда анонимных анкет, имевших целью выявить половую жизнь, обращаемость к проституции и другие моменты, характеризующие половой быт рабочих».[322] Помимо роста алкоголизма, преступности и проституции, еще одним социальным бедствием 1920-х годов стала наркомания. Так, в период с 1924 по 1926 гг. в единственном московском наркодиспансере было зафиксировано 141 тыс. повторных посещений. Первичные посещения составили в 1926 г. около 9 тыс. человек.[323]

Особое внимание необходимо уделить росту численности рабочего класса. Статистика 1920-х годов учитывала численность рабочих так называемой «цензовой» промышленности, то есть относительно крупных

---

[320] Меликсетян А.С. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования, 1989, № 2.

[321] Московский Совет, С. 427.

[322] Московский Совет, С. 428.

[323] Там же.

предприятий, насчитывавших не менее 16 рабочих при наличии двигателя и 30 рабочих при отсутствии двигателя.[324] При этом методика учета фабрично-заводской инспекции довоенного периода существенным образом отличались от методов статистического учета в 1920-е годы. Так, например, довоенная классификация предприятий, подлежавших учету фабричной инспекции, не учитывала предприятия по разработке торфа, которые в 1920-е годы уже считались «цензовыми». Необходимо также подчеркнуть неразработанность критериев подсчета численности рабочих в 1920-е годы. Как правило, к группе рабочего класса причислялись строительные и сезонные рабочие, а до 1 июля 1925 г. в эту категорию включался и младший обслуживающий персонал предприятий.[325] Таким образом, сравнение довоенных показателей с данными 1920-х годов о численности и составе рабочих приходиться считать достаточно условными. Тем не менее, несмотря на значительные различия в абсолютных показателях, можно выделить ряд основных тенденций, характеризовавших динамику численности и состава рабочего класса в рассматриваемый период.

В период «военного коммунизма» процесс сокращения численности рабочего класса шел в основном за счет кадровых пролетариев, так как именно эта наиболее квалифицированная и энергичная часть уходила с предприятий в поисках заработка в деревню, в кустарные и ремесленные мастерские.[326]

С переходом к новой экономической политике численность рабочих продолжала сокращаться. В течение всего 1921 г. этот процесс наблюдался во всех отраслях и был обусловлен не только тяжелой экономической ситуацией, но и структурной перестройкой промышленности. Происходило

---

[324] Горинов М.М. Указ, соч., С. 3.

[325] Московский Совет, С. 249; Труд в Москве и Московской губернии. 1923-1925. М., 1926, С. 12, 22-23.

[326] Черных А.И. Указ, соч., С. 221.

резкое сокращение малоквалифицированных кадров, которые представляли своего рода «балласт», образовавшийся за годы «военного коммунизма». В этот период многие числились на предприятиях лишь формально и в производстве не участвовали, занимаясь мелким ремеслом и спекуляцией.

Условность данных о количественном составе рабочих на начальном этапе действия новой экономической политики во многом определялась сложностью учета рабочей силы в условиях войны и хозяйственной разрухи. Летом 1921 г. председатель Моссовета Каменев указывал на то, что московские власти не имеют точных данных ни о количестве предприятий, ни о численности рабочих в Москве. В этой связи Московским Пленумом РКП (б) была поставлена задача точно подсчитать количество предприятий и число занятых на них рабочих.[327]

Переход от войны к мирному строительству повлек за собой рост численности рабочего класса. Этот процесс начался в 1922 г. и уже к 1923 г. количество московских рабочих составляло 219 тыс. человек, из них к индустриальной группе относилось 128,4 тыс. человек или 58,6% общей численности рабочих.[328] По данным ЦСУ, к 1925 г. в Москве насчитывалось 154,1 тыс. фабрично-заводских рабочих,[329] по другим данным - более 155 тыс.[330] Примером относительности показателей о количественном составе рабочего класса Москвы могут служить цифровые данные трех статистических справочников, согласно которым на 1 июля 1926 г. в Москве

---

[327] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 47, лл. 37-38.

[328] ЦСУ, Итоги Всероссийской городской переписи 1923 г. В 4 тт. М., 1924-1927. Часть 2, таблица II, С. 222-232.

[329] Труд в Москве и Московской губернии. 1923-1925. М., 1926, С. 12.

[330] Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Московской губернии. 1917 - 1927 гг. М., 1928, таблицы, С. 1 (без военной и строительной промышленности, без железнодорожных мастерских и «Госзнака»).

насчитывалось в одном случае 176,7 тыс. рабочих,[331] в другом - 157,5 тыс.[332], и в третьем - 174,1 тыс.[333]

Согласно переписи 1926 г., всего в Москве насчитывалось 293,2 тыс. рабочих, из них рабочие фабрично-заводской промышленности составляли 172,2 тыс. человек или 58,7% от общего числа рабочих.[334]

При этом в группу рабочего класса были включены сельскохозяйственные рабочие, кустари, занятые в строительстве и на железнодорожном транспорте, работники торговых заведений и учреждений. Учитывая определенную условность статистических данных, можно предположить, что реальное превышение довоенных показателей было достигнуто лишь в конце 1920-х годов, когда численность рабочих в Московской губернии превысила довоенный уровень на 2%.[335] Важно отметить, что число промышленных рабочих возрастало интенсивнее других групп трудящихся, что приводило к увеличению их удельного веса, достигавшего в 1925/26 г. более 42%.[336] Москва и Московская губерния представляли крупнейший промышленный центр, в котором к 1927 г. была сконцентрирована почти пятая часть всех занятых индустриальных рабочих СССР.[337]

По отраслям промышленности наиболее сильный прирост численности рабочих давала пищевая промышленность, производившая наиболее востребованную на рынке продукцию. В течение 1923 - 1924 гг. количе-

---

[331] Московский Совет, С. 250.

[332] Труд в Москве и Московской губернии, С. 41.

[333] Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник. 1923/24 - 1927/28 гг. М., 1929, С. 130-131 (рабочие всей цензовой промышленности Москвы).

[334] Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 56 тт. М., ЦСУ, 1928-1933; т. 19, таблица I, С. 118.

[335] Московский Совет, С. 248.

[336] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, лл. 141-141 об.

[337] Московский Совет, С. 247.

ство занятых в пищевой промышленности увеличилось почти в два раза. За этот же период значительно увеличилось число рабочих в деревообрабатывающей отрасли (на 84%), в металлопромышленности (на 45%), а также в текстильном производстве (на 41%). К середине 1920-х годов самыми крупными отраслями по количеству рабочих были текстильная и металлопромышленность - 28,8 и 28,1 тыс. человек соответственно. Затем следовали пищевая (25,9 тыс.), швейная, трикотажная и обувная отрасли (21,1 тыс.), машиностроение (20,6 тыс.), полиграфическая (20,3 тыс.), химическая (12,5 тыс.) и, наконец, металлообрабатывающая (7,5 тыс.).[338]

Распределение рабочей силы по социально-хозяйственным формам также характеризовалось различными цифровыми показателями. Так, согласно статистическим данным Моссовета, на 1 июля 1926 г. численность рабочих московских государственных предприятий составляла 153,2 тыс. человек, кооперативных - 13,5 тыс., частных промышленных предприятий - 10 тыс. По данным ЦСУ, на 1 июля 1926 г. на государственных предприятиях Москвы было занято 136,3 тыс. рабочих, на кооперативных предприятиях -10,8 тыс. и на частных - 10,4 тыс.[339]

Во второй половине 1920-х годов происходили существенные изменения в структуре рабочего класса, вызванные трансформацией промышленности. Быстрыми темпами увеличивалось число рабочих, занятых в электропромышленности, металлопромышленности и швейном производстве. Интенсивный процесс уплотнения труда и другие рационализаторские мероприятия приводили к накоплению излишков рабочей силы, преимущественно в текстильной промышленности. С 1927 г. в этой отрасли началось резкое сокращение численности рабочих, в результате чего ее удельный вес в общем числе занятых снизился до 53%.[340]

---

[338] Труд в Москве и Московской губернии, С. 37-38.

[339] Труд в Москве и Московской губернии, С. 41.

[340] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 141 об.

Тенденция, направленная на сокращение численности рабочих в отраслях легкой промышленности, определяла одновременный рост занятых в тяжелой индустрии.

Так, с 1930 г. по 1931 г. удельный вес рабочих в легкой промышленности в общем составе рабочего класса понизился с 60,6% до 53,7%. В то же время удельный вес занятых в тяжелой индустрии составил в 1930 г. 39,4%, а в 1931г. - уже 46,3%. В конце 20-х годов наращивание индустриальных темпов вызвало резкое увеличение численности фабрично-заводских рабочих. В 1930 г. их число достигло 338,9 тыс. человек, увеличившись по сравнению с 1928 г. на 62%. Одновременно повысился удельный вес рабочих в общем составе населения Москвы, и если к 1930 г. они составляли 34% жителей города, то к 1931г. эта цифра приближалась уже к 40%.[341]

Рассматривая изменения половозрастного состава рабочих в 1920-е годы, важно отметить тенденцию к постоянному повышению процента взрослых рабочих и одновременное, сокращение относительного числа подростков. Наиболее отчетливо этот процесс был выражен в металлопромышленности, где расширение мужского труда в основном шло за счет уменьшения удельного веса труда подростков. Если до войны этот показатель составлял 8,2%, то к 1926 г. он понизился до 6,1%, а к началу 1929 г. - до 3,9% от общего числа рабочих.[342] Принимая во внимание, что в довоенное время подростками считались несовершеннолетние до 16 лет включительно, а в 20-е годы, согласно законодательству, - до 17 лет включительно, расхождение представляется еще более значительным.

Резкое сокращение численности подростков на производстве стало следствием изменений в области тарифов, нормирования заработной платы

[341] Материалы о хозяйстве Москвы в итогах первой пятилетки. М., 1934, С. 116,163.

[342] Труд в Москве и Московской губернии, С. 30.

и рабочего времени несовершеннолетних. Изменения условий охраны труда привели к тому, что хозяйственные органы на предприятиях стали избегать широкого применения труда подростков.[343] В результате, на промышленных предприятиях их фактическое число было значительно ниже установленной для них брони. Таким образом, такой источник формирования рабочего класса как подростки и дети рабочих практически не использовался для обновления рабочих кадров промышленности. Такое положение существенно осложняло подготовку квалифицированной рабочей силы и обостряло безработицу среди подростков.[344]

В период мировой и гражданской войны во многих отраслях промышленности мужской квалифицированный труд был вытеснен и заменен малоквалифицированным женским трудом. В 1925 г. по большинству производственных групп процент женского труда был более высок, чем до войны. Исключение составляли лишь две отрасли промышленности - деревообрабатывающая и пищевая, где к середине 20-х годов процент мужского труда стал превышать довоенные показатели.

Во второй половине 1920-х годов шел активный процесс замещения женского труда мужским, наиболее ярко выраженный в полиграфической и швейной промышленности. Применение женского труда в текстильном производстве составляло более 70% от всех занятых в отрасли.[345] На данном этапе текстильная промышленность не требовала широкого применения квалифицированной рабочей силы, тогда как в металлопромышленности удельный вес женщин неуклонно сокращался.[346] В целом, по данным переписи 1926 г., удельный вес женщин в составе фабрично-заводских ра-

[343] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 142.

[344] Там же.

[345] Московский Совет, С. 250.

[346] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, лл. 141об-142.

бочих Москвы составил 34%, что было ниже довоенных показателей (35,7%).[347]

Вторая половина 1920-х годов характеризовалась существенным изменением квалификационного состава пролетариата, что было вызвано усиленным притоком на предприятия новых кадров рабочего класса из сельских регионов страны. Этот процесс обусловил значительное сокращение удельного веса старых кадровых рабочих с дореволюционным стажем и одновременное повышение удельного веса молодежи. Уже к концу 1920-х годов на некоторых предприятиях молодые рабочие до 22 лет составляли около 50% от общего числа занятых. Таким образом, обновление рабочего класса происходило не за счет детей рабочих, а в основном за счет молодежи - выходцев из деревни.

Характерен в этом отношении пример Коломенского машиностроительного завода, на котором почти половина рабочих была связана с сельским хозяйством. На этом же заводе 44% пролетариев начали работать в промышленности только после революции, из них 18% - в 1927-1929 гг. На заводе «Серп и Молот» связь с землей отмечалась у 21% занятых, 65% рабочих начали работать в промышленности после революции, из них 15% пришли на производство только в 1927-1929 гг. Согласно переписи 1926 г., 21,5% всех рабочих имели связь с землей, из них 18,3% работали в фабрично-заводской промышленности. Около 14% рабочих семей и более 33% бессемейных рабочих владели наделами земли в деревне.[348] Согласно данным МК ВКП (б), в среднем более четверти промышленных рабочих были экономически связаны с землей (26,1%), более половины рабочих начали работу в промышленности только лишь в послереволюционные годы

[347] Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 56 тт. М, ЦСУ, 1928-1933; т. 55, дополнение к таблицам III-IV, С. 176-177.

[348] Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. 55, таблица II, С. 128-129.

(54,5%) и четверть из них (25,5%) пришла на производство в период с 1926 по 1929 гг.[349]

В металлопромышленности, где увеличение численности рабочих шло более быстрыми темпами, показатель связи с землей был значительно выше. Очевидно, что пополнение занятых в этой отрасли шло преимущественно за счет выходцев из деревни. При этом в металлопромышленности сохранялся большой удельный вес чернорабочих, и, вероятно, именно эта группа формировалась за счет выходцев из крестьянской среды.

Для анализа структуры крестьянских хозяйств рабочих, как правило, использовались данные сельскохозяйственной статистики, 1928 г. по трем волостям Московской губернии. Очевидно, что Московская губерния не может считаться полностью показательной в данном вопросе, так как поставщиками рабочей силы были также Рязанская, Калужская, Тульская и ряд других сельскохозяйственных губерний. Интересно отметить, что среди крестьянских хозяйств, отпускавших рабочих в промышленность, определенный вес имели зажиточные группы крестьян, однако основными поставщиками рабочей силы в московскую промышленность были губернии с преобладающим мелким зерновым хозяйством.[350]

Характерной особенностью социальных процессов в 1920-е годы был высокий процент текучести рабочей силы в промышленном производстве. Стремительное увеличение численности рабочих с небольшим производственным стажем приводило к «размыванию» рабочего класса и вызывало острую нехватку квалифицированных рабочих кадров. Наиболее высокими показателями текучести рабочей силы обладала металлопромышленность, где обновление состава занятых шло гораздо быстрее, чем в других отраслях.

---

[349] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 142об.

[350] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 752, л. 143.

В целом, в конце 1920-х годов состав рабочего класса ежегодно обновлялся приблизительно на 20%. В связи с высокими показателями текучести рабочей силы отмечалось общее понижение удельного веса квалифицированных кадров, нехватка которых особенно остро ощущалась в металлопромышленности и машиностроении.[351]

Таким образом, за годы войны и революции произошли существенные изменения в структуре и организации промышленного производства. Прекращение войны потребовало переориентации промышленности, а переход к новой экономической политике обусловил новые изменения в экономике страны. На базе НЭПа в основном были решены задачи восстановления промышленности. Вместе с тем, развитие частного сектора носило паллиативный характер. Наступление на частный капитал началось почти одновременно с введением новой экономической политики. Процесс свертывания частного сектора, который на определенном этапе позволял обеспечивать широкие слои населения продовольственными и промышленными товарами, нарастал по мере восстановления экономики. В то же время государственная промышленность была еще не в состоянии удовлетворить нараставший спрос. Эти условия порождали острейший дефицит продовольственных и промышленных товаров, что вызывало необходимость перехода к формированию централизованной системы распределения и снабжения. Промежуток относительного благополучия НЭПа оказался непродолжительным и практически не затронул широкие слои населения. Кризисы НЭПа в основном отражались на социально незащищенных, малообеспеченных слоях общества, в первую очередь - на рабочих.

На всем протяжении 1920-х годов материальное положение рабочих можно охарактеризовать как тяжелое. Анализ динамики реальной заработной платы показал, что вплоть до середины 1924 г. - времени проведения

[351] Там же.

финансовой реформы, ее фактический уровень оставался на месте, а в отдельные периоды даже заметно понижался. Но и после 1924 г. средний уровень заработной платы не удовлетворял даже самые скромные потребности большей части рабочих. Значительный удельный вес в доходном бюджете имели различного рода приработки, заем в долг у частных лиц, средства от распродажи вещей и помощь родственников. Со второй половины 1920-х годов наблюдалось постоянное повышение расходов на продовольственные товары, что не свидетельствовало о фактическом росте потребления, а было вызвано происходившим в этот период значительным ростом цен. Анализ структуры самих расходов на питание показал, что, достигнув физиологической нормы лишь в 1923 г., в количественном отношении его можно признать нормальным только с точки зрения минимальных требований физиологии. В качественном отношении питание рабочих продолжало оставаться неудовлетворительным.

В период НЭПа особенно тяжелыми были жилищные условия. Большинство рабочих жило в бедности, многие в нищете. Жилище характеризовалось крайней скудостью обстановки, а имевшаяся мебель, инвентарь и одежда обладали высокой степенью износа. Увеличение квартирной платы и коммунальных платежей обусловило фактическую ликвидацию результатов «жилищного передела» периода «военного коммунизма» и привели к самоуплотнению и оттоку рабочего населения на окраины города.

Таким образом, к основным факторам государственной политики в отношении рабочих в 1920-е годы можно отнести изменение структуры общественного производства, сопровождавшееся трансформацией социальной структуры общества, в частности - изменениями в численности и составе рабочего класса. Ведущая роль в этом процессе принадлежала факторам «материального» характера. Экономическое положение рабочих во многом обусловило специфику этого процесса в 1920-е годы. Тяжелые

материальные условия определяли трудности быта, а в некоторых случаях приводили к девиантному поведению.

РАЗДЕЛ III. ВСНХ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Становление экономической системы Советской России - сложный и относительно длительный исторический процесс формирования новых государственных и общественных элементов хозяйственной организации советского общества и исчезновения и подчинения элементов политических систем Российской империи и Российской Республики. Решающим условием победы большевиков в гражданской войне стал последовательный отказ от дореволюционных деклараций и осуществление программы решительного овладения государственным аппаратом с опорой на вновь конструируемые неконституционные чрезвычайные органы, причем, как военно-полицейского - ВЧК, ВОХР, Продармия и пр., так и хозяйственно-экономического плана - СТО, Госбанк, ВСНХ.

Буквально с первых месяцев существования Советской власти в экономическом становлении Республики одним из наиболее активных и значимых участников этой напряжённой работы стал Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), взявший на себя наряду с Наркомпродом важнейшую заботу по обеспечению населения товарами первой необходимости и продовольствием. Превратившись на протяжении в достаточно серьёзную систему с разветвлённой сетью низовых звеньев, ВСНХ в годы военного коммунизма претерпел негативные изменения, оказавшие отрицательное воздействие на уже в значительной мере сложившийся аппарат совнархозов. Стратегия «главкизма» не только порушила рождавшуюся организацию, но и не лучшим образом повлияла на идеологию её хозяйственной деятельности.

С переходом к новой экономической политике перестройка аппарата совнархозов и отработка методов работы приемлемых в новых условиях стали требованиями времени. Уже сформировавшаяся в прежние годы и

пережившая период своего становления система ВСНХ как бы вновь возвращалась к своим истокам, встречалась с проблемами первых дней своего существования.

Экскурс в историю рождения одного из основных хозяйственных ведомств государства, попытка еще раз проанализировать методы его организации и деятельности в период, предшествовавший началу Гражданской войны, представляются не только интересными, но и необходимыми. Тогда, в условиях ожесточенной борьбы за выживание Советская власть испытывала острую потребность в структуре, которая сумела бы собрать в своих руках нити руководства всем народным хозяйством страны и управлять им предельно собранно и эффективно.[352] В сжатые сроки было разработано законоположение о создании Высшего экономического совещания и было представлено на рассмотрение правительства.[353]

Уже 5 декабря 1917 г. постановление о создании Высшего Совета Народного Хозяйства (так отныне предстояло именоваться этому учреждению) появилось в различных источниках информации.[354] ВСНХ создавался на основе представительства ряда народных комиссариатов и Всероссийского Совета рабочего контроля. Помимо этого, в случае выявившейся необходимости предусматривалось, что к работе Высшего Совета могут быть приобщены с правом совещательного голоса «сведущие лица», т.е. профессионалы, специалисты высокого уровня.

Понимая роль и высокую значимость ВСНХ в хозяйственной жизни страны, его возможности влиять на формирование внутриполитической обстановки в Республике, руководство большевистской партии предприняло ряд энергичных шагов с целью подчинить Высший Совет Народного Хозяйства своему влиянию. Для укрепления своего потенциала в кадровом

[352] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 7.

[353] ВЦИК утвердил его 1 декабря 1917.

[354] СУ РСФСР. 1917. №5. Ст. 83.

составе центрального аппарата ВСНХ, по решению ЦК сюда были направлены на работу опытные партийные кадры В.В. Оболенский (Н. Осинский), Я.Э. Рудзутак, З.П. Милютин, В.Я. Чубарь, З.П. Ногин, Л.Б. Красин, ставшие впоследствии видными организаторами советского народного хозяйства. Так возникло учреждение, которому, по убеждению В.И. Ленина, предстояло стать настолько же боевым для борьбы с «...капиталистами и помещиками в экономике, насколько боевым являлся сам СНК в политике».[355]

Перед ВСНХ ставились задачи, связанные с планированием и координированием работы в сфере народного хозяйства, финансов, определялись многие другие ключевые, первостепенной государственной важности обязанности. В первую очередь к ним относились: выработка общих требований, регулирующих экономическую жизнь страны, согласование и сведение воедино деятельность центральных и местных государственных учреждений, а также различных общественных организаций, причастных к процессу производства и распределения товаров широкого потребления. Помимо перечисленного наряду с Наркоматами продовольствия, торговли и промышленности Всероссийским Советом рабочего контроля ВСНХ предстояло координировать совместную работу Центрального продовольственного комитета и различного рода совещаний, посвященных решению проблем материального обеспечения населения.

Для создания лидирующего положения в ходе реализации поставленных задач ВСНХ наделялся достаточно широкими полномочиями. Ему предоставлялось право окончательного решения вопросов, касавшихся распределения финансовых средств, конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности, торговли, инициировать выполнение многих других мероприятий перво-

[355] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 134.

степенной значимости.[356] К примеру, в подчинение производственных отделов Высшего Совета ставились отдельные отрасли промышленности.

Наиболее важные вопросы общехозяйственного значения подлежали вынесению на обсуждение Пленума ВСНХ, являвшегося в рамках Высшего Совета верховным органом и состоявшего из представителей ВЦИК, Всероссийского Совета рабочего контроля, хозяйственных наркоматов и центральных профсоюзных учреждений. В руках бюро Пленума концентрировались нити руководства всей текущей работой Высшего Совета Народного Хозяйства и его Президиума, координировавшего поначалу реализацию мероприятий по формированию непосредственно центрального аппарата ВСНХ, введению его в рабочее русло, комплектованию лояльными по отношению к Советской власти специалистами. Диапазон прав Президиума постоянно возрастал, расширяясь в связи с наделением его все новыми и новыми полномочиями: К примеру, Президиум очень скоро стал интенсивно включатся в работу правотворческого характера. В частности, к его ведению были отнесены вопросы разработки (в рамках деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства) и издания различного рода постановлений, инструкций, разъяснений и т.п., касавшихся регулирования экономической деятельности государства.

Высший Совет Народного Хозяйства обладал правом самой широкой законодательной инициативы, а его доминирующее положение в деле организации и проведения народнохозяйственной работы по сравнению с другими центральными хозяйственными учреждениями государства напрямую закреплялось законом. «Все законопроекты и крупные мероприятия, - гласил декрет, - имеющие отношение к регулированию народного хозяйства в его целом, вносятся в Совет Народных Комиссаров через В.С.Н.Х.».[357]

[356] СУ РСФСР. 1917. №5. Ст. 83.

[357] СУ РСФСР. 1918. №5. Ст. 83. П. 9.

К исходу первого года существования Советской власти ВСНХ организационно стабилизировался и окреп. Структура его выкристаллизировалась и приняла достаточно чёткие очертания, а связи с другими хозяйственными ведомствами не только отличались своей разноплановостью и носили весьма разветвленный характер, но и обретали необходимую полноту и детализацию. Столь очевидному совершенствованию структуры и уровня организации деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства содействовали многие обстоятельства, в первую очередь отношение высшей власти к данному учреждению. В частности, такому состоянию дел должно было способствовать установленное правительством требование к комиссариатам в обязательном порядке обсуждать и согласовывать основные направления своей работы в сфере хозяйствования с ВСНХ. Причем, эта обязанность определялась достаточно конкретно и с большей долей ультимативности.

В отличие от междуведомственных связей, которые были отработаны более тщательно, контакты внутриведомственного характера нуждались в серьезном усовершенствовании. Особенно обострённо (и это становилось все более и более очевидным), такую потребность ощущал центральный аппарат Высшего Совета Народного Хозяйства. В первую очередь следовало отработать схему связей структур центрального аппарата с периферийными органами. Необходимо было как можно быстрее найти недостающие в этой цепи соответствующие звенья связующего характера. Экономические отделы местных Советов с данной задачей явно не справлялись и в схему ВСНХ вписывались в значительной степени чисто символически.

Хотя в законе и указывалось, что ВСНХ объединяет и направляет работу эконом отделов (аккумулировали деятельность органов рабочего контроля, местных учреждений, различных комиссариатов), тем не менее, эти отделы лишь с большими оговорками можно было отнести к разряду со-

ставных звеньев ВСНХ. Связь с экономическими отделами была в значительной мере формальной и носила опосредованный, косвенный характер, что, естественно, не могло не отразиться самым негативным образом на координации совместных действий. Подобного рода ситуация скорее провоцировала децентрализацию управления хозяйственной работой и не способствовала проведению на местах единой хозяйственной политики.

Ликвидировать обнаружившийся разрыв в связях Высшего Совета Народного Хозяйства и местных организаций стало делом первостепенной важности. Шагом к решению этого вопроса явилось принятое 23 декабря 1917 г. «Положения о районных (областных) и местных Советах народного хозяйства». В соответствии с Положением система совнархозов пополнилась районными (областными) и губернскими СНХ. Создалось впечатление, что теперь ВСНХ и экономические отделы уездных и городских Советов депутатов, представлявшие хозяйственные органы на местах, превратились, начиная с районных совнархозов (охватывали деятельность значительных по территории регионов страны)[358] и завершая городскими и уездными экономическими отделами, комиссиями, в прочно увязанные звенья цепи единого хозяйственного организма. Все они формировались при соответствующих Советах депутатов, осуществлявших общий контроль за их работой и находились в централизованном подчинении.

Советы народного хозяйства явились совершенно новым типом хозяйственного учреждения. Способность совнархозов соответствовать требованиям времени и внутреннему содержанию совершающейся созидательной работы проверялась практикой каждого дня, её результатами. Именно поэтому следовало предвидеть, что система нового народнохозяйственного механизма, обнаруживая всякий раз не только свои достоинства, но и недостатки, будет требовать постоянной корректировки. Как вскоре

[358] Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенографический отчет. - М., 1919. С. 363-394.

выяснилось, в таких поправках стала нуждаться схема построения среднего звена системы.

Причины выявившейся недостаточности данного звена СНХ коренились, на наш взгляд, в своеобразной «всеядности» совнархозов. Советы народного хозяйства, задуманные как органы управления всей экономикой, (сельским хозяйством, промышленностью, транспортом, торговлей и т.д.), наделялись функциями всеобъемлющего характера. И если в структуре Высшего Совета еще удалось как-то соотнести эту масштабность полномочий с характером построения своего исполнительского механизма, то не совсем так получалось с местным звеном. В первую очередь это относилось к только что созданным губернским совнархозам. В их конструкции очень скоро стала обнаруживаться какая-то незавершённость, расплывчатость. В частности, здесь не представилось возможным чётко разграничить отраслевые и функциональные отделы, не удалось достаточно конкретно обозначить и диапазон их полномочий.

В последующее время структура СНХ значительно упростилась. Были ликвидированы Пленум ВСНХ и областные совнархозы, изменена схема губсовнархозов. Освобождаясь от бремени ненужных структурных подразделений, народнохозяйственный аппарат становился более мобильным, управляемым и результативным.

Важной предпосылкой в надлежащей реализации мероприятий по обеспечению населения продуктами и товарами широкого потребления являлось формирование в рамках системы совнархозов не только отраслевых, но и функциональных подразделений. Подобная дифференциация учреждений служила отражением осуществлявшейся работы по производству и распределению продукции. В число функциональных, в частности, входили отдел продовольствия и потребления ВСНХ, секция снабжения, и распределения с подотделами законов и твёрдых цен. И отдел, и секция в рамках Высшего Совета были отнесены к разряду ведущих учреждений. В

связи с этим утвердилось положение, при котором считалось обязательным в номенклатуре всех нижестоящих звеньев системы совнархозов иметь одноимённые и с тем же кругом полномочий структурные подразделения. Отделы снабжения и распределения, как правило, состояли из четырёх служб (продовольственной, сырьевой, топливной и транспортной), хорошо сбалансированных и увязанных друг с другом.[359] Наличие подобных отделов во всех звеньях системы не могло не благоприятствовать более четкой организации процесса материального обеспечения населения.

В налаживании процесса материального обеспечения населения важную роль всегда играла степень отлаженности производственных контактов между потребляющими районами страны. В целях стабилизации и укрепления связей уже тогда, на самом начальном этапе существования Советского государства, было намечено возобновить функционирование ярмарок (в первую очередь Нижегородской), имевших широкую известность и солидную репутацию в дооктябрьский период. Представлялось, что под эгидой ВСНХ и Наркомпрода ярмарки позволят интенсифицировать товарный обмен между аграрными районами Приволжья и Прикамья с одной стороны, и промышленными центрами северо-западной и центральной части России с другой. Не вызывало сомнений также и то обстоятельство, что активизация обменных операций в значительной степени содействовала бы увеличению продовольственных и товарных фондов Республики и облегчила бы решение многих вопросов в сфере обеспечения материального снабжения трудящихся.

Если же говорить конкретно о Нижегородской ярмарке, то ее деятельность, очевидно, должна была также явиться и своего рода пробным камнем в деле возобновления в ближайшем будущем большинства других

[359] Зеликман М. Что такое Советы народного хозяйства и как они должны строиться. - Пг., 1918. С. 23.

ярмарок.[360] Для подготовки к проведению Нижегородской ярмарки под эгидой ВСНХ была создана специальная комиссия, куда вошли помимо работников СНХ и представители других наркоматов, в частности наркомата торговли и промышленности.[361]

Анализируя характер мероприятий по организации процесса материального обеспечения населения, предпринятых к концу первой половины 1918 г., представляется возможным отметить, что органы ВСНХ все в большей степени (если сравнивать с другими учреждениями государства) утверждаются в роли ведущих учреждений страны, доминирующих в разработке мероприятий в сфере материального обеспечения.[362]

Свое ведущее положение в системе центральных органов управления в сфере хозяйствования, которое ВСНХ достиг до начала Гражданской войны и иностранной военной интервенции, он должен был сохранить в период наступившей мирной созидательной работы. Правда, теперь на смену военно-коммунистическим установкам 1918-1920 гг. должна была прийти идеология рыночных отношений в рамках провозглашенной советским государством новой экономической политики с ее потребностью серьезной перестройки всего механизма хозяйствования. Сама система ВСНХ и методы ее деятельности в том виде, в котором они сложились в годы войны, должны были быть изменены самым кардинальным образом. Отказавшись от предельно усеченных, прямолинейных, жестких и сверхцентрализованных построений периода «главкизма», ВСНХ вновь возвращается к прошлому, практически полностью восстановив свою прежнюю (созданную к концу первой половины 1918 г.) конструкцию. Параллельно

[360] Народное хозяйство. 1918. №6-7. С. 71.

[361] Там же.

[362] Там же. №11-12. С. 31.

этому начинают внедряться новые рыночные методы работы, появляются и новые рабочие структуры.[363]

Сложность и многообразие проблем, выдвинутых временем, потребности в совершенствовании исполнительского механизма с учетом изменившихся условий послевоенного периода и переходам к рынку предопределили возникновение при ВСНХ Центрального торгового отдела (ЦТО). Цель формирования этого органа заключалась в стремлении обеспечить необходимые предпосылки для организации централизованного сбыта на внутреннем рынке продукции промышленного производства и заготовок сырья для предприятий. Для осуществления возложенных на него обязанностей ЦТО наделялся обширными полномочиями и ставился в прямое подчинение Центральному управлению снабжения ВСНХ (ЦУС) - организации, сформировавшейся в недрах Высшего Совета Народного Хозяйства в предшествующий период.[364]

Действенность шагов, предпринимаемых Центральным торговым отделом, обеспечивалась созданием в его составе специального аппарата по изучению и регулированию конъюнктуры рынка. Созданием этого звена, пожалуй, и завершилась в целом работа по формированию руководящего механизма аппарата торговли ВСНХ на данном этапе. На местах звеньями ЦТО являлись отделы торговли губернских совнархозов (губторги), имевшие, в свою очередь, обширные ответвления на периферии. Связь с центром губернские торговые отделы осуществляли в централизованном

---

[363] Шпиндлер Е. Этапы торговой политики госорганов ВСНХ и обзор результатов ее по Сибири к концу 1922 г. // Жизнь Сибири. 1923. №2. С. 104.

[364] ЦУС, как показали ближайшие события, оказывал весьма слабое влияние на работу отдела торговли. Более того, неся на себе груз специфических черт органов периода военного коммунизма, этот орган стремился жестко централизовать деятельность Центрального торгового отдела, подчинить его решениям, в первую очередь, своих вопросов узковедомственного характера.

порядке через Центральный отдел торговли ЦУСа и соответствующие его подразделения.

Помимо этого, довольно интенсивно связь и практические действия, осуществлялись посредством появившегося аппарата представительств губернских СНХ в Москве. Добиваясь большей эффективности в работе этих учреждений и стремясь данную работу ввести в более упорядоченное русло, руководство предприняло необходимые шаги по их объединению (укрупнению). С 1922 г. стали появляться представительства, действовавшие в интересах целых регионов, включавших в своем составе по несколько губерний.

Реконструкция лишь тогда способна гарантировать положительный эффект, когда распространяется и захватывает весь комплекс звеньев системы и особенно её низовые организации, на плечи которых обычно и падает вся тяжесть исполнительской работы. В системе же ВСНХ именно местные совнархозы нуждались в переустройстве и закреплении в первую очередь. Потребность в улучшении материальной базы и укреплении своего юрисдикционного статуса ощущалась здесь достаточно остро. Принимая это во внимание, Высший Совет Народного Хозяйства пошел на значительное расширение полномочий региональных СНХ, и формирование правового фундамента, способного гарантировать их активную позицию в отношениях с другими ведомствами.[365] Совнархозы получали большую инициативу и самостоятельность в принятии и реализации своих решений. Особое внимание обращалось на укрепление связей губернских совнархозов с экономическим совещаниям и создавшимися на местах для координации действий периферийных ответвлений хозяйственных комиссариатов.

[365] Народное хозяйство. 1918. №11-12. С. 31.

В слаженности и инициативности этих учреждений крылись многие серьезные предпосылки для достижения рентабельности производства. Согласованность действий и тесное сотрудничество народнохозяйственных учреждений на местах должны были породить и определенные условия для внедрения в процесс производства начал хозяйственного расчета. Все же вместе взятое имело немаловажное значение в очень непростом деле организации материального обеспечения страны.

Говоря об этом, следует подчеркнуть, что с учетом этих факторов в решениях IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.) акцентировалось внимание на необходимости достижения (« в кратчайший срок и во что бы то ни стало!») серьезных результатов. Ссылаясь на ленинский «Наказ по вопросам хозяйственной работы», положенный в основу соответствующих резолюций съезда, организация материального обеспечения трудящихся определялась в качестве одной из главных задач в деятельности советских хозяйственных органов.[366]

Решения IX Всероссийского съезда Советов следовало воспринимать не только как рекомендацию, но и как настойчивое требование в максимально возможной мере интенсифицировать работу в сфере материального обеспечения. В данной ситуации Высший Совет Народного Хозяйства оказывался в более благоприятном положении, чем многие другие ведомства. К проблемам организации снабжения страны он был причастен самым непосредственным образом буквально с первых месяцев после Октября 1917 г. и теперь, спустя пусть и не очень значительное время, уже располагал не только устоявшимся аппаратом, достаточно апробированными методами работы, но и пониманием её внутреннего содержания и специфики.

Чрезвычайно стремительное падение курса советской валюты - своеобразная визитная карточка рассматриваемого времени. «Наш бумажный

[366] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335-339.

рубль, - отмечалось в печати, - дошел до такого положения, что мы им за границей платить не можем: он там просто не котируется».[367] Аналогичная картина складывалась для советского рубля и на внутреннем рынке. Обесценивание денежного знака,[368] совершавшееся в условиях повсеместного товарного кризиса, вело к образованию на внутреннем рынке обстановки крайнего несоответствия («ножниц») цен. Стоимости на продукцию сельского хозяйства и цены на промтовары в своем движении избирали явно противоположные направления. «Чтобы купить один пуд чугунного литья, крестьянину нужно привезти воз хлеба (15 пудов ржи), чтобы сшить дочке ситцевое платье, нужен тоже полный воз хлеба...»,[369] - сообщалось в газете. Вполне понятно, что сложившиеся пропорции» 1 к 15, наподобие продемонстрированных, влекли за собой крайне неблагоприятные последствия, серьезно мешавшие формированию устойчивого и активного внутригосударственного обмена.

Создавшееся положение, исключительно нежелательное как с точки, зрения экономической, так и политической, должно было быть преодолено в максимально короткие сроки. Это представлялось вполне реальным, поскольку пути выхода из складывавшейся обстановки обозначались достаточно чётко. В первую очередь, подъем промышленного производства, завоевание прочных позиций на внешнеторговом рынке (к примеру, для сельскохозяйственной продукции), интенсификация сельскохозяйственного производства и др.

---

[367] Вестник Народного Комиссариата внешней торговли. 1921. №2-3. С. 29.

[368] Бумажные денежные знаки, к выпуску которых Советское правительство прибегало еще в годы Гражданской войны, находились в обороте до денежной реформы 1924 г. // СУ. 1919. №10. Ст. 102. Вестник Народного комиссариата торговли и промышленности. 1919. №17-24. С. 60; СУ РСФСР. 1919. №16. Ст. 179; №18. Ст. 209; № 21. Ст. 179, 269.

[369] Вестник Наркомата внешней торговли. 1921. №2-3. С. 37.

Перечисленные меры носили стратегический характер. Их обеспечение вело к кардинальным изменениям в хозяйственном механизме и естественно, требовало не только максимальной мобилизации жизненных ресурсов государства, но и проведения параллельно им действий локального, тактического характера. Их осуществление как бы выстилало своеобразные ступени для решения стратегических задач, определявших если не судьбы всего народного хозяйства страны, то по крайней мере, его основных наиболее значимых направлений, таких как, скажем, торговля.

Одной из мер стало внедрение на внутреннем рынке государственной синдицированной сети торговых учреждений, функционирующих под контролем Высшего Совета Народного Хозяйства и включающих в свой состав производственные структуры (тресты).

Анализируя деятельность торговых синдикатов, представляется возможным совершенно отчетливо различить в ней два этапа. Первый, охватывающий промежуток времени с 1921 года по 1927 г.г. - период становления. Стабилизация аппарата, укрепление уже достигнутых им позиций и превращение синдицированной торговой сети в активно функционирующий механизм, играющий немалую роль в организации производства и сбыта промышленных товаров на внутреннем рынке - такой могла бы быть характеристика этого временного отрезка в истории синдикатов. Второй этап - с 1927 г. до начала 1930-х г. - время угасания синдикатов и ухода их с рыночной арены.[370]

Появление первых советских синдикатов относится к 1921 г. (точнее, к осени 1921 г.), когда начинают сниматься с государственного снабжения и переводиться на хозяйственный расчет многие отрасли промышленности. Сам по себе переход к хозрасчету, безусловно, можно считать мерой

[370] Вестник торговли, промышленности и транспорта. 1923. №2. С. 75; Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за пять лет. - М., 1928. С. 7; Наша трестированная промышленность. - М., 1923. С. 44-45.

прогрессивного характера и с точки зрения целесообразности не вызывающей никаких сомнений. Однако тресты (новая форма промышленных объединений, функционирующих на коммерческой основе), выходя на внутренний рынок в обстановке исключительного дефицита сырья и продуктов питания, оказывались в неравном положении по сравнению с его (рынка) главным и действующими лицами,[371] укрепившимися здесь гораздо ранее и знавшими специфику рынка и торговли досконально. Это обстоятельство, а также и то, что тресты в первую очередь были производящими, а не торгующими структурами, порождало (не могло не породить) значительную напряженность, разрядить которую теперь предстояло синдикатам. Их задачей стало объединение деятельности трестов и возложение на себя значительной части их (трестов) функций, прежде всего торгового характера.

Неоднозначность складывавшейся ситуации определялась также и тем, что тресты были вынуждены реализовывать свои изделия по ценам, значительно уступавшим их производственной стоимости (себестоимости). Недостаток сырья и материалов, низкий уровень технической оснащенности предприятий; дефицит квалифицированных кадров и многое другое не позволяли удешевить производство.

На фоне многих упомянутых негативов пути решения проблемы просматривались достаточно смутно. И все же они были. В частности, выход можно было бы найти посредством предоставления трестам дотаций. Однако экономически разоренная страна свободными финансовыми средствами не располагала, и произвести такое кредитование была не в состоянии. Естественно, в подобной обстановке итог деятельности трестов не мог дать положительных результатов. «При крайней стесненности в деньгах, при полном отсутствии кредита, - отмечалось в отчете треста «Моссукно»

[371] Известия ВСНХ. 1921. 26 декабря.

за этот период, - пришлось заниматься чрезвычайно много и чисто коммерческими операциями, что отнимало много сил и создавало атмосферу нездоровую, чисто коммерческую, спекулятивную».[372] Это было ещё одно уязвимое место в деятельности трестов - недостатки чисто организационного характера.

Трудности в реализации продукции, налаживании производства, обеспечении его сырьем и др., естественно, силами отдельных трестов не могли быть преодолены. Организованным же с целью решения этой проблемы торговым отделам при Центроснабе ВСНХ и его периферийным ответвлениям - губснабам региональных совнархозов - эта задача тоже оказалась не по плечу. Ее представлялось возможным решить, как уже отмечалось, с помощью синдикатов, известных еще с дооктябрьского периода.

Как тип хозяйственной организации, объединяющих группы промышленных трестов и концентрирующих их усилия воедино для обеспечения производства и оптовой торговли, синдикаты показались властям предпочтительными еще и по другим обстоятельствам. На наш взгляд, власти не могли обойти вниманием тот весьма привлекательный для них факт, что участники синдикатов, сохраняя за собой инициативу в процессе производства, полностью теряли свою самостоятельность на последующем витке замкнутого цикла движения продукции - на этапе ее реализации теряли так называемую коммерческую самостоятельность и делали таким образом еще один шаг по пути усиления желаемой властям и максимально возможной централизации и сосредоточения в их руках всех рычагов управления производством и реализацией.

Вопрос о скорейшем синдицировании промышленности обозначался со всей остротой и был признан актуальным. 21 января 1922 г. Высший Совет Народного Хозяйства пришел к выводу о необходимости объедине-

[372] Торгово-промышленная газета. 1924. 7 декабря.

ния трестов «для разрешения задач в области заготовки сырья, торговли и т.д. в виде синдикатов».[373] В подавляющем большинстве случаев синдицировались тресты тех отраслей промышленности и торговли, которые были связаны с рынком товаров, рассчитанных на массового потребителя.[374] Стабилизируя свое положение, укрепляясь организационно и экономически, интенсивно интегрируясь в разные сферы, синдикаты постепенно перешли к созданию своих отделений на местах.

Формирование синдикатами ответвлений на периферии и активизация работы этих структур позволили в относительно короткие сроки разгрузить перенасыщенный рынок центрального промышленного района и переместить значительные объемы товарной массы в другие регионы страны. Здесь очень скоро вся продукция была реализована, причем уже на более выгодной для трестов основе. Немаловажно и то, что теперь промтовары проникали в глубинные местности страны, туда, где дефицит продукции широкого потребления ощущался населением предельно обостренно.

О положительных результатах деятельности синдикатов, убедительно свидетельствовали показатели роста их торгового оборота. Так, сравнительная характеристика итогов торговых операций по состоянию на 1923-1924 гг. и 1924-1925 гг. хозяйственные годы уже сумела подтвердить тот факт, что сбыт 23 крупнейших синдикатов за названный период увеличился на 89%.[375]

Как и следовало ожидать, направляемые государством синдикаты повели интенсивное наступление на частнопредпринимательскую торговлю, содействуя сокращению объема отправок продукции в данном направлении в пользу поставок в государственную и кооперативную торговую сеть. Так, поставки в 1924 и 1927 г.г. показали уменьшение объема про-

[373] Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за 5 лет. - М., 1928. С. 7.

[374] Там же.

[375] Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за 5 лет. - М., 1928. С. 11.

дукции, переданной в частнопредпринимательскую сеть на 4,6% (с 18% до 13,4 %) и увеличение поставок на 8% (с 36,4% до 44%) кооперации.[376] Причем в руки частника чаще всего передавалась неходовая или менее ходовая продукция, пользовавшаяся пониженным спросом населения.

На протяжении 1925-1927 гг. синдикаты предприняли решительные шаги, направленные на обеспечение реализации товаров промышленного производства только через свою торговую сеть. В рассматриваемый период времени синдицированные торговые предприятия все в большей мере стали приобретать очертания вполне устойчивой и разветвленной системы. Ее структуры гораздо чаще и серьезнее обращались свой взор к периферии, концентрируя свои усилия и на этом направлении. Вектор и динамику упомянутого поворота, на наш взгляд, хорошо иллюстрируют статистические показатели товарооборота Московского рынка,[377] взятые в период с 1923 по 1925 г.г. Так, если в 1923-1924 гг. хозяйственном году этот рынок забирал почти треть всей сбываемой продукции, то уже в следующем, 1924-1925 гг., ситуация изменилась довольно-таки ощутимым образом. Теперь поставки в Москву свелись к показателям менее 25%, все остальное шло в регионы.[378]

Отмечая роль синдикатов как одного из организаторов торговли, нельзя не указать и на их работу в качестве своеобразного координирующего центра деятельности трестов. Это было чрезвычайно актуально, поскольку торгующий аппарат целого ряда трестов, функционировавший все более интенсивно на периферийном рынке, стремился к автономии. Подобного рода тенденция была для государства крайне нежелательна, ослабляла его влияние на формирование рыночной конъюнктуры и провоцировала децентрализацию. Аккумулируя производственный потенциал

[376] Там же.

[377] Вестник торговли, промышленности и транспорта. 1923. №2. С. 31.

[378] Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за 5 лет. С. 11, 12.

трестов и сводя их потенциальные возможности воедино, синдикаты тем самым содействовали изменению соотношения сил на внутреннем рынке в пользу государственных торговых организаций и стабилизации таких цен на товары первой необходимости, которые отвечали требованиям проводимого властями курса.

Неоспоримыми были заслуги синдикатов и в организации торговли товарами широкого спроса, импортируемыми из-за рубежа, что особенно стало ощущаться к середине 1920-х гг. С 1924 г. наблюдается тенденция к повышению покупательной способности населения. Учитывая, что спрос на многие товары не мог быть удовлетворен за счет увеличивающегося предложения внутри страны, Совет Труда и Обороны принял решение о выделении средств на приобретение необходимой продукции за рубежом.

Активное участие в проведении импортных операций приняли синдикаты еще ранее (в 1922-1923 гг.) получившие право организации закупочных операций на внешнеторговом рынке. По согласованию с Наркоматом внешней торговли, синдикаты открыли в ряде стран свои торговые представительства, осуществлявшие в соответствии с экспортно-импортными планами Наркомвнешторга закупочные, товарообменные и торговые операции. Многие сделки заключались синдикатами и через торгпредства внешнеторгового комиссариата.[379]

Подчеркивая роль синдикатов в налаживании торговли, нельзя не отметить важное значение их контактов с биржами. Последние, как и синдикаты, также выполняли организационные и планово-контролирующие функции в ходе осуществления различными, учреждениями своих мероприятий по обеспечению товарами первой необходимости и продуктами питания. Еще одним звеном, наиболее близко контактировавшим с трестами в ходе осуществления торговых операций на внутреннем рынке, стали

[379] СУ РСФСР. 1922. №65. Ст. 846.

губернские торговые отделы местных совнархозов и торговые паевые товарищества (пайторги). Пайторги, которые следует считать связующим звеном между синдикатами и торгующими организациями на местах, объединяли в своем составе торговые отделы.

Сотрудничая с частнопредпринимательскими элементами и кооперацией, губторги и пайторги, прежде всего, стремились ко все большему расширению государственной торговой сети и перемещению сюда центра деловой активности. Примером сказанному может служить деятельность Саратовского пайторга, который на первых порах после своего возникновения до 34% всех сделок заключал и реализовывал через кооперацию. К концу 1922-началу 1923 г.г. картина существенно изменилась и проведение подобных операций было заморожено. «Губторг считает более выгодным торговать через свои розничные магазины, чем опираться на кооперативный аппарат»,[380] - писала газета, объясняя такое смещение акцентов в конъюнктуре рынка.

Анализируя деятельность пайторгов и губторгов СНХ, нетрудно заметить, что нередко союз их был непрочен и что из успешно сотрудничающих партнеров они довольно часто превращались в непримиримых соперников. Во многом, как представляется, это предопределялось спецификой конкретного территориально-экономического региона страны. Так, форма торгового-паевого товарищества становилась более приемлемой (и, следовательно, преобладающей) на внутреннем рынке промышленного центра. В противовес этому в непромышленных регионах и территориях национальных автономных образований свою приоритетность доказывали торготделы местных советов народного хозяйства. Встречались местности, где как результат некого равновесия и губотделы СНХ, и пайторги соседствовали, успешно проводя совместные торговые действия.

[380] Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. апрель. №2. С. 31.

И все же отмеченные недостатки не могли и не должны были заслонить собой достигнутые положительные результаты. «В области взаимоотношений торгорганов с трестами, - сообщалось в печати, - следует отметить возрастающую роль губернских торговых отделов и пайторгов в деле охвата промышленности и обслуживания ее интересов по сбыту продукции и заготовке материалов снабжения».[381] С возникновением пайторгов и укреплением положения торготделов губернских СНХ резко сократилось число различных промежуточных торговых звеньев, осуществлявших свои снабженческо-заготовительные функции в различных районах страны. В частности, здесь можно было бы указать на существенное уменьшение количества различных торгово-закупочных представительств, действовавших от имени трестов.

Эта мера, безусловно, сыграла свою роль в дальнейшем усилении позиций государства на внутреннем рынке. Его торгующие органы неуклонно двигались к достижению поставленной цели, которая сводилась к обеспечению в области внутренней торговли своего (государственных торговых организаций) абсолютно доминирующего положения. Насколько значительны были успехи в данной сфере можно судить, к примеру, по операциям Сибторга. Распространяя свою деятельность на обширнейшую территорию Зауралья, торг решал важную задачу по снабжению населения Сибири всем необходимым, в первую очередь предметами промышленного производства. Посредством своих представительств в Центральном районе России Сибторг осуществлял товарообмен и закупку товаров широкого потребления в таком количестве, что реализация его среди жителей Сибири только за три последних месяца 1923 г. (октябрь - декабрь месяцы) превысила 50% всего годового торгового оборота Сибторга. Реализуясь по твердым государственным ценам, промтовары торговой сети Сибсовнар-

[381] Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. №5. С. 144.

хоза обеспечивали потребности все большей части населения, оказываясь на рынке более привлекательными, чем товары частных торговцев. Начиная со второй половины 1922 г.,[382] аналогичная информация поступала и из других регионов. Правда, подобное положение пока еще носило крайне неустойчивый характер. Относительные успехи сменялись снижением показателей не только в центре, но и на местах. Такую картину, в частности, дают показатели внутриторгового оборота в стране за июль-сентябрь 1922 г. (подъем) и декабрь этого же года (значительный спад).[383]

Отмечая подобные скачки показателей оборота государственной торговой сети, следует отметить, что государственные торговые организации, не только оптовые, но и (что очень важно) розничные, завоевывали все более заметное место на рынке и приобретали все больший удельный вес в сфере материального обеспечения населения. Спад же объяснялся, в первую очередь, теми глубинными процессами, которые характеризовали экономику страны в начале 1920-х гг. (резкие диспропорции промышленного и сельскохозяйственного производства, инфляция и др.) и серьезно влияя на покупательную способность населения, определяли показатели рынка.

Государство в этот период всячески стремилось обеспечить себе доминирующее положение в управлении промышленным производством и было озабочено поиском путей решения данной задачи. Наиболее приемлемым казался способ наибольшего сосредоточения в руках государства функций общего управления промышленностью. Подобного рода заданность предопределила конкретные подходы к реорганизации системы управления промышленным производством и нашла своё отражение в очередной перестройке аппарата Высшего Совета Народного Хозяйства. Прежде всего, здесь было произведено размежевание структурных подраз-

[382] Там же. №2. С. 31.

[383] Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. №2. С. 31.

делений, ранее нередко дублировавших друг друга, и скорректированы (по функциональному признаку) пределы их полномочий.[384]

К концу 1923-началу 1924 г.г. ВСНХ стал гораздо мобильнее, мощнее и действенней. Выполнявшаяся работа по усовершенствованию системы построения и методов деятельности ВСНХ получила свое правовое закрепление в Положении о Высшем Совете Народного Хозяйства Союза Советских Социалистических Республик, увидевшем свет 12 ноября 1923 г.[385] Данный документ обозначил наступление нового этапа в перестройке совнархозов. К компетенции ВСНХ был отнесен довольно обширный круг обязанностей, в числе которых в качестве наиболее значимых, можно выделить:

- общее регулирование процессом производства и реализации продукции, производимой государственными промышленными предприятиями;

- контроль за производством частных предпринимателей и кооперации;

- общее руководство деятельностью республиканских СНХ и организация промышленного производства в масштабах всей страны;

- управление производственными структурами общесоюзного значения;

- разработку производственных планов бюджетного финансирования предприятий общегосударственного значения, представление этих документов на утверждение правительственных инстанций;

- разработку планов перспективного развития промышленности;

- создание и представление в соответствующие высшие и центральные органы власти и управления страны проектов законодательных доку-

[384] Уже к августу 1922 г. в недрах ВСНХ появилось Центральное производственное управление (ЦПУ).

[385] СУ РСФСР. 1923. №109-110. Ст. 1039.

ментов, связанных с управлением промышленностью и торговлей не только государственных, но и частнопредпринимательских и кооперативных организаций;

- решение вопросов передачи промышленных предприятий в концессию;

- решение вопросов финансирования и кредитования промышленного производства;

- контроль за порядком использования капиталов трестированных предприятий, находящихся в ведении ВСНХ;

- рассмотрение вопросов правовой регламентации деятельности трестов и акционерных обществ, заключение с ними соответствующих договоров и соглашений.

Естественно, успешно реализовывать на практике перечисленные обязанности мог только разветвленный и хорошо сбалансированный механизм. Положение 1923 г. даёт о нём подробное представление. Основными подразделениями центрального аппарата ВСНХ по-прежнему оставались его главные и центральные управления, наиболее важные из которых (главное экономическое управление, центральное управление государственной промышленностью) подразделялись на секции, либо комиссии (как, скажем, промышленная плановая комиссия в составе главного экономического управления). Помимо управлений, в состав, возглавляемого президиумом и его председателем ВСНХ входили комитеты, на правах управлений, и отделы (редакционно-издательский, научно- технический).[386]

В качестве промежуточного звена и своеобразного инструмента реализации на местах политики Высшего Совета Народного Хозяйства на территориях областей достаточно энергично действовали промышленные

[386] СУ РСФСР. 1923. №109-110. Ст. 1039.

бюро (промбюро), которым в пределах вверенной им территории предоставлялись самые обширные полномочия.

С принятием 17 июня 1923 г. декрета о местных трестах и без того влиятельное положение промбюро усилилось в ещё большей степени. С этого времени к правам, которыми промышленные бюро уже располагали, прибавились также полномочия рассматривать и принимать решения по производственным программам местных промышленных предприятий и объединений, утверждать их уставы.

Следует отметить, что подобное положение сохранялось недолго и с течением времени промбюро стали терять свою значимость, а к концу 1924 г. они прекратили своё существование вообще. Исключение составили лишь Сибирское, Северо-Западное и Дальневосточное бюро, обслуживавшие очень значительные по масштабам; регионы страны. Освобожденную промбюро нишу в иерархии органов управления промышленностью заняли Центральные Советы Народного Хозяйства (республиканского уровня) и областные СНХ, унаследовавшие те же, что и промбюро полномочия.

В связи с определёнными нововведениями в подходах к использованию принципов планирования в организации управления промышленностью и отказом от дифференциации промышленности на категории (союзную, республиканскую и местную) возросла роль главных управлений ВСНХ. В данном случае уместно было бы сослаться на приказ ВСНХ от 26 января 1926 г., предписывавший всем трестам и синдикатам «возбуждение вопросов общего и принципиального характера в других ведомствах проводить через посредство соответствующих управлений ВСНХ СССР и с его одобрения».[387] Совершавшаяся реорганизация провоцировалась политикой властей, нацеленной на максимальное ускорение процесса индустриализации страны. Усилия, предпринимавшиеся в этом направлении,

[387] Законодательство о трестах и синдикатах. - М.-Л., 1926. С. 555.

нередко носили недостаточно подготовленный, а главное зачастую малообеспеченный и плохо скоординированный характер, а потому не отождествлялись с изменениями, происходившими непосредственно в самой системе ВСНХ.

В результате аппарат совнархозов во многих случаях был не в состоянии оказывать должного воздействия на поведение участников рынка, не способен; осуществлять необходимый контроль над производством. Складывавшаяся ситуация подсказывала различные варианты выхода из создававшегося нежелательного положения и определяла необходимые направления работы по организации производства и снабжения. Весьма перспективным, в частности, казался путь дальнейшей интенсификации деятельности синдикатов и трестов, взаимосвязи с которыми у ВСНХ к рассматриваемому периоду уже имелся достаточно богатый опыт. Об этом, к примеру, можно было бы судить, анализируя контакты губсовнархозов с трестами. Свои взаимоотношения с трестами губсовнархозы строили поразному, беря за своеобразный ориентир в этих контактах категории трестированных предприятий. Такая дифференциация порождала массу особенностей и нюансов, соблюдение которых являлось необходимым.

Наиболее чётко, на наш взгляд, вырисовывалось три типа таких взаимосвязей, три схемы подчинённости трестов аппарату совнархозов, а по существу, три условия зависимости трестов от системы Высшего Совета Народного Хозяйства. Одни губсовнархозы ограничивались лишь отчётными докладами трестов, беря во внимание только сам факт и результаты их производственной и торговой деятельности. Другие - жёстко и непосредственно управляли трестами, функционировавшими на территории конкретной губернии, организуя в полном объёме всю производственную и сбытовую работу. Наконец, третья группа губсовнархозов избирала компромиссный способ взаимосвязи с трестами, выбирая в качестве основной

формы взаимоотношений нечто среднее между рассматривавшимся выше.[388]

Большое значение в определении правового статуса трестов, упорядочении их работы и оформлении взаимоотношений с государственными и иными организациями имел декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятий, действующих на основах коммерческого расчёта (трестах)», дававший чёткую формулировку понятию «трест».[389] В соответствии с законом, государственными трестами объявлялись объединения промышленных предприятий, которым государство предоставляло возможность осуществлять производственную деятельность на основе хозяйственного расчёта, имея в конечном итоге цель получения материальной выгоды в виде прибыли.

Являясь юридическими лицами, тресты действовали на основании уставов и согласно гражданско-правовому законодательству несли имущественную ответственность за свои действия. Каждый трест представлял собой достаточно сложную производственную структуру, вбирающую в себя несколько предприятий (фабрик, заводов, промыслов, магазинов и т.д.), перечисленных в его уставе. Закрепляя это положение, закон одновременно предусматривал и возможность создания таких трестов в состав которых входила бы только одна производственная единица.

Совет Труда и Обороны совместно с ВСНХ наделялся правом распоряжения имуществом трестов, что, безусловно, ставило их в достаточно зависимое положение. Если учесть тот факт, что ВСНХ (равно как и любые хозяйственные комиссариаты) находился у истоков рождения трестов («Тресты могут организовываться Высшим Советом Народного Хозяйства... и входить в ведение Высшего Совета Народного Хозяйства...»),[390]

[388] Экономическая жизнь. 1922.20 июля.

[389] СУ РСФСР. 1923. №29. Ст. 336. Раздел А. П. 28.

[390] Там же.

то, по - существу, декрет юридически определял положение ВСНХ как одного из своеобразных душеприказчиков трестов.

Говоря о различных ограничениях в положении трестов, невозможно все же не отметить, что законодатель предусмотрел и достаточно широкое поле их автономии. В частности, это становится очевидным, если обратиться к содержанию статьи 5 декрета. Сославшись на ст. 28 П. «Ж», Ст. ст. 48, 49, 51 и 53 названного нормативного акта, законодатель чётко обозначил пределы возможностей ВСНХ воздействовать на судьбу трестов и их имущества. Власть ВСНХ, к примеру, в разрешении проблем имущественного характера могла быть использована лишь в устанавливаемом законом ограниченном числе случаев. Во-первых, когда пересматривались положения уставов и обсуждались, вопросы, касавшиеся уставных фондов, их размеров и т.д.; во-вторых, когда возникали обстоятельства, обнаруживавшие необходимость ликвидации тех или иных трестов и требовавшие решения вопросов имущественного характера, порождаемых данным фактом. В остальном же тресты оставались полноправными собственниками имущества, переданного им государством в момент их возникновения, а также всего имущества, появившегося в результате их (трестов) производственной и торговой деятельности. Используя данное имущество, тресты находились под юрисдикцией действующего гражданского законодательства.

Случаи воздействия на тресты (помимо уже упоминавшихся) сводились к праву ВСНХ устанавливать границы цен на продукцию, производимую трестами и реализуемую ими в соответствии с совершаемыми товарными операциями.[391] Механизм этого процесса (контроля над ценами) был весьма прост, он увязывался с положениями об обязательном участии трестов в деятельности бирж, сотрудничестве с ними. В силу такого условия

[391] СУ РСФСР. 1923. №29. Ст. 366. Раздел А. П. 28.

Высший Совет Народного Хозяйства получал в лице бирж действенный инструмент для осуществления контроля над прохождением любых сделок трестов и регулирования цен на товары в пределах, утверждаемых ВСНХ.

Говоря об этом, нельзя не отметить, что государство всегда старалось использовать любую возможность влиять на тресты. К примеру, это достигалось посредством применения статей, включаемых в содержание договоров в. обязательном порядке и, следовательно, являющихся их неизменными условиями. Иллюстрацией к сказанному могло бы служить, установленное законом правило признания совершаемых сделок действительными лишь после их анализа и регистрации соответствующими биржевыми, комиссиями, действовавшими с позиций текущего законодательства, различных инструкций и положений ВСНХ, хозяйственных наркоматов. Аналогично изложенному регламентировалось и содержание главных документов трестов - их уставов.

Отличаясь деталями, относившимися, в первую очередь, к особенностям процесса производства, все уставы в обязательном порядке должны были включать наименование возникающего треста, место нахождения органов его управления, целей, задач и круга деятельности, перечень объединяемых им производственных структур, размеры уставных капиталов, состав имущества, передаваемого возникающему тресту, состав и статус его органов правления. ВСНХ определял содержание не только самого текста устава, но даже и специальной инвентарной описи имущества, передаваемого в распоряжение треста.

Общий порядок деятельности трестов подробно рассматривался и регламентировался специальной инструкцией Совета Труда и Обороны, который также утверждал и уставы появлявшихся трестов. В СТО упомянутые уставы поступали после соответствующего обсуждения и получения положительного отзыва ВСНХ.

Закон чётко фиксировал порядок и условия имущественной ответственности трестов на протяжении всего периода их деятельности. При этом в случаях обращения взыскания на принадлежавшее трестам имущество должна была учитываться; его (имущества) дифференциация на; средства основные, оборотные и денежные в точном соответствии с тем, как это делалось в балансовой ведомости. Каждая из категорий названных средств подлежала учёту и регламентировалось с учетом специфики. В частности, такой особый подход надлежало соблюсти при обращении к основным капиталам. Причём здесь не принималось во внимание, относилось ли это имущество к разряду переданного тресту из государственных фондов в момент его возникновения или было получено трестом позднее в результате собственной производственной деятельности. И то и другое в равной мере находилось под надёжной «опекой» статей (22 и др.) Гражданского кодекса РСФСР, а также уже анализировавшего ранее декрета ВЦИК и СНК (Ст. 28 П. «ж») «О государственных промышленных предприятиях, действующих на основах коммерческого расчёта (трестах)».[392]

Продолжая исследование взаимоотношений трестов и ВСНХ, следует отметить, что сам закон как бы предопределил эти связи как прямые и непосредственные, указав в ст. 27 декрета на то, что Высший Совет Народного Хозяйства вкупе с правлениями и ревизионными комиссиями трестов составляют блок органов управления трестов. И всё же при столь значительной по объёму власти, концентрировавшейся в руках ВСНХ, тресты отнюдь не выглядели статистами, абсолютно бесправными на хозяйственном поле деятельности. Весьма убедительно на сей счёт свидетельствовал перечень их полномочий, включенных в раздел «Б» декрета о деятельности правлений трестов.[393] Их содержание достаточно наглядно демонстрирует продекларированный законодателем факт практически

[392] СУ РСФСР. 1923. №29. Ст. 366.

[393] Там же.

полной отстраненности Высшего Совета Народного Хозяйства от руководства, повседневной; административной и оперативной работой трестов. В частности, по решению своего правления тресты могли решать вопросы, связанные с самостоятельным расходованием средств сверх того количества, которое предусматривалось сметой во всех случаях, когда, по мнению руководства треста, наступала в этом безотлагательная необходимость. Правда, о каждом таком решении следовало не позднее трехдневного срока докладывать в ВСНХ.

Помимо этого, правление треста наделялось и правом самостоятельного распределения прибыли. Естественно, что делалось это в пределах правил, обусловленных ВСНХ. В любом случае около 20% прибыли попадали в руки треста в обязательном порядке и могли быть им самостоятельно распределены в собственный резервный фонд. Величина данного фонда не должна превышать 50% величины уставного капитала.[394]

По распоряжению правления резервный фонд мог быть использован для увеличения основных средств треста либо покрытия его убытков из части прибыли. Правление также располагало правом формировать так называемый «тантьем», т.е. спецфонд, который, мог восприниматься как поощрительный (премиальный) источник треста.[395] Наличие данного источника, его размеры и порядок расходования в установленном порядке согласовывались с Высшим Советом Народного Хозяйства. Говоря об известной автономии трестов, на наш взгляд, уместно было бы сослаться на закон (всё тот же декрет от 10 апреля 1923 г.), который регламентировал порядок ликвидации трестов. Подтверждая инициативу ВСНХ и его полномочия в этом вопросе, законодатель серьёзно акцентировал внимание на необходимости соблюдать устанавливаемые условия, при которых свою инициативу ВСНХ был бы вправе проявить. Декрет подчёркивал, что про-

[394] СУ РСФСР. 1923. №29. Ст. 366.

[395] Там же П. 45.

цедура ликвидации треста может быть осуществлена лишь в тех случаях, когда:

1) произойдёт сокращение уставного фонда более, чем на 60%, а восполнить этот фонд из других источников или сократить его в строгом соответствии с требованиями ст. 14 декрета (т.е. по установлению СТО и ВСНХ) не представляется возможным или целесообразным;

2) выявится несостоятельность треста и его неспособность погашать долги кредиторов в пределах возможностей собственного оборотного фонда;

3) выявляется нецелесообразность в дальнейшем функционировании треста.

Принимая деятельное участие в процессе функционирования трестов и синдикатов, тесно сотрудничая и в значительной мере управляя ими, ВСНХ в середине 1920-х гг. неуклонно отстаивал принцип сочетания коммерческого начала с плановостью ведения хозяйственной работы в сфере промышленного производства и торговли. Он твёрдо стоял на том, чтобы производственным структурам в пределах установленного плана предоставлялась в обязательном порядке значительная доля самостоятельности в выборе средств и порядка деятельности. Очевидная компромиссность позиций ВСНХ, думается, была не только объяснимой, но в создавшейся обстановке и вполне приемлемой. Однако к концу первой половины 1920-х гг., когда был достигнут определённый уровень стабилизации экономики, в политике хозяйствования, разрабатываемой властями, стал все в большей и большей степени обнаруживаться крен в сторону ужесточения методов и форм руководства производством, сферой материального обеспечения. Это - нашло отражение во многих действиях административных органов, а также в позиции ряда наркоматов, достаточно резко оппонировавших Высшему Совету Народного Хозяйства. В частности, такое противостояние выявил Наркомат внешней и внутренней торговли СССР в обширном

и обстоятельном докладе «Об организации управления промышленностью и торговлей», представленном Совету Народных Комиссаров СССР на рассмотрение в июне 1927 г.

Назревающий переход к дальнейшему ещё большему усилению централизации в сфере организации хозяйственной деятельности стал ощущаться со все возрастающей остротой и широкомасштабность централизации очерчиваться все явственней. Как следствие - Высший Совет Народного Хозяйства всё в большей мере отдаляется от выполнения своих прежних функций в сфере торговли. Столь же (во все возрастающей степени) обрисовывалась тенденция к сужению полномочий и сведению усилий этой организации только лишь к одному руководству промышленным производством. Высказывавшееся ранее достаточно предположительно и с большой долей неуверенности мнение о превращении Высшего Совета Народного Хозяйства в промышленный комиссариат в конечном итоге нашло своё реальное разрешение. В 1930-е гг. ВСНХ был превращен в центральный отраслевой орган управления тяжёлой промышленностью, что в полной мере вписывалось в рамки проводимого курса на индустриализацию страны.

За плечами совнархозов была насыщенная исключительно сложными событиями история пусть немногих, но очень напряжённых лет деятельности в экстремальных ситуациях. Предыдущее время не только породило и испытало эти учреждения, но и рельефно высветило их достоинства и слабые стороны, с учетом которых реконструировать и вновь в очередной раз приспособить этот механизм под новые веяния стало очень непростой задачей. К осуществлению реорганизационных мероприятий на данном направлении государство приступило, ориентируясь на цели и задачи, намеченные партией на время обозначившегося переходного периода. Убедительной иллюстрацией содержания методов реконструктивных мероприятий и темпов их реализации как нельзя лучше служила работа, нацеленная на интеграцию в систему ВСНХ торговых структур и приспо-

собление этой организации к осуществлению функций торговли. Появившийся в русле упомянутой перестройки торговый аппарат Высшего Совета Народного Хозяйства сделал немало для формирования внутреннего рынка страны и сыграл положительную роль в организации материального обеспечения населения, возрождении экономики государства. Свидетельством тому - результаты, полученные на таком многосложном участке хозяйственной работы, как торговля.

В массиве общегосударственной торговли удельный вес операций, осуществленных торговой сетью совнархозов, достаточно значителен и производит весьма внушительное впечатление.[396] Хотя абсолютные показатели объемов реализуемой продукции колебались, это не следует сводить лишь к динамике успехов (или, наоборот, неудач) непосредственно торговой сети совнархозов. В скачках, в первую очередь, необходимо видеть те глубинные процессы, которые свершались в недрах экономики страны, ещё недавно поражённой многими тяжкими недугами, но теперь постепенно возвращающейся к полнокровной жизни. Для того чтобы подобный возврат удалось осуществить на практике (пока это была лишь обозначившаяся возможность), Республике предстояло пройти очень не простой путь и проделать неимоверной сложности работу, которая в конечном итоге позволила бы:

- восстановить разорённое народное хозяйство и поднять экономику государства до уровня ведущих капиталистических держав;

- выйти на внешний рынок и обеспечить себе здесь положение равноправного и конкурентоспособного партнёра ведущих стран-представителей международного сообщества;

- решить традиционно сложные для России проблемы организации материального обеспечения страны и её населения, строго соотнося все

[396] Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. №1. С. 24.

действия на данном направлении с внутриполитическими устремлениями властей.

Обозначенные проблемы носили глубинный, стратегический характер, их решение предусматривало необходимость реализации задач менее масштабных, являвшихся их неотъемлемыми составными фрагментами.

Восстановление народного хозяйства, дальнейшее его развитие и укрепление требовало чёткой дифференциации главных направлений, на которых необходима максимальная концентрация сил, способных в предельно краткие сроки добиться необходимых результатов. Вне всякого сомнения, направлениями первоочередной значимости в процессе хозяйственного строительства должны были стать сельскохозяйственное производство и создание мощной тяжёлой индустрии - фундамента многоотраслевой промышленности государства.

Каждое из этих направлений в русле советской идеологии - хозяйствования, должно было быть подведено под монополию государства, от имени которого рычаги управления по принципам жёсткой централизации были бы вверены конкретным органам центрального отраслевого управления. Вполне понятно, что функции такой ветви управленческой организации должны были быть чётко определены и размежеваны. В новых условиях ВСНХ, стоявший у истоков советской промышленности и являвшийся её мозговым и организующим центром, должен был и впредь оставить за собой это место в системе государственного механизма управления, отказавшись от выполнения несвойственных этому звену функций, прежде всего, в сфере торговли.

Допускавшееся в годы Гражданской войны сосредоточение различных функций (нередко и не совсем совпадавших) не было лишено мотивировки и своего логического обоснования. Крайний дефицит материальных ресурсов, требование наивысшей оперативности в принятии и реализации решений в условиях жёсткой ультимативности военной обстановки неумо-

лимо диктовали потребность в максимальной концентрации всех сил и возможностей государства, распоряжение которыми исходило бы из предельно ограниченного круга управленческих структур. В результате ВСНХ (если для иллюстрации брать эту организацию) становился причастным к решению не только вопросов руководства промышленным производством, но и планирования и проведения товарообменных операций, заготовки продовольствия, обеспечению населения товарами первой необходимости и других вопросов, составлявших компетенцию Наркомпрода. Подобному положению вещей в известной мере способствовали и незначительные масштабы территории, на которые распространялась Советская власть на протяжении первых двух лет войны. Ограниченность территории позволяла использовать для управления усечённую схему построения административного аппарата. Примером чему могла служить внедрённая ВСНХ известная система «главкизма», являвшаяся важной составной комплекса мероприятий, получивших обобщённое название «политики военного коммунизма».

Наступившие послевоенные годы в корне поменяли ситуацию. Теперь, имея в виду Россию, речь уже шла о стране, выигравшей войну и занимавшей громадную, всё увеличивающуюся территорию и развивающуюся по законам мирного времени, когда хозяйственная жизнь подчиняется общепринятым, разумным канонам. Переход к рынку и товарно-денежным отношениям убедительно свидетельствовал о подобном изменении в подходах к организации хозяйственной жизни страны. Передача в руки Высшего Совета Народного Хозяйства руководства такой отраслью, как тяжёлая промышленность, являлась оптимальным шагом, действием, полностью вписывающимся в логику развивающихся событий. Наравне с энергично разворачивающейся внутренней торговлей и торговлей внешней, кооперативным строительством и т.д. стране нужна была отлаженная про-

мышленность - стержень всей экономики. Реорганизация, переориентировка деятельности ВСНХ - самый важный шаг на этом пути.

Реалии повседневного бытия Республики диктовали необходимость перевода страны на качественно новый уровень и иной путь развития, суть которого определялась В.И. Лениным предельно лаконично и просто - «...максимальный подъём производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян».[397] На деле это могло свидетельствовать о желании руководства страны приступить к поиску и отработке такой модели хозяйствования, при которой экономические законы с максимальной эффективностью проявились бы во всех общественно-экономических укладах страны. Предопределялись самым серьезным образом возрождение и развитие её народного хозяйства, улучшение материального благосостояния населения.

И все же в скорое осуществление декларируемых властями грядущих позитивных изменений в жизни страны и ее народа поверить было достаточно трудно. Дело в том, что правительственная доктрина хозяйствования по-новому и стремление партии приложить максимальные усилия на реализацию идеи внедрения социалистических форм организации общественной жизни не совпадали, а скорее находились в известном противоречии друг другу. Переход к новому политическому курсу в сфере хозяйствования менял не только подход и методы организации экономики государства. Партия, заменив лозунг «гражданской войны» на «гражданский мир», оказалась в ситуации, когда, сменив одежды, пришлось менять и лицо. Теперь, строя социализм (партия, как видим, не изменила идее построения социалистического строя в стране), следовало делать ставку не только на союз рабочего класса и крестьянства, но даже идти и на сотрудничество (пусть с трудом, известными ограничениями и на скорректированных

[397] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 398.

условиях) с частным предпринимателем, т.е. с той буржуазией,[398] которой неизменно провозглашались абсолютное неприятие и война.

Стремление РКП (б) соединить исповедываемую идеологическую доктрину с объективными закономерностями развития общества и государства с неизбежностью порождало необходимость прибегать к лавированию и компромиссам, отказу от продекламированных собственных принципов. К примеру, целый ряд таких компромиссных ходов правительства, в первую очередь в отношениях с деревней, достаточно ясно обнаруживали; что власти в определенной степени отошли от административно-командных методов управления народным хозяйством и свидетельствовали о намерении перейти к использованию на практике товарно-денежных отношений рынка. Замена продразвёрстки продналогом, создание рынка труда, допущение частнопредпринимательской деятельности в торговле и промышленности, организация управления государственной промышленностью на условиях рыночной экономики и др. как бы подтвердили серьезность заявленных намерений. Однако, как скоро показали события ближайших лет, все это лишь камуфлировало истинные цели правительства и носило временный характер.

В промышленном производстве уже к началу 1920-х гг. чётко обозначилась крайне низкая эффективность системы, зиждившейся на государственной собственности, жестко централизованном управлении, которое осуществляется; посредством узких отраслевых планов, как правило, рассчитываемых в первую очередь исходя из сепаратистских интересов ведомств. Потребность во внесении серьёзных корректив в упомянутую систему была настолько очевидной, что вопрос этот привлёк к себе самое пристальное внимание руководства страны и еще в мае 1921 г. стал предметом обсуждения на XI конференции РКП (б).

[398] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 398.

Выводы, сформулированные партконференцией, определили и новые подходы к решению проблем в организации управления экономикой, обозначившихся на фоне меняющейся в стране внутриполитической обстановки. Необходимость предоставления государственным предприятиям и их объединениям свободы хозяйствования (по возможности более широкой) вырисовалась достаточно явственно и не нуждалась в дополнительной аргументации. Однако, временно предоставляя такую свободу, государство совершенно не намеривалось расставаться с идеей жесткой необходимости существования централизованной экономической системы, которой подобная самостоятельность производственных структур была чужда.

Конструируемый в новых условиях механизм управления не мог не предусматривать активного существования в недрах народного хозяйства страны централизованной цепи государственных учреждений, наделенных обширными полномочиями.

РАЗДЕЛ IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРКОМАТА ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Восстановление экономического потенциала страны предполагало в качестве меры первостепенной важности перестройку на новых началах всей системы торговли. Торговые связи не только пронизывают сложнейшую ткань народнохозяйственного организма государства, но, что самое важное, увязывают все его многочисленные, исключительно разнообразные звенья в единое целое. Хорошо отлаженная торговля обеспечивает непрекращающееся движение товарной массы, без которого теряет смысл и обрекается на угасание общественное производство.

Специфика восстановительного периода заключалась в том, что в процессе реализации мероприятий сугубо хозяйственного значения с неизбежностью затрагивались и проблемы глубинного социального характера. Их решение в значительной мере предопределяло исход преобразований в укладе сельской жизни, степень прочности взаимосвязей промышленного и сельскохозяйственного производства, надёжность так называемой «смычки» города и деревни, о которой так много говорилось в партийных документах и от которой зависело будущее страны. Существование подобного рода связей вне торговли и вне интенсивного функционирования торгового аппарата невозможно. Торговля соединяет сферы производства и потребления и, подобно кровеносным сосудам, является носителем жизненных сил общества. Отчётливо сознавая это, В.И. Ленин указывал, что «торговля, - то звено в исторической цепи событий, переходных формах нашего социалистического строительства 1921-1922 годов, за которое надо всеми силами «ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем

овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать».[399]

Установки лидера коммунистической партии определили направление: ближайших мероприятий партии и правительства в рассматриваемой области, легли в их основу. 28 марта 1921 г. принимается декрет «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку»,[400] юридически легализировавший возрождавшуюся торговлю.

Появившийся вскоре (24 мая 1921 г.) декрет «Об обмене»[401] уточнял и конкретизировал начавшийся процесс. Последним из документов, принятых по вопросам торговли в первый послевоенный год, стал наказ Совета Труда и Обороны от 9 августа 1921 г. «О проведении в жизнь начал новой экономической политики», которым предусматривался план мероприятий в рассматриваемой сфере на последующий период.

Изданием перечисленных нормативных актов выстраивалась правовая платформа для развертывания торговли в. общегосударственных масштабах. Обеспечить такой размах (а он определялся поистине необъятными пределами внутреннего рынка всей страны) мог лишь очень разветвленный и мощный государственный торговый аппарат. Его же республика пока не имела. Властям приходилось мириться с присутствием частного торговца, занявшего на весьма пестром послевоенном рынке доминирующее положение. В мелкорозничной сети и даже сети средних торговых предприятий на его долю приходилось до 75% всей общей массы торговых точек.[402] Ставя перед собой задачу в возможно короткие сроки - добиться оживления хозяйственной жизни страны, государство пошло на опреде-

[399] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225-226.

[400] СУ РСФСР. 1921. №26. Ст. 149.

[401] СУ РСФСР. 1921. №40. Ст. 212.

[402] Известия ВЦИК 1923. №24. 3 февраля.

ленные уступки частнику. Правда, такое положение сохранялось недолго. Очень скоро и довольно явственно стала очерчиваться тенденция к сужению масштабов частнопредпринимательской торговли и давлению на частника не только государства, но учреждений кооперации, заметно усилившейся к концу 1922 г. Известную оперативность проявил и законодатель. Пытаясь поставить рынок под свой контроль, он узаконил появление здесь учреждавшихся администрацией комитетов рыночной торговли.

В соответствии с декретом: «О комитетах рыночных торговцев», изданном 31 января 1923 г.,[403] на комитеты возлагались обязанности, связанные с поддержкой установленных органами Советской власти правил торговли, наблюдением за тем, чтобы торговля осуществлялась лишь по разрешениям (патентам) властей, оказанием содействия финансовым органам в выяснении «оборотов торговцев данного рынка», представлением необходимых статистических и иных сведений по требованию соответствующих государственных учреждений. Полномочия комитетов, являвшихся выборными органами (избирались общим собранием торгующих на рынке), закреплялись уставами, подлежавшими регистрации в местных органах власти.

Следует отметить, что и декрет, и уставы предусматривали необходимость активного сотрудничества комитетов с кооперативными организациями, допускаемыми властями в качестве одного из ведущих субъектов рыночных отношений и основных партнеров государственных торговых учреждений. Результаты столь активной кооперации не замедлили сказаться. В частности, их убедительно отразила динамика показателей обеспечения рынка промтоварами.[404] Если в 1923-1924 гг. хозяйственном году силами кооперации населению городов было продано товаров широкого потребления до 36,7% от общей массы реализованной продукции, то уже в

[403] СУ РСФСР. 1923. №6. Ст. 102.

[404] Кооперативная Сибирь. 1924. №37. С. 8.

1924-1925 гг. этот показатель возрос почти вдвое (68,4%). Аналогичная картина наблюдалась и в показателях торговых операций кооперации в деревне, где оборот с 14,7% в 1924-1925 гг. возрос год спустя - до 25,3%.[405]

Для успешного функционирования потребительская кооперация наделялась весьма обширными полномочиями по заготовке и сбыту промтоваров и продуктов сельскохозяйственного производства. Все эти операции производились на хозрасчетных началах. Достижения кооперации в налаживании, торговли и материальном обеспечении трудящихся нашли свое отражение и высокую позитивную оценку в документах XV партийной конференции.[406]

Начиная с 1923 г., когда государственный торговый аппарат и торговый аппарат кооперации в какой-то мере окреп, курс властей на вытеснение частнопредпринимательских элементов с торгового рынка, принял открытый характер. Говоря об этом, необходимо отметить, что льготное положение кооперацій и выбор её государством в союзники носили скорее тактический, временный характер и не отражали далеко идущих стратегических замыслов правительства. Думается, это был вынужденный шаг. Государство стремилось не только восстановить рынок, но и найти здесь в отсутствии собственной торговой организации и до её появления противовес частнику.

Поскольку деятельность Наркомата торговли и промышленности в условиях послеоктябрьского периода, а затем и Гражданской войны была сведена к нулю, выполнение его функций, а, следовательно, обеспечение населения промтоварами и продовольствием временно стало прерогативой ВСНХ и Наркомпрода. В 1921 г. торговые управления ВСНХ и Компрода (Главпродукт) были реорганизованы. Вместо них 9 мая 1922 г. при Совете

[405] Экономическая жизнь. 1926. №52.

[406] КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК. - М., 1970. Т. 3.1924-1927. С. 189-202.

Труда и Обороны возникла Комиссия внутренней торговли,[407] действовавшая до 1924 г., когда и она уступила свое место сформировавшемуся Наркомату внутренней торговли. Появление новой структуры положило начало строительству государственной системы торговых учреждений, поиску иных форм и методов работы.

Пока же государственная торговля осуществлялась через множество различных организаций - государственных торгов, государственных торговых акционерных обществ, торговых синдикатов, государственных торговых бирж и т.д. Деятельность каждого из них отличалась своими специфическими чертами, и только время должно было выявить и отобрать из них наиболее пригодные.

Тесная связь, всегда существовавшая между промышленным производством и торговлей, привела к тому, что первые шаги в регулировании отношений на внутриторговой арене в послевоенное время были осуществлены Высшим Советом Народного Хозяйства. В октябре 1921 г. на заседании Президиума ВСНХ было принято решение о создании в составе центрального аппарата совнархозов «специального торгового отдела для регулирования торговли», правда, пока торговли лишь силами совнархозов. Во исполнение этого решения 2 декабря 1921 г. Президиум ВСНХ утвердил Положение о Центральном торговом отделе (ЦТО), который по первоначальному замыслу должен был осуществлять в основном посреднические функции между различными органами государственной промышленности, кооперацией и частными предпринимателями по закупке на рынке товаров первой необходимости и продуктов питания для обеспечения ими населения. Одновременно ЦТО нацеливался на «...деятельность, регулирующую товарооборот страны средствами законодательно-административного и политико-экономического характера».[408]

---

[407] СУ РСФСР. 1922. №34. Ст. 400.

[408] РСФСР. На новых путях. Итоги новой экономической политики. 1921-1922

Складывалось впечатление, что эти обязанности можно выполнить силами одного только ЦТО. Однако практика довольно скоро обнаружила несостоятельность Центрального торгового отдела. Выполнение возложенных обязанностей ему оказалось не по силам. Учитывая это, своим приказом от 20 февраля 1922 г. Президиум ВСНХ разукрупнил эту организацию и выделил из ее состава новую структуру - Управление регулирования торговли (УРТ). За ЦТО остались лишь функции торгово-оперативного характера непосредственно внутри самой системы совнархозов.

За Управлением организации торговли соответственно закреплялись обязанности по правовой регламентации торговой работы, изучению конъюнктуры рынка, решению вопросов кредитования, налоговой и таможенной политики, формированию партнёрских связей, осуществлению контрольно-надзорных функций, - организации деятельности бирж, ярмарок и др.

Анализируя перечень полномочий УРТ, нетрудно увидеть, что это были полномочия, явно превышавшие круг вопросов, которые могла возложить на себя подобная ведомственная структура. Работа по всестороннему регулированию торгового оборота в масштабах всей страны не соответствовала силам и возможностям УРТ. Кроме того, будучи звеном ВСНХ, Управление реализации торговли с неизбежностью скатывалось к субъективизму, при решении вопросов, исходя, прежде всего, из интересов своего ведомства.

Необходимость формирования в самое ближайшее время самостоятельного учреждения для реализации задач торговли в масштабах всей территории страны вырисовывалась со всей очевидностью.[409]

гг. Выпуск 1. - М., 1923. С. 386.

[409] РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 1. Л. 11.

Следует отметить, что к созданию торгового ведомства Советское государство уже приступало несколько ранее. Декретом II Всероссийского съезда советов провозглашалось, что в состав СНК входит и Нарком по делам торговли и промышленности. Возникший Комиссариат по своему устройству являлся копией прежнего (дооктябрьского) Министерства торговли и промышленности и состоял из Главной канцелярии и отделов: внутренней торговли, внешней торговли, законодательных предположений и юрисконсультского,[410] учебного отдела, отдела статистико-информационного, редакционного, отдела таможенно-тарифного и трактатного. Главные управления таможенного контроля и пограничной охраны - завершали структуру центрального аппарата. В таком виде структура Наркомата оставалась практически неизменной до весны 1918 г., когда в соответствии с постановлением ВЦИК от 9 мая этого года были внесены первые поправки в принятую ранее схему.[411] Причем предложенные коррективы не носили принципиального характера, а касались только центрального звена названного ведомства.

Как предполагалось, местными органами должны были стать губернские (областные) отделы, городские и уездные торговые инспекции, статус которых определялся разработанным Положением о местных отделах Народного Комиссариата торговли и промышленности.

Положение предусматривало создание при губернских (областных) отделах Наркомторгпрома советов торговли и промышленности. Эти органы должны были стать связующими звеньями ведомственной системы учреждений, чьи представители, наряду с представителями местных Советов и кооперации, входили бы в состав названной организации. Анализируя эти «печальные» шаги государства, нетрудно понять, что формировавшиеся инспекции и советы торговли еще не являлись той силой, кото-

[410] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 29. Л. 22.

[411] СУ РСФСР. 1918. №35. Ст. 468.

рая была бы способна решать непростые задачи, связанные с налаживанием внутренней торговли.

Взять в свои руки внутренний рынок было для Советского государства не только задачей первостепенной, но и исключительной сложности, объяснявшейся многими обстоятельствами, и прежде всего тем, что область внутренней торговли характеризовалась децентрализацией, пестротой и разноликостью торговых организаций, мелочностью частной торговли, распространившейся по всей громадной территории России.

Властям предстояло объять эту стихию, пересмотреть все, чем располагала практика внутреннего рынка, и приступить к перестройке всей системы внутренней торговли на началах государственной монополии и жесткой централизации. Законодательное оформление эта работа получила после издания 21 ноября 1918 г. декрета СНК «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства»[412] и совместного постановления ВСНХ и Наркомпрода «О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами»,[413] изданного 26 ноября 1918 г.

Закон предусматривал передачу функций торговли, и распределения сети государственных и кооперативных учреждений, снабжение которых всем ассортиментом товаров концентрировалось в руках Главного управления продукторапределения (Главпродукт) Наркомпрода.[414] За рамками государственного снабжения товарами оставалась, и таким образом, автоматически выводилась из процесса распределения вся бесчисленная масса частных магазинов и лавок. Внутренний рынок освобождался от частнопредпринимательской стихии. Правительство стремилось внедрить повсеместное централизованное снабжение как доминирующий способ матери-

[412] СУ РСФСР. 1918. №83. Ст. 879.

[413] Там же. №84. Ст. 884.

[414] Там же. № 83. Ст. 879.

ального обеспечения населения страны. Подконтрольный и абсолютно управляемый внутренний рынок - ключ к достижению намеченной цели.

Следует отметить, что первые практические шаги к овладению внутренним рынком были предприняты Наркомторгпромом задолго до официального провозглашения этого курса в законодательном порядке. Это, в частности, подтверждает проводившаяся с апреля-мая 1918 г. разработка отделом законодательных предложений Комиссариата проектов ряда нормативных актов, к примеру, проекта декрета о национализации внутренней торговли, который впоследствии лег в основу закона, принятого СНК. Соответствующей корректировке подверглась и структура Наркомторгпрома. В первую очередь реорганизация коснулась основных звеньев Комиссариата, таких как, скажем, отдел внутренней торговли. Он значительно разросся, а функции составных его звеньев получили более четкую формулировку и определенность. Так, отделение контроля над торговыми предприятиями наделялось правом осуществлять общее руководство деятельностью торгующих организации на местах, а учет, утверждение уставов акционерных обществ и товариществ на паях, решение различных вопросов по общему руководству их работой пополнили круг полномочий отделения акционерных обществ. Объединение деятельности торговой сети кооперации такой была главная задача отделения кооперативов. Составными звеньями отдела внутренней торговли стали отделения торговой регистрации и товарных знаков, информационное, элеваторов и товарных складов, ярмарок и товарных фирм.[415]

Очевидно, подобная перестройка ожидала и учреждения Комиссариата на местах (губернские, областные комитеты). Это было тем более необходимо, что во многих районах страны функции местных органов Ко-

[415] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 24. Л. 73; Д. 25. Л. 7-9.

миссариата торговли и промышленности все еще выполняли другие ведомства и учреждения.

Многое уже было сделано - сформировано основное направление деятельности, апробирована система Комиссариата торговли и ее кадры, подготовлена определенная правовая база, отразившая основные принципы намеченного правительством курса в сфере внутренней торговли. Продолжить начатое помешала начавшаяся Гражданская война. Ее завершение и переход к осуществлению мероприятий курса новой экономической политики вновь обозначили жизненно важную потребность в немедленном: разворачивании торговли как одного из основных средств реанимации экономики, страны и сделали актуальной проблему формирования аппарата торговли. Государственный механизм управления должен был быть пополнен централизованной системой учреждений; составляющих отдельную ветвь управления в одной из основных сфер хозяйствования.

В первой половине 1922 г. принимается решение об учреждении при Совете Труда и Обороны специальной комиссии - Комиссии по внутренней торговле, в составе назначаемом СТО, деятельность которой и правовой статус получили детальную юридическую регламентацию.[416]

Комиссия должна была действовать на правах центрального общегосударственного органа ив связи с этим ее распоряжения и предписания по вопросам внутренней торговли подлежали обязательному исполнению всеми организациями и учреждениями на территории государства. На первых порах обязанности местных структур Комиссии должны были выполнять областные и губернские экономические совещания (обл- и губэкосо). Помимо этого, в случаях необходимости Комиссия наделялась правом использовать низовой аппарат любых хозяйственных ведомств.[417]

---

[416] СУ РСФСР. 1922. №34. Ст. 400.

[417] РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 1. Л. 49.

Диапазон полномочий Комиссии был достаточно широк и предусматривал:

1) Рассмотрение и представление на утверждение в установленном порядке;

а) проектов уставов акционерных обществ и паевых товариществ;

б) проектов и постановлений о допуске иностранных товариществ к производству операций на территории РСФСР;

2) Рассмотрение проектов положений о государственных предприятиях и объединениях (трестах, синдикатах, торготделах и др.) и представление их на утверждение Совета Труда и Обороны.[418]

9 декабря 1922 г. СТО принял решение об учреждении при Внуторге Комиссии цен, чьи решения по вопросам, составлявшим ее компетенцию, носили обязательный характер.

Несколько ранее, в первых числах августа 1922 г. «в целях выяснения содействия наиболее целесообразному урегулированию частной торговли...» при Комвнуторге учреждается Совещание по частной торговле,[419] чья работа регламентировалась Положением о Совещании по частной торговле при Комвнуторге при СТО. Совещание наделялось правом давать заключения по соответствующим вопросам, передаваемым комиссии по внутренней торговле разрабатывать проекты мероприятий по частной торговле регулировать взаимоотношения государственной и кооперативной торговли, с одной стороны, и частной - с другой; ставить перед Комвнуторгом для разрешения вопросы и вносить предложения по упорядочению частной торговли.

В состав Совещания входили представители кооперации, государственных торговых учреждений, Московской товарной и фондовой бирж. В Совещании были представлены и частноторговые организации и пред-

[418] РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 1. Л. 22.

[419] РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 1. Л. 25.

приятия. В отдельных случаях, когда для этого требовались специальные познания, к работе Совещания привлекались специалисты - эксперты, а также представители заинтересованных ведомств.

Действуя на стыке интересов серьезно конкурирующих на рынке различных организаций, ведомств и др., Комиссия по внутренней торговле нуждалась в солидной юридической базе, обеспечивающей данному государственному учреждению необходимый высокий профессиональный уровень принимаемых ею решений. Правовое обслуживание Комвнуторга возлагалось на секретариат по юридической части, действовавший в соответствии со специальным Положением. Помимо консультирования по вопросам разработки проектов нормативных актов, осуществления надзора за соблюдением законов Советской власти в сфере торговли, секретариат должен был представлять интересы Комиссии в различных учреждениях.[420]

Из представителей ВСНХ, Народного комиссариата финансов, НКВТ, Центросоюза, Сельскосоюза, «Хлебопродукта», Льноцентра, Текстильного синдиката и целого ряда других организаций с формировался при Комиссии по внутренней торговле сырьевой комитет.[421]

Несколько ранее СТО обратился с циркулярным письмом, адресованным местным (губернским, областным) органам власти, а также функционирующим там экономическим совещаниям, запрещающим издавать распоряжения, касающиеся вопросов организации внутренней торговли на местах.[422] В развитие изложенного постановлением СТО от 6 октября 1922 г. Комвнуторгу было делегировано право устанавливать перечни товаров, превышение цен на которые допускалось только со специального разрешения.

---

[420] РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 1. Л. 27.

[421] Известия ВЦИК. 1922. №146. 4 июня. С. 1.

[422] Торговая и промышленная газета. 1922. №179. 13 мая.

Во второй половине сентября 1922 г. приказом ВСНХ было ликвидировано Управление реализации торговли. Его основные функции перешли в ведение Комиссии, а само управление, теперь уже в ранге отдела, возвращено в лоно экономического управления ВСНХ для решения вопросов сугубо ведомственного характера.

11 сентября 1922 г. на заседании Президиума Госплана был поставлен вопрос о необходимости создания вместо Комиссии по внутренней торговле мощного аппарата - ведомства, действующего автономно и в ранге органа центрального отраслевого управления. Речь шла о создании Наркомата внутренней торговли. Предположительно он должен был быть сформирован; в результате слияния Комиссии по внутренней торговле и торгового аппарата ВСНХ либо аппарата Наркомвнешторга.[423]

Следует отметить, что деятельность Комиссии по внутренней торговле тесно увязывалась и осуществлялась совместно с такими учреждениями и организациями, как Высший Совет Народного Хозяйства, Государственный банк республики, Госплан, Наркомфин, ВЦСПС, игравших видную роль в выработке и реализации на практике государственного политического курса в области торговли.

Статус Комиссии, диапазон ее действий в ближайшей перспективе не претерпел особых изменений и свидетельствовал о стабилизации ее положения в среде центральных органов управления страны.[424]

На рассматриваемом этапе, заметно выделяясь среди: других, немаловажную роль в организации внутренней торговли играли биржи, ставшие центрами крупной оптовой торговли. «Каждая товарная биржа по природе своей, - писала пресса, - является центром коммерческой жизни тяготеющего к ней района; вместе с тем, биржа технически легче всего может связать свой район и его особенности со всеми другими районами и

[423] Внешняя торговля. 1922. №14-15. 11 сентября С. 6.

[424] СУ РСФСР 1923. №88. Ст. 808

их заданиями».[425] Подчинить региональные рынки своему влиянию - такова была основная цель создания бирж. Выполнить эту непростую задачу можно было лишь одним способом - сконцентрировав в, максимально возможных пределах проведение операций на местных торговых рынках.

Помимо прочего, в условиях резкого падения курса рубля, особенно остро дававшего о себе знать в начальный период НЭПа, биржи должны были сделать рынки подвластными единым государственным ценам. Комментировать, насколько это было важно и для оптовой торговли, и для торговли розничной, втягивавшей в свой оборот всю массу населения страны, не приходится.[426]

Создание «организованного» рынка (сети товарных бирж) происходило первоначально при активной поддержке местных органов Советской власти. Первая биржа была открыта в г. Саратове в июне 1921 г. Спустя несколько месяцев, 29 сентября, состоялось открытие центральной товарной биржи в Москве. Всё это вселяло уверенность, что процесс создания бирж, их внедрение в интенсивную рыночную торговлю пойдёт самыми быстрыми темпами. Однако на практике все оказалось по-другому. Несмотря на достаточно ультимативный текст приказа ВСНХ от 22 января 1922 г. об участии государственных предприятий и организаций в биржевых операциях выполнение его приказа под различными предлогами саботировали.

В своеобразной «замороженности» процесса формирования бирж лежали и другие причины. На наш взгляд; этому «содействовала» и: очевидная слабость товарооборота на уже возникших биржах. Думается, что, причиной могло послужить и то обстоятельство, что после принятия Сове-

---

[425] Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. №2. С. 85.

[426] Лежава А. Государственное регулирование торговли и биржи. Доклад на II Всероссийском биржевом съезде / Советская товарная биржа: 20-е годы / Документы и материалы / Сост. Московченко Н.В. - М., 1992. С. 75.

том Труда и Обороны постановления «О товарных биржах» (23 августа 1923 г.)[427] бытовала практика полного устранения частных лиц и частных предприятий из биржевого оборота. Чтобы преодолеть подобную практику и выйти из создававшейся благодаря ей тупиковой ситуации Высший Совет Народного Хозяйства издал специальный циркуляр, распространённый в июне 1922 г. Циркуляр обращал внимание на то, что законодатель совершенно не возражает против участия частных лиц в деятельности бирж. И нигде в изданных насей счёт правовых документах не содержится никаких указаний на какие бы то ни было дискриминационные действия против частника и желания устранения частного предпринимателя из биржевого оборота. Вполне понятно, что циркуляр ВСНХ, хотя и, возможно, возымел определённое положительное воздействие, однако оказался явно недостаточным для того, чтобы кардинально изменить, сформировавшуюся ситуацию. Для» инициирования биржевого оборота и активизации деятельности бирж потребовался нормативный акт более значимый, чем упоминавшийся циркуляр ВСНХ. Таким актом стало постановление Совета Труда и Обороны от 1 сентября 1922 г. «О регистрации биржевых сделок государственных предприятий и учреждений».[428]

Жизнь вскоре подтвердила правильность и действенность предпринятых мер. В 1923 г. в стране уже функционировало 70 бирж. Через год их численность поднялась до 100, в октябре 1926 г. количество бирж возросло до 114. Убыстряющимися темпами возрастал и биржевой товарооборот: с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. он увеличился в три раза, а с октября 1924 г. по сентябрь 1925 г. - ещё в два раза.[429] К первому кварталу 1927 г.

---

[427] СУ РСФСР. 1922. №54. Ст. 604.

[428] Жирмунский М. Частный капитал в биржевой торговле. Социалистическое хозяйство. - М., 1924. Кн. 2. С. 144.

[429] Квиринг Э. Товарный голод и перспективы промышленности. - М.- Л., 1925. С. 6.

объём биржевого оборота поднялся до уровня 89,8% от величины всего товарооборота рынка. В 1923 г. биржи вовлекли в свой оборот и операции Сибирского региона.[430]

Обращаясь к истории возникновения бирж в Советском государстве, следует напомнить, что истоки её восходят ко времени созыва IX Всероссийского съезда Советов. Своей резолюцией в части, касавшейся вопросов новой экономической политики и функционирования промышленности, съезд высказался за формирование бирж, разрешив ВСНХ (самостоятельно или по соглашению с Центросоюзом) «в целях развития торговли...» учреждать товарные биржи.[431]

Одна из первых и, пожалуй, наиболее крупная Московская товарная биржа появилась на исходе 1921 г. под началом Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР и Центрального Совета потребительской кооперации. Центральная товарная биржа (так была названа эта торговая организация) была преобразована в Московскую товарную биржу (МТБ), занявшую ведущее положение в сети одноимённых учреждений, которые вскоре стали возникать в губерниях и даже некоторых уездах.

Процесс формирования, бирж, как уже представилось возможным видеть, на первых порах проходил под эгидой ВСНХ. Однако это длилось недолго. Вскоре доминирующая роль в деле создания бирж и организации их деятельности перешла в руки: органов государственной торговли. Невзирая на то, что к деятельности бирж по-прежнему были причастны, ВСНХ и Центросоюз, именно Комиссии по внутренней торговле в соответствии с данным постановлением было предложено разработать ин-

[430] Дьяченко Ю.С. Государственный капитализм в экономике Сибири. 1921-1929 гг. / Из истории социальной и общественно-экономической жизни советской Сибири. Сборник научных статей. - Томск, 1992. С. 114-115; Крюкова С. Опыт становления рынка в период НЭПа // Вопросы экономики. 1991. №2. С. 145.

[431] СУ РСФСР. 1922. №4. Ст. 43. П. 3, 10.

струкцию о порядке регистрации товарных сделок и положение о Регистрационном бюро бирж. Инструкция и положение, как известно, Комвнуторгом были составлены и утверждены, а названное Бюро впоследствии превратилось, в одно из звеньев этого ведомства.

Перечисленные мероприятия подтверждали постепенный переход дел по организации и управлению биржами в руки Комиссии. Наиболее же доказательным в этом плане явилось издание постановления Совета Труда и Обороны от 23 августа 1922 г. «О товарных биржах».[432] «Товарные биржи учреждаются Комиссией по Внутренней Торговле при Совете Труда и Обороны как по собственной инициативе, так и по ходатайству заинтересованных учреждений, предприятий и лиц»,[433] - указывал законодатель. На местах, в губерниях и областях, организация деятельности бирж и контроль за ними возлагались на соответствующие местные экономические совещания, выполнявшие роль низовых звеньев СТО и тесно сотрудничавшее с Комиссией по внутренней торговле.[434]

Продолжая рассмотрение мероприятий Советского государства по налаживанию материального снабжения страны, и в частности, обзор его деятельности в сфере торговли, представляется необходимым отметить, что высшим государственным органом, осуществлявшим функции организации, планирования и контроля над деятельностью всего народнохозяйственного организма и торговли, являлся Совет Труда и Обороны (СТО). Практически мероприятиями по планированию работы ведомств занималась Государственная плановая комиссия, функционировавшая при СТО с 1921 г. Ей были подконтрольны различные торговые организации, в том

---

[432] СУ РСФСР. 1922. №54. Ст. 604.

[433] Там же. П. 2.

[434] СУ РСФСР. 1921. №44. Ст. 223. Здесь имеется в виду постановление ВЦИК от 4 июля 1921 г. «О местных экономических совещаниях, их отчетности и руководством наказом СНК и СТО».

числе, Наркомвнешторг в области внешней торговли и Комиссия по внутренней торговле - в области торговли внутренней.

В октябре 1922 г. в целях дальнейшего урегулирования движения цен на Комиссию была возложена задача согласования торговой политики всех ведомств (в том числе Госбанка и ВСНХ), имеющих какое-либо отношение к внутреннему рынку.[435]

Необходимость проникновения в самые глубинные пласты рынка и активного вмешательства в происходившие здесь процессы диктовала задачу формирования мобильного исполнительского аппарата на местах. Как представляется, решению этого вопроса должно было содействовать внедрение в практику низовых государственных торговых и промышленных предприятий права использования услуг коммивояжеров; В соответствии с Положением от 2 января 1923 г. « О коммивояжерах государственных торговых и промышленных предприятий»[436] эта категория лиц выступила на рынке в качестве распространителей государственной продукции, предлагаемой по твердым государственным расценкам.[437] Коммивояжеры обладали правом заключать сделки с кооперативными организациями, не выходя, естественно, за пределы полномочий, которыми их могла наделять государственная торговая организация.

Правовой статус каждого коммивояжера обусловливался персональным договором с предприятием. Эти соглашения, отличаясь частностями,

---

[435] СУ РСФСР. 1922. №62. Ст. 802. В дальнейшем о сохранившейся тенденции усиления роли Комиссии может свидетельствовать постановление СТО «О порядке установления цен на продукты, отпускаемые государственными органами из государственного фонда» от 16 февраля 1923 г. / СУ РСФСР. 1923. №15. Ст. 196; «Положение о постоянном совещании при Комиссии по Внутренней торговле при Совете Труда и Обороны» / СУ РСФСР. 1924. №32. Ст. 302.

[436] СУ РСФСР. 1923. №1. Ст. 19.

[437] Советская товарная биржа. С. 33-35.

имели в своей основе Типовой договор, разработанный Комиссией по внутренней торговле совместно с Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции.[438] Несколько позднее такого рода посредническая деятельность коммивояжеров была усилена комиссионным аппаратом, который разрешалось создавать торгующим; организациям системы Комвнуторга,[439] а также акционерными обществами и различным товариществом, действовавшими на правах юридических лиц, деятельность которых подпадала под контроль Комиссии по внутренней торговле и ее местных органов.[440]

Постепенно, наращивая свой потенциал и расширяя сферу влияния, Комиссия функционировала в тесном, контакте с торгующими структурами ВСНХ и кооперации, помогая; реализации планов, намеченных властями в сфере внутренней торговли.

Рассмотренные выше события, а также денежная реформа, проведенная весной 1924 г., свидетельствовали о процессах стабилизации экономики, о приобретении веса и устойчивости денежной единицы Советского государства. Теперь, когда уже сформировались определенные возможности для организации, и регулирования внутреннего товарооборота на достаточно приемлемой и прочной основе Комвнуторгу предстояло уступить свое место организации более сильной, способной решать вопросы торговли во всем их многообразии. Так, в марте 1924 г. возник Народный комиссариат внутренней торговли СССР, унаследовавший права и обязанности Комиссии по внутренней торговле при СТО.[441] «Преобразовать Комиссию по Внутренней Торговле при Совете Труда и Обороны Союза СССР в Объединенный Народный Комиссариат по Внутренней Торговле Союза ССР и предложить центральным исполнительным Коми-

[438] Известия ВЦИК. 1923. №5. 10 января.

[439] СУ РСФСР. 1923. №14. Ст. 173.

[440] Экономическая газета. 1923. 11 апреля; 1923. 27 апреля.

[441] СУ РСФСР. 1924. №62. Ст. 619.

тетам союзных республик реорганизовать комиссии по внутренней торговле при экономических совещаниях упомянутых республик в Народные Комиссариаты по внутренней торговле, действующие на общих началах объединенных Народных Комиссариатов союзных республик», - гласил закон.[442]

Деятельность вновь сформированного ведомства должна была на первых порах регламентироваться Временным Положением о комиссариате, вступавшем в силу после утверждения (9 мая 1924 г.) постановления ЦИК и СНК «Об образовании Народного Комиссариата по Внутренней Торговле Союза ССР и Народных Комиссариатов по внутренней торговле союзных республик». Согласно Положению[443] в круг ведения Наркомата внутренней торговли СССР входило:

1) регулирование внутреннего торгового оборота и всей деятельности торговых организаций на территории страны;

2) координация мероприятий, связанных с заготовками и реализацией продукции и осуществляемых государственными и кооперативными организациями, путем определения территориальных сфер их деятельности;

3) установление общего порядка проведения заготовок и распределения товаров, а также его (порядка) корректировка в случаях выявившейся для этого необходимости;

4) корректировка объемов товарной массы, направляемой на рынки конкретных регионов;

5) осуществление функций общего руководства всеми учреждениями, «имеющими целью, способствовать развитию внутреннего товарного оборота, как-то: биржами, торговыми палатами, ярмарками и т.д. и

---

[442] Там же.

[443] СУ РСФСР. 1924. №62. Ст. 619; 1925. №8. Ст. 54; Советская товарная биржа. 20-е годы. Документы и материалы. - М., 1992. С. 39-41.

непосредственное руководство и наблюдение за теми из них, за которыми будет признано общесоюзное значение»;[444]

6) проведение в жизнь ценовой политики государства;

7) анализ конъюнктуры внутреннего рынка.

Комиссариат, возглавляемый Наркомом и сформированной при нем коллегией Комиссариата, состоял из ряда управлений, одним из основных среди которых являлось Управление регулирования внутренней торговли. Объем и масштабность его полномочий убедительно свидетельствовали о ведущей роли данного подразделения в системе Наркомвнуторга СССР.[445]

Вновь созданному Комиссариату по внутренней торговле в первую очередь предстояло сосредоточить свои усилия на реализации мероприятий по формированию фондов продовольствия и промтоваров для торговых операций в городе и деревне. Дело материального обеспечения в соответствии с проводимой властями политикой должно было прочно утвердиться в руках государства. Вполне понятно, что с задачей такого масштаба мог справиться только мощный аппарат с гибкой и разветвленной сетью органов, действующих под единым началом. Такая система была предусмотрена. Ее деятельность регламентировалась рядом нормативных актов, появившихся в 1924 г. и предусматривающих формирование на базе комиссий по внутренней торговле экономических совещаний автономных республик, соответствующих наркоматов торговли АССР.[446] Помимо этого, все областные и губернские отделы по внутренней торговле при исполкомах соответствующих Советов преобразовывались в комиссии по торговле губэкосо. Отделы торговли наделялись достаточно обширными пол-

[444] СУ РСФСР. 1924. №62. Ст. 619.

[445] Временное Положение о Народном Комиссариате по внутренней торговле Союза ССР. 9 мая 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. №62. Ст. 619.

[446] СУ РСФСР. 1924. №73. Ст. 964.

номочиями, позволявшими этим учреждениям прочно овладеть командными высотами на рынках своих регионов.[447]

Это было исключительно актуально, поскольку рыночная торговля разноликая, чрезвычайно активная и легко мимикрирующая, оперативно использовала слабые места в организации рынка, чтобы выйти из поля зрения государства и использовать это в своих интересах. Необходимо было предусмотреть и проведение мероприятий, нацеленных на охват этой ускользающей части торговых сделок. Биржи, предыдущей деятельностью подтвердившие свои высокие возможности, могли, по мнению законодателя, быть успешно использованы на данном направлении.

11 апреля 1924 г. увидело свет постановление СТО «О регистрации внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений», ставшее юридической базой решения проблемы.[448] И все же, как показали события, издания одного только постановления было еще недостаточно для достижения постановленной цели. Требовалась разработка некого достаточно развернутого и детализированного правового документа (либо пакета документов), определяющего механизм реализации задуманного.

27 июля 1924 г. появилась «Инструкция по регистрации внебиржевых сделок»,[449] в основу которой легли многие положения названного постановления СТО СССР от 11 апреля 1924 г. Инструкция была разработана Наркоматом внутренней торговли и ставила своей задачей очертить границы распространения обязательной регистрации внебиржевых сделок, подвергнутых дифференциации по определённым признакам. В частности, биржевые сделки должны были теперь учитываться по организациям, являющихся сторонами в торговых операциях, по содержанию проведенных торговых операций.

---

[447] Там же.

[448] СУ РСФСР. 1923. №12. Ст. 152.

[449] Советская товарная биржа. 20-е годы. С. 42-43.

По первой позиции Инструкция весьма решительно распространяла требование обязательной регистрации осуществлённых внебиржевых сделок на все государственные учреждения и предприятия, на все акционерные общества и паевые товарищества с преобладающим «участием в них государственного капитала.

С учётом содержания торговых операций указывалось, что регистрации должны подлежать все торговые сделки по купле-продаже (в том числе и по поставке), а также обмену товаров, если хотя бы одна из сторон являлась торговым предприятием. Комментируя последнее положение, Инструкция давала определение понятию «торговое предприятие». Таковым считался контрагент, занимавшийся торговлей в порядке промысла. Одновременно отмечалось, что в обязательном порядке наряду с перечисленным выше регистрируются:

- все сделки по купле-продаже товаров со складов или магазинов за наличный расчет, если они превышают минимум, установленный биржевым комитетом и утверждённый либо местной структурой Наркомата внутренней торговли, либо губернским, городским исполкомом;

- все торговые сделки, по которым тресты или любые другие госорганы выступают от имени и в интересах объединений, синдикатов;

- сделки по импорту или экспорту товаров, если они осуществляются в пределах страны и подлежат регистрации;

- сделки по договору комиссии, если комиссионером являются государственные учреждения или предприятия, либо акционерные общества, либо паевые товарищества с участием в них представителей государства.

Несколько по-другому определялось положение кооперативных организаций. Их сделки подразделялись на две категории:

- внутрикооперативные (организации со своими членами), не подлежавшие регистрации вообще. О них лишь давалась информация в пределах одного раза в пять дней;

- все остальные. Эта часть сделок регистрировалась лишь по решению вышестоящих кооперативных инстанций.[450]

В целом же, торговые операции по договору комиссии, за исключением упомянутого, регистрации не подлежали. О них лишь в трехдневной срок информировали Регистрационное бюро.

Анализируемая инструкция Наркомвнуторга от 27 июля 1924 г., практически, повторяла содержание постановления Совета Труда и Обороны от 1 сентября 1922 г. «О регистрации внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений». Из встречающихся несовпадений хотелось бы отметить новые акценты в определении правил регистрации сделок кооперации. Если в Постановлении законодатель устанавливал обязательный порядок регистрации торговых сделок кооперации лишь с государственными, организациями, то в Инструкции диапазон сделок и круг партнёров кооперации ничем не ограничивается. Кооперативы должны были регистрировать лишь те из совершаемых операций, на которые имелось прямое указание вышестоящих структур кооперации.[451]

Непосредственный контроль над реализацией на практике положений постановления от 1 сентября 1922 г. осуществлялся экономическими совещаниями исполнительных комитетов местных Советов депутатов. В масштабе же всей страны - Комиссией по внутренней торговле при Совете Труда и Обороны.

Согласно указанному постановлению СТО при каждой товарной бирже учреждалось специальное бюро для регистрации внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений, действовавшее в соответствии со специальным положением Комиссии по внутренней торговле от 19 сентября. 1922 г.[452] Бюро являлось выборным органом. Состав его

[450] Советская товарная биржа. 20-е годы. С. 42.

[451] Там же.

[452] Советская товарная биржа. С. 29, 30.

(председатель и два члена) избирался сроком на один год из числа членов биржевого Комитета. Тот же биржевой комитет, одновременно с комплектованием бюро, избирал ещё и кандидатов на случаи возникшей необходимости по какой-либо причине заменить отсутствующего или выбывшего члена регистрационного бюро.

Для выполнения функций технического характера каждый биржевой комитет учреждал штат регистраторов сделок и секретаря.

Следует отметить, что при достаточно скромной численности штатных работников бюро выполняли весьма значительный объём далеко не простой по своему содержанию и значимости работы. В частности, на бюро возлагалось:

- осуществление мероприятий по проведению регистрации не только реализуемых сделок, но и разрешение возникающих при этом различных спорных вопросов;

- сбор дополнительной информации; представление которой участвующими в сделке сторонами, считалось необходимым;

- анализ содержания сделок с позиций их экономической целесообразности, хозяйственной необходимости и т.п.;

- подготовка и выдача соответствующих удостоверений, иных документов, подтверждающих факт регистрации конкретной торговой организации на бирже.

В отдельных случаях, когда для решения возникших вопросов, обусловленных особенностями существа той или иной сделки, требовалось участие профессионалов, обладавших специальными познаниями научного либо практического характера, к работе в бюро допускались эксперты (консультанты), не наделявшиеся правом решающего голоса.

Важным средством воздействия бирж на механизм торговли и состояние дел на рынке являлось наделение биржевых контор правом регулирования цен на товары. С этой целью при биржевых комитетах учреждались

так называемые котировальные комиссии.[453] Их состав комплектовался по достаточно простой схеме: руководство комиссии (председатель и его заместитель) назначалось биржевым комитетом из числа штатных должностных лиц комитета. Другая часть состава комиссии (не менее пяти человек) также определялась комитетом. Однако сюда же могли включаться и представители постоянной клиентуры бирж.

Как правило, состав котировальной комиссии назначался на один год. В последующие сроки списки котировальной комиссии подлежали всякий раз новому обсуждению на общем собрании членов биржи. Учитывая пестроту товарной массы, находившейся в рыночном обращении, а также в целях упорядочения работы, комиссия могла подразделяться на секции по конкретной номенклатуре товаров. Такая «усложненная» комиссия формировала из своего состава президиум: Председатель, заместители и члены президиума также назначались сроком на один год.

Решения, принимаемые котировочной комиссией, считались действительными, если на заседании присутствовало не менее 50% её состава. Правда, при этом считалось необходимым обязательное участие в заседании председателя комиссии и соответствующего биржевого маклера или его заместителей. В заседаниях котировальной комиссии, её президиума или секций могли принимать участие отдельные сотрудники биржи, внесённые в специальный список, утверждаемый комиссией либо её президиумом, а также лица, специально приглашаемые на отдельные заседания, представители местных органов Наркомвнуторга. Все они наделялись правом совещательного голоса.

Решения комиссии, секций и президиума котировальной комиссии принимались простым большинством голосов и подлежали публикации в котировальном бюллетене. Следует отметить, что публиковаться должны

[453] СУ РСФСР. 1923. Ст. 184; Бюллетень Московской Товарной биржи. 1923. №300.

были только те цены сделок, спроса и предложений, которые по заключению котировальной комиссии отражали объективную ситуацию на рынке.

Как определялось. Положением[454] о котировальных комиссиях от 23 сентября 1925 г.,[455] любое спорное решение котировальной комиссии могло быть опротестовано любой из участвующих в сделке сторон в биржевом комитете, которому принадлежало право осуществления общего надзора за правильностью котировки цен и составления котировального бюллетеня.[456]

Несколько ранее (10 августа1923 г.) была утверждена Инструкция по биржевой котировке, которая подробно регламентировала не только процесс формирования котировальной комиссии, но и сам механизм производства котировки. Примечательно, что в соответствии с Инструкцией в бюллетенях требовалось обязательное - прогнозирование ближайших перспектив на, рынке и, следовательно, динамики движения цен.[457]

2 октября 1925 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах - обширный нормативный акт, подробнейшим образом; регламентировавший структуру и механизм функционирования биржевых организаций.[458]

Положение очень детально и ясно определяло предназначение, цели и задачи деятельности товарных бирж в изменившихся условиях. В частности, отмечалось, что товарная биржа является организацией торгующих предприятий и лиц, имеющих своей целью:

---

[454] Советская товарная биржа. С. 44-46.

[455] Данное Положение пришло на смену ранее действовавшему Типовому положению о котировальных комиссиях, принятому двумя годами ранее. Тогда, в сентябре 1923 года, оно было обсуждено Бюро съездов биржевой торговли и 20 октября 1923 г., утверждено Комвнуторгом // Бюллетень Московской Товарной биржи. 1923. №300.

[456] Советская товарная биржа. С. 44-46.

[457] Там же. С. 53.

[458] Советская товарная биржа С. 54-66.

- организацию и проведение собраний всех торгующих для заключения товарных операций;

- сбор необходимой информации для последующего анализа цен на товары спроса и предложения на них, тактического и стратегического прогнозирования рыночной обстановки;

- осуществления функций представительства в отношениях между торгующими организациями и администрацией;

- разрешение споров между участвующими в сделках сторонами в процессе проведения товарных операций.

Устанавливался порядок возникновения бирж, формирующихся отныне только в городах, внесённых в специальные списки, утвержденные Советом Труда и Обороны СССР. Все биржи могли действовать с разрешения Наркомата внутренней торговли Союза ССР на основании принимаемых ими уставов. Типовой устав был принят в ноябре 1925 г.[459] По существу, Нормальный устав товарной биржи (таким было его полное наименование) стал образцом и основополагающим базовым документом для уставов отдельных товарных бирж на территории любой из союзных республик. Положение, хотя и предусматривало возможность определённых отступлений; но, говоря об этом, очень строго очерчивало границы допустимого. «Уставы отдельных товарных бирж могут содержать в себе дополнительные, не предусмотренные Нормальным уставом, но не противоречащие ему положения. Отступления в уставах отдельных товарных бирж от Нормального устава допускаются лишь с разрешения Народного Комиссариата по Внутренней Торговле Союза ССР».[460] Товарные биржи признавались юридическими лицами и наделялась всеми присущими этой категории субъектов рынка атрибутами.

[459] Торговые известия. 1925. 28 ноября.

[460] Торговые известия. 1925. 28 ноября.

Товарные биржи передавались в ведение Наркомвнуторга Союза ССР и всех его нижестоящих структур на территориях республик. В плане руководства деятельностью бирж всем им предоставлялось право осуществлять надзор за соблюдением законности в процессе выполнения биржами своих обязанностей и принимать, необходимые меры к устранению нарушений; проводить ревизионные обследования деятельности бирж;[461] осуществлять разработку и издание различного рода правовых документов, регулирующих деятельность биржевых учреждений; разрабатывать положения о биржевых аукционах.

Следует отметить, что, определяя всё это, законодатель прямо указал, что обязанности по надзору за законностью действий бирж и соблюдением ими всех, относящихся к их сфере функционирования законоположений, рассмотрению биржевых отчётов и проведению мероприятий ревизионного характера на практике выполняются при содействии республиканских наркоматов внутренней торговли.

И здесь, в зоне действия бирж, государство постепенно, но с нарастающей силой накладывало на всё свою жесткую руку, стремясь охватить любые ответвления рыночной торговли. Подведя под свои устремления основательный правовой фундамент и водружая на него всех участников рынка, власти очень скоро уже не опасались расширения круга полномочий, возлагавшихся на биржи и всех её участников.[462] Содержание обширнейшей ст. 9 и небольших по объему, но очень ёмких по смыслу ст. 10 и 11 Положения, наглядно иллюстрируют высказанное предположение.

Положение с большой тщательностью обозначило состав, права и обязанности руководящих органов биржи (общего собрания, биржевого

[461] Особое внимание обращалось на необходимость тщательной проверки состояния делопроизводства, регистрационных журналов, различных биржевых книг.

[462] В число входили, помимо государственных предприятий и учреждений, ещё и кооперативные организации, частные предприниматели.

комитета, ревизионной комиссии), превратив их в достаточно слаженный механизм, обладающий необходимыми возможностями для реализации перечисленных выше полномочий и обязанностей.

Думается, что, уделив серьёзное внимание определению понятия и содержания биржевых и между биржевых сделок, процессу их регистрации и др., законодатель стремился обеспечить требующуюся ему стабилизацию выстраиваемой государством модели: отношений в сфере биржевой торговли. Этому во многом, на наш взгляд, должно было содействовать и закрепляемое Положением разграничение функций и характера деятельности фондовых бирж и бирж, товарных. Достаточно большой (29 статей) второй раздел Положения, посвященный фондовым биржам и фондовым отделам при товарных биржах, как представляется, выполнил возложенную на него миссию.

Важной деталью в исполнительном механизме бирж являлись маклеры. Это категория должностных лиц биржи, в обязанности которых входило (ст. 56 Положения) выполнение поручений биржи и других участников торговых операций на совершение сделок путём подыскания контрагентов, составления соответствующих документов по сделкам и последующей их регистрации.

Как правило, по каждой из совершённых при его участии сделок маклер составлял так называемую маклерскую записку, в которой давалось полная информация о существе сделки, сумме, товаре, сторонах, принимавших участие в данной торговой операции, основаниях для её осуществления, месте регистрации сделки и др. Сделки, совершенные при участии маклеров, приобретали силу нотариально удостоверенных.

Рынок - своеобразный эпицентр отношений, складывающихся в экономической сфере. С учётом этого биржи, на наш взгляд, представляли собой один из перекрестков этого центра, где во многих случаях сталкивались противоположные интересы сторон. Для разрешения споров, возни-

кавших между участниками торговых сделок, между ними и биржевыми маклерами, при биржах учреждались арбитражные комиссии.[463]

Численность конкретной арбитражной комиссии определялась биржевым комитетом и не могла быть менее 6 человек, избираемых сроком на один год общим собранием членов биржи из числа собственных членов, либо из числа «посторонних лиц» (ст. 89 Положения). Прошедшие по выборам в состав арбитражной комиссии избирали председателя и двух его заместителей.

Примечательно то, что при наличии находящихся в одном и том же месте фондовой и торговой бирж арбитражная комиссия могла быть общей для этих организации. В этом случае состав её мог быть смешанным, а количество членов - любое, с учетом договоренности, достигнутой сторонами.

К компетенции арбитражных комиссий относилось разрешение споров, возникавших по биржевым сделкам (ст. ст. 53-55 Положения), по исполнению биржевыми маклерами поручений торгующих (ст. ст. 67, 69 Положения), по внебиржевым сделкам, зарегистрированным на бирже, при условии достигнутого согласия обеих сторон, заключивших внебиржевого сделку.

Следует отметить, что в соответствии с содержанием примечаний к ст. 91 Положения, при согласии сторон, споры по биржевым сделкам и сделкам с участием биржевых маклеров могли передаваться на рассмотрение общегражданских судебных учреждений.

Решения биржевых арбитражных комиссий, принимаемые в соответствии с действующим законодательством, биржевыми правилами и торговой' практикой, передавались для исполнения судоисполнителям обычных

[463] Положение о товарных биржах и фондовых отделах при товарных биржах. Раздел VII. Арбитражные комиссии при товарных и фондовых биржах и фондовых отделах // Советская товарная биржа. С. 63-65.

судебных установлений. Выдача исполнительных листов, а также обжалование арбитражных решений в кассационном порядке производились в порядке, предусмотренном в каждой из союзных республик для действующих здесь третейских судов.

Отсылка к процессуальным правилам, предусмотренным для третейского суда, наглядно свидетельствовала о недостаточной разработанности рассматриваемого раздела Положений. Действительно, своими немногими (семью) статьями, посвященными арбитражной комиссии, охватить все стадии разрешения спора (принятие дела к рассмотрению, рассмотрение спора, положение сторон в процессе, принятие решения, порядок и сроки его обжалования и др.) Положение о биржах не могло. Отчетливо представляя себе это, законодатель предусмотрел, что «в развитие установленных правил о биржевых арбитражных комиссиях, Совет Труда и Обороны издаёт по представлении Народного Комиссариата по Внутренней Торговле или Народного Комиссариата Финансов Союза ССР, по принадлежности, инструкцию о порядке производства дел и взимания пошлин и сборов в арбитражных комиссиях при товарных биржах...».[464]

Безусловно, потребность в подобной инструкции ощущалась довольно остро. Помимо изложенного, эта необходимость объяснялась и целым рядом других обстоятельств, скажем, потребностями совершенствования самого процесса, уточнениями процессуальных гарантий сторонам в ходе разбирательства и т.п. Немаловажным было и то обстоятельство, что количество спорных дел, поступавших на рассмотрение арбитражных комиссий, неизменно возрастало. Такое увеличение объяснялось не только происходившим расширением рынка и интенсификацией его деятельности.

24 февраля 1926 г. Советом Труда и Обороны было принято постановление «О регистрации внебиржевых сделок, совершаемых государ-

[464] Торговые известия. 1925. 28 октября. №95.

ственными предприятиями и учреждениями, кооперативными организациями, предприятиями, обязанными публичной отчетностью, и арендаторами государственных промышленных предприятий».[465] Ранее изданное (11 апреля 1924 г.) аналогичное постановление, также посвящавшееся регистрации внебиржевых сделок государственных организаций и учреждений, отменялось, и вводился новый порядок учёта сделок. Отныне все операции по купле-продаже, постановке и товарообмену подлежали регистрации на биржах.

Следует отметить, что на протяжении всего периода существования бирж удельный вес их участия в оформлении государственных операций и операций с другими контрагентами постоянно увеличивался. Маклерским же сделкам с частником демонстративно отводились позиции второстепенного характера. Стремясь к гораздо более высокому положению на рынке, более серьезной защите своих прав и интересов, частный предприниматель синициировал появление новой биржевой структуры - секции частной промышленности и торговли, чья деятельность вскоре получила необходимую правовую регламентацию. В соответствии с «Положением о секциях частной промышленности и торговли при товарных биржах» от 19 января 1924 г.[466] функции секций должны были сводиться к объединению частных предпринимателей, упорядочению частной торговли и противостоянию деятельности различных посредников в операциях купли-продажи.[467]

---

[465] СУ РСФСР. 1926. №22. Ст. 174.

[466] Демчик Е.В. Секции частной промышленности и торговли при товарных биржах Западной Сибири в годы НЭПа (опыт работы по возрождению частного бизнеса) // Предпринимательство в Сибири. Материалы научной конференции. - Барнаул, 1994. С. 140-141.

[467] Советская товарная биржа. С. 54-66.

Создание упомянутых секций отражало один из многочисленных: моментов не прекращавшегося противостояния частного предпринимателя прессингу государственной машины. Подобное сопротивление периодически смягчало складывавшуюся ситуацию, однако коренным образом изменить обстановку, естественно, не могло. Решения государственных административных структур по различным вопросам (об уменьшении сроков кредитования, о назначении торгов на арендуемые частниками на неопределённый срок помещения, а также места на торговых площадях и т.д.) носили явно дискриминационный характер. Против таких действий администрации секции были бессильны. Попытки расширить свои возможности за счёт увеличения численности объединяемых в секциях предпринимателей путём привлечения мелких розничных торговцев приводили, скорее, не к положительным, а отрицательным последствиям. Вступая в противоречие с требованиями Положения, устанавливавшего более высокий ценз участников, секции теряли свой статус биржевой структуры и автоматически превращались в малопривлекательные для властей органы, представлявшие интересы розничной торговли. Практика деятельности секций в Западной Сибири - наглядное тому подтверждение.[468]

На протяжении 1921-1925 гг. государственная оптовая торговля осуществлялось и некоторыми ведомствами. В частности, в Наркомпроде (до его ликвидации в 1924 г.) оптовыми операциями занимался мельничный отдел, отдел соляной торговли, объединение государственный молочных заводов «Госмолоко», «Госрыбпром» и другие организации. Все перечисленные организации состояли на хозрасчёте и располагали собственными торговыми структурами. Спустя какое-то время на основе этих отде-

[468] Демчик Е.В. Секции частной промышленности и торговли при товарных биржах Западной Сибири в годы НЭПа (опыт работы по возрождению частного бизнеса) // Предпринимательство в Сибири. Материалы научной конференции. - Барнаул, 1994. С. 140-141.

лов и объединений возникли автономные торговые организации наподобие акционерных обществ, либо тех же синдикатов. Все они после ухода с арены Наркомата продовольствия, перешли в распоряжение Народного Комиссариата внутренней торговли.

Наряду с синдикатскими объединениями немалую роль сыграли и так называемые синдикатские соглашения (конвенции). Суть заключения конвенций сводилась к тому, что участники таких соглашений разграничивали между собой (синдикатами) районы заготовок сырья и сбыта; готовой продукции, определяя не только её объёмы и ассортимент, но и пределы рыночных цен, устанавливаемых на эту продукцию. На протяжении; 1922-1923 гг. возникло около 20 синдикатов и конвенций. По данным ВСНХ, подобного рода синдикаты объединяли в 1923 г. более половины всех трестов, функционировавших в рамках отдельных отраслей промышленности.

Формирование синдикатов и их появление на торговом поле деятельности стало важным условием и определенным этапом в процессе овладения рынком государственными структурами в период восстановления народного хозяйства.

Оптовая торговля, осуществлявшаяся силами синдикатов, демонстрировала значительные преимущества и выгоды по сравнению с торговлей отдельных трестов, тонувших в бесконечном противостоянии друг другу. Более солидные масштабы торговли давали синдикатам возможность формировать свою достаточно разветвлённую сеть торговых структур (отделений) на местах и, следовательно, прочнее увязывать производителя с потребителями в различных регионах страны. Имелись здесь и другие немаловажные для торговли возможности. В частности, способность синдицированной торговой сети снижать издержки обращения за счёт увеличения и интенсификации товарооборота.

Сосредоточение в руках синдикатов оптовой торговли основными товарами и дифференциация сбыта продукции трестов с учетом принципа

их районирования позволяли контролировать движение товарной массы и создавать дополнительные возможности в регулировании цен.

Для необъятных территорий России, издавна традиционной являлась ярмарочная торговля, активное участие в которой принимал частный предприниматель.[469] Возобновить работу ярмарок стало первостепенной задачей государства, стремившегося оживить экономическую жизнь страны и создать для себя дополнительные возможности усилить воздействие на формирующуюся здесь внутриполитическую обстановку. Немаловажно было и другое. Ярмарки открывали дополнительные каналы для выхода Республики на внешнеторговую орбиту, что в условиях первой половине 1920-х гг. для Советской России имело чрезвычайное значение. В первую очередь представлялось возможным возродить и оживить былые контакты со странами Ближнего Востока и Азии, где ярмарочная форма товарного обмена имела давнюю историю и богатые традиции.

Свои торговые операции первые советские ярмарки начали проводить с осени 1921 г.[470] К концу 1921-началу 1922 г.г. в России состоялся целый ряд ярмарок местного значения. В частности, в Архангельске, Екатеринбурге, Калуге, Пскове, Башкирии, Татарии. 7 февраля 1922 г., впервые за много лет открылась всероссийского масштаба Ирбитская ярмарка.[471] Ранее через неё реализовывались торговые связи европейской части страны с Сибирью. Здесь был один из главных источников поступления пушнины, всегда привлекавшей усиленное внимание зарубежных партнеров.[472] Многое подтверждало, что интерес этот не ослаб и в рассматриваемый период. В марте этого же года в Москве состоялась Всероссийская

---

[469] Вестник Народного Комиссариата внешней торговли. 1921. №2-3. Февраль-май. С. 1.

[470] Известия ВЦИК. 1921. 21 октября.

[471] СУ РСФСР. 1922. №13. Ст. 126; 1923. №12. Ст. 156.

[472] Известия ВЦИК. 1922. 22 февраля.

контрактная ярмарка, затем - Бакинская и, наконец, 1 августа 1922 г. - известнейшая Нижегородская ярмарка, чья деятельность регламентировалась специальным Положением СТО от 26 июня 1922 г.[473]

Положение закрепляло статус ярмарки как торга общегосударственного значения. Порядок торговли и период функционирования торга определялся ярмарочным комитетом. Устанавливалось, что ярмарка действует в период с 1 августа и до 15 сентября ежегодно и здесь может вестись активная торговля любыми разрешенными государством товарами.

Нижегородская ярмарка представляла собой достаточно хорошо управляемый механизм, схема руководства которым очерчивалась следующим образом:

- Совет Труда и Обороны - орган высшего государственного руководства ярмаркой;

- ярмарочный комитет и собрание представителей субъектов ярмарочной торговли - органы оперативного управления ярмаркой.

Каждое из перечисленных звеньев действовало в рамках чётко обозначенных полномочий. В частности, Совет Труда и Обороны наделялся правом:

- утверждать отчёты о работе ярмарочного комитета, осуществлённых расходах и порядке освоения отпущенных ему средств;

- назначать руководство ярмарочного комитета;

- рассматривать и принимать решения по возникающим разногласиям: комитета с администрацией города;

- рассматривать и утверждать проекты документов по регламентации работы ярмаркома и др.[474]

Безусловно, в цепи системы органов управления Нижегородской ярмаркой ярмарочный комитет являлся структурой особой значимости. Ко-

[473] Известия ВЦИК. 1922. 26 июня.

[474] СУ РСФСР. 1922. №42. Ст. 504.

ординируя и направляя деятельность любого звена рыночного механизма, он нёс ответственность за любую произведённую на ярмарке сделку, заключал, утверждал и корректировал наиболее серьёзные договоры, давал окончательные заключения, выступал стороной в суде, держал в руках все нити связей с государственными учреждениями и участниками ярмарки, наконец, планировал перспективу жизнедеятельности ярмарки, определял основные направления её дальнейшего развития. Учитывая все это, законодатель определил обширные права ярмаркома. В частности, он наделялся правом:

- разрабатывать и издавать обязательные для всех участников торговли постановления, разнообразные инструкции и правила о порядке поведения операций;

- принимать необходимые меры по организации и контролю за работой ярмарочной биржи;

- принимать необходимые меры по организации и обеспечению надлежащей работы статистико-экономического бюро ярмарки;

- организовывать надлежащее информационное обеспечение участников ярмарки и принимать необходимые меры по освещению на всей территории РСФСР хода торговли на ярмарке, ценах на товары и т.д.

Ярмарочный комитет состоял из 15 человек, утверждаемых Советом Труда и Обороны. Кроме того, Комиссия по внутренней торговле при СТО, ВСНХ, Наркомат внешней торговли, Наркомат путей сообщения, Государственный банк, Всероссийский Центральный Союз Потребительских Обществ, Экономическое совещание Нижегородского губисполкома наделялись правом делегировать в ярмарком по одному своему представителю. Еще пять представителей направляли различные торговые объединения, занимавшие на ярмарке, по сравнению с. другими субъектами рынка, доминирующее положение.

Для решения текущих вопросов и осуществления задач организационного характера ярмарочный комитет формировал из своего состава Президиум, куда входил председатель Комитета или его заместитель, а также два члена ярмаркома.

Значительная роль в деле организации ярмарочной торговли отводилась и так называемому Совещанию уполномоченных. Оно включало в своем составе 30 человек, избираемых из числа действующих на ярмарке торговцев. Процедура выборов, число избираемых и функции совещания определялись Инструкцией, выработанной ярмаркомом и утвержденной Советом Труда и Обороны.

Совещание собиралось не чаще одного раза в две недели и нацеливалось на решение различных текущих вопросов. Для большей оперативности в работе совещание формировало из своего состава различные постоянные и временные комиссии, действующее в пределах задач, ставившихся перед совещанием. Делопроизводство совещания сосредоточивалось в канцелярии ярмарочного комитета.

Стремясь стимулировать успешную деятельность ярмарки и создать ей необходимые условия для развития в перспективе, правительство освободило участников торговли на Нижегородской ярмарке от оплаты налогов и сборов.

Схема деятельности Нижегородской ярмарки, очерченная Положением от 26 июня 1922 г., продолжала сохраняться и в последующее время. Новые нормативные акты, которые принимались в целях регулирования деятельности ярмарки, не вносили особых изменений в уже сложившийся механизм. Об этом, в частности, можно было бы судить по Временному Положению о Нижегородской ярмарке, появившемуся 25 июля 1923 г.[475]

[475] СУ РСФСР. 1923. №69. Ст. 666.

Сохраняя практически неизменными структуру и полномочия уже упоминавшихся ярмарочного комитета, совещания ярмарочных торговцев, бирж и арбитраж, новое Положение лишь в деталях корректировало схему органов управления ярмарки, вводя в неё некоторые дополнительные структуры. Руководство ярмаркой отныне вверялось в руки Комиссии по внутренней торговле при Совете Труда и Обороны, а для административного управления работой ярмарки учреждалась должность правительственного комиссара по Нижегородской ярмарке, наделенного весьма широким кругом полномочий:

- осуществлять контроль над действиями должностных лиц (за исключением органов юстиции и рабоче-крестьянской инспекции) любых государственных учреждений, функционировавших на территории ярмарки;

- руководить органами милиции и уголовного розыска, ответственными за территорию ярмарки;

- издавать обязательные постановления о порядке торговли на ярмарке и налагать санкции на нарушителей этих постановлений.

О высоком, статусе комиссара Нижегородской ярмарки свидетельствовало, к примеру, указание законодателя о том, что «руководящие указания правительственному комиссару преподаются Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета».[476]

Нововведением являлось и то, что теперь уточнялся срок полномочий председателя и заместителя председателя ярмарочного комитета - одни год с момента их назначения. Сметы, составляемые ярмарочным комитетом, и отчеты о деятельности должны были отныне представляться на утверждение в Комиссию по внутренней торговле. Руководство совещани-

[476] СУ РСФСР. 1923. № 69. Ст. 666. П. 10.

ем уполномоченных возлагалось не на избираемого из их среды председателя, а на назначаемого члена президиума ярмаркома.

Как и в 1922 г., Нижегородская ярмарка освобождалась от налогов и сборов. Правда, это относилось только к проводимым на ярмарке торговым операциям. Предприятия же, обслуживавшие ярмарку (кафе, столовые, рестораны, гостиницы, парикмахерские и т.п.), налоги и различные сборы оплачивали в общем порядке.[477]

В последующие годы активность Нижегородской торговой ярмарки значительно возросла. «Поручить Комиссии по внутренней Торговле, - указывалось на заседании Совета Труда и Обороны 2 марта 1924 года - немедленно приступить к разработке плана торговли на Нижегородской ярмарке 1924 г., учитывая необходимость максимального привлечения на ярмарку восточных стран и окраинных районов Союза ССР… Поручить Комиссии по Внутренней Торговле совместно с Народным Комиссариатом Внешней Торговли и Российской Восточной торговой палатой разработать ряд мероприятий, содействующих широкому привлечению на Нижегородскую ярмарку в 1924 г. Персии, Хорезма, Бухары и других восточных стран».[478]

Примерно по аналогичной схеме, что и Нижегородская, функционировала и ярмарка Ирбитская. Анализ Положения об этой ярмарке, принятого 10 января 1922 г. Советом Труда и Обороны,[479] подтверждает в полной мере. Незначительные различия, на наш взгляд, объяснялись спецификой этого торга, рассматривавшегося прежде всего как пушной аукцион для зарубежных контрагентов. Думается, что именно этим обусловливалось, назначение председателем ярмарочного комитета представителя

[477] Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1923. 24 июня.

[478] СУ РСФСР. 1924. №43. Ст. 393; Известия ЦИК и ВЦИК. 1924. №58. 9 марта.

[479] СУ РСФСР. 1922. №13. Ст. 126; Там же. №24. Ст. 141.

Народного Комиссариата по внешней торговле. Ярмарка, как правило, проходила в зимний период и функционировала с 21 января по 1 марта ежегодно.

Анализируя Положение об Ирбитской торговой: ярмарке 1922 г. и сопоставляя его с положениями о других ярмарках, например Нижегородской, нетрудно уловить, что это - документы, одинаково или почти одинаково регламентирующие цели, задачи и порядок функционирования ярмарок. Имеющиеся же различия не столь значительны и связаны, в первую очередь, со спецификой, масштабами деятельности и географической нацеленностью каждой из них. Последний из перечисленных факторов в определённой мере накладывал свой отпечаток и на составы формирующихся ярмарочных комитетов, диапазон прав и, обязанностей представителей. местных административных органов. Так, в частности, к числу органов управления Ирбитской торговой ярмарки, помимо Комиссии по внутренней торговле, причислили и Уральское областное экономическое совещание. «Осуществление указанных в ст. 5 сего Положения обязанностей Комиссия по Внутренней Торговле при Совете Труда и Обороны, - указывал законодатель, - может передать полностью или частично Уральскому областному экономическому совещанию».[480]

На Уральское областное экономическое совещание (облэкосо) возлагались серьёзные обязанности по рассмотрению и утверждению смет расходов ярмарки, разрабатываемых отчётов о ее работе, назначению ее руководящих органов и должностных лиц, рассмотрению и утверждению проектов необходимых правовых документов, и, в частности, проекта Наказа ярмарочного комитета (своеобразного Устава Ирбитской ярмарки).

Новое Положение устанавливало сроки работы ярмарки - с 7 февраля по 10 марта каждого года. При этом определялось, что выполнение неза-

[480] СУ РСФСР. 1923. №12. Ст. 156.

вершённых операций, обусловленных положениями уже заключённых договоров, может быть продолжено и по истечении ранее обозначенных сроков.

Особое место среди действовавших ярмарок занимала Киевская контрактная ярмарка. Её проведение было рассчитано на время с 15 февраля по 15 марта. Действовала она под эгидой республиканской Комиссии по внутренней торговле. Во всем же остальном, в том числе и структуре органов управления ярмаркой, особых расхождений с механизмом управления ярмарок, рассмотренных выше, - не было. Действовал аналогичный рассмотренным ярмарочный комитет, в который помимо представителей Комиссии по внутренней торговли УССР, Наркома внешней торговли УССР, республиканского СНХ, Всеукраинского кооперативного союза Киевской товарной биржи, Киевского государственного банка, Киевского губернского совнархоза, Правления железной дороги входил и представитель Комиссии по внутренней торговле РСФСР.

Ярмарки неуклонно наращивали свою активность. Систематически повышающиеся здесь объемы совершавшегося на них товарооборота убедительно свидетельствовали об этом. Пример тому - показатели динамики товарооборота Нижегородской и Бакинской ярмарок на протяжении периода с 1922 по 1925 г.г.[481]

Расширение масштабов, деятельности, этих двух ярмарок, во-первых, содействовало увеличению ассортимента и объемов предлагаемых на рынке изделий кустарной промышленности (Нижегородская ярмарка), выводило на рынок значительную массу кустарей и содействовало интенсификации товарообменных операций с деревней, остро нуждавшейся в изделиях, которые: в. требуемом количестве государство пока ещё; не могло предложить. Во-вторых, открывались перспективы ввоза в Республику

[481] Экономическая газета. 1925. №180. 27 августа.

из стран Востока в обмен на изделия, прежде всего легкой промышленности, дополнительного количества продовольствия (Бакинская ярмарка).

Помимо уже упомянутых выше, в стране достаточно эффективно действовали Мурманская, Харьковская, Киевская контрактовая и Куядинская ярмарки.[482] Последняя с давних пор активно использовалась для торговли с Монголией, перегонявшей на нашу территорию многочисленные гурты скота.

[482] Достаточно сказать, что в дооктябрьской России насчитывалось до 16 тысяч ярмарок разного масштаба, функционировавших постоянно.

РАЗДЕЛ V. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НА РЫНКЕ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ И СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В 1921-1929 гг.

Один из ключевых хозяйственных структур советского государственного механизма управления, - Наркомат продовольствия был призван к жизни решениями II Всероссийского съезда Советов на следующий день после прихода к власти большевиков в числе первых и наиболее значимых учреждений Республики.[483] Строительство» рождавшейся продорганизации пролетарского государства началось с овладения аппаратом пока ещё продолжавшего существовать Министерства продовольствия свергнутого буржуазного Временного правительства.[484] Его управления и отделы стали основой центральных звеньев Комиссариата, возглавленного наркомом с функционировавшей при нём коллегией, состав которой учреждался Совнаркомом.[485] Коллегии формировались и в наиболее значимых структурах ведомства.[486]

Не менее интенсивно, чем в столице, развернулась работа по созданию низовых подразделений системы продорганов. Именно сюда с середины 1917 г. и сместился центр тяжести всех организационных мероприятий чьё оперативное проведение регламентировалось соответствующими документами Наркомпрода, в частности его Инструкцией от 14

[483] СУ РСФСР. 1917. №1. Ст. 1.

[484] Отдел рукописных фондов Института истории РАН. Ф. 9. Д. 2. № 19, 20, 21, 24.

[485] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф.130.Оп.1.Д. 34. №17; Известия наркомата; продовольствия. 1920. № 1-2.C43J

[486] РГАЭ.Ф.1943. Оп. 3. Д. 1. Л. 19.

декабря 1917 г.[487] Отныне местными органами становились продовольственные, комиссии Советов. Их (комиссий) формирование должно было осуществляться из представителей общественных и производственных организаций. К примеру, губернские продовольственные комиссии надлежало создавать из равного (по 12 человек) числа делегатов от Совета рабочих и солдатских депутатов. По аналогичной схеме должно было вестись и формирование продкомиссий в уездах. Продовольственные комиссии всех рангов ставились в двойное подчинение Комиссариату продовольствия и соответствующим местным Советам.

Следует отметить, что именно с Советами Наркомпрод решал самый разнообразный круг вопросов, связанных с продовольственным обеспечением населения, в частности проведение мероприятий по заготовке и распределению продуктов питания.[488] Серьёзную поддержку создающемуся продаппарату оказывали Советы и в борьбе со спекуляцией продовольствием и товарами первой необходимости, принимавшей в опасные масштабы.[489]

В процессе дальнейшей работы, по формированию продорганизаций немаловажную роль сыграл Всероссийский продовольственный съезд, обсудивший основные направления и методы строительства.[490] По рекомендациям съезда были организованы в системе Компрода новые подразделения (отдел,[491] а затем управление товарного обмена).[492] Приказом по Комиссариату продовольствия от 21 февраля 1918 г., значительно упроща-

---

[487] Там же. Л. 96.

[488] Правда. 1918. №238. С. 4.

[489] Известия московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. №223. С. 3.

[490] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 34. Л. 9; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 6, 13, 16.

[491] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 1. Л. 143.

[492] Там же. Л. 144, 146.

лись схемы построения центрального аппарата, в частности устанавливалось, что отныне его структуру составляют три основных управления (общих дел, хлебофуражное и продуктообмена) и такое же число крупных отделов (заготовок, снабжение мясопродуктами и жирами, организационный). Центральный аппарат становился менее громоздким, более управляемым и табельным, избавляется от многих мелких структур, унаследованных от министерства.[493]

Дальнейшие действия реконструированного характера (передача отдела посевных площадей в ведение Наркомата земледелия, подчинение Наркомпроду всех центральных: учреждений, занимавшихся вопросами производства и распределения товаров первой необходимости) осуществлялись в русле объявленной продовольственной диктатуры и регламентировались диктатами высших органов государства от 13 мая и 27 мая; 11 июня 1918 г., значительно расширявших права Наркомата и наделявших его чрезвычайными полномочиями. Так входила продорганизация страны в период жесточайших испытаний - период Гражданской войны и иностранной военной интервенции.

С момента своего возникновения, затем в трудные военные годы и, наконец, в оказавшиеся не менее напряженными мирные 1920-е гг. Комиссариат продовольствия и вся система продорганов страны продолжали оставаться на переднем крае борьбы с продовольственной разрухой, смертельным голодом, делая все, чтобы выполнить свою исключительно важную и столь же нелегкую миссию по обеспечению населения продуктами питания и товарами широкого потребления.[494]

Задачи, ставившиеся перед Наркомпродом на протяжении всего периода его существования, всегда несли на себе отпечаток экстраорди-

[493] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 94. Л. 5.

[494] Там же. Д. 1. Л. 42.

нарности и высокой значимости. В.И. Ленин говорил: «Кажется, что это борьба только за хлеб, на самом деле - борьба за социализм».[495]

Если абстрагироваться от утверждения борьбы за «социализм» абсолютно бесспорен вывод о том, что самоотверженная работа Наркомпрода спасала жизнь Республики и ее народа. Об этом самым убедительным образом свидетельствовала не только история первых послеоктябрьских месяцев, суровых лет войны, но и перипетии противостояния в условиях экономической блокады Советского государства в первые мирные 1920-е гг. На каждом из перечисленных этапов вопрос о том быть или не быть советскому государству, всегда принимал абсолютно риторическое звучание. Ответ на него находился в сфере самоотверженного, предельно энергичного функционирования всего государственного механизма и, в частности, одного из его ведущих звеньев - Наркомата продовольствия.

Вполне понятно, что масштабности и значимости осуществлявшихся Комиссариатом мероприятий должны были соответствовать материальные и организационные возможности продаппарата. Тщательности в отработке его структуры и схемы взаимосвязей всех звеньев системы в этой ветви советского государственного механизма всегда уделялось серьёзное внимание. Наркомат являлся одним из самых деятельных и слаженных учреждений Республики. Таким он входил в созидательный период восстановления народного хозяйства, период новой экономической политики.

Годы «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры наложили свой отпечаток на структуру и методы деятельности продорганизаций. Теперь же в новых условиях от многого необходимо было отказаться, многое нуждалось в корректировке. В частности, определённой реконструкции требовала сама система продорганов.

---

[495] Ленин В.А. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 421-422.

В первую очередь это относилось к основным исполнительным учреждениям комиссариата - губернским и уездным продкомам, на чьи плечи ложилась главная тяжесть исполнительской работы. Как правило, губпродкомы состояли из четырех основных отделов (заготовительного, распределительного, финансово-отчетного и административного), которые в свою очередь подразделялись на подотделы, отделения, секции и т.д. Причем их количество в отделах не носило строго фиксированного характера. Численно они формировались по усмотрению самих губпродкомов с учетом особенностей местных условий.

Серьезность подхода к определению структуры не только центральных, но и низовых звеньев Компрода была вполне оправданной. В сказанном нетрудно убедиться, анализируя полномочия отделов распределения губпродкомов. В их обязанности входило: составление планов снабжения, учет потребителей, обеспечиваемых государством, учет порядка расходования продуктов; составление планов внутригубернских перевозок, учет и организация движения; продуктов, контроль над деятельностью в сфере распределения аппарата кооперации и оказание ему содействия *в* организации общественных столовых, налаживание работы карточных бюро и снабжение населения продовольствием по карточкам.

Заготовительную и распределительную работу[496] Наркомпрод[497] осуществлял (помимо губернских) и через уездные продкомитеты являвшиеся одновременно, как и губпродкомы, отделами соответствующих исполкомов. С переходом к НЭПу стали вводится и определенные новшества. Теперь к операциям по заготовкам и распределению продуктов стали привлекать кооперацию и даже частных посредников. Правда последние, в

[496] Продовольственная газета. №132. 22 сентября 1921 г.

[497] Сам Наркомат продовольствия состоял из четырех управлений (заготовок, распределения, финансово-счетного и административного), осуществляющих руководство поименованными выше отделами губпродкомов / СУ РСФСР. 1922. №32. С. 382.

большинстве своем выпадая из круга учреждений, занимающихся распределением продуктов, довольно активно вовлекались продовольственными комитетами в дело заготовок.

Как и ранее, широко практиковалось введение в состав коллегий губернских и уездных продкомитетов представителей своих вышестоящих учреждений и делегатов потребляющих губерний.

Справедливо уделяя деятельности продовольственной организации самое пристальное внимание, правительство предоставляло Наркомпроду весьма широкие полномочия. Именно с переходом к новой экономической политике предпринимаются новые шаги по дальнейшему усилению позиций Наркомата. Подтверждая это, 21 марта 1921 г. СНК обнародовал декрет о предоставлении Народному Комиссариату продовольствия исключительного права издания необходимых документов правового характера по вопросам обеспечения населения продовольствием и предметами широкого потребления.[498]

С переходом к продналогу в недрах Управления заготовок Наркомпрода была сформирована на правах его отдела налоговая инспекция с разветвленной сетью своих звеньев в составе местных продкомитетов. При заготовительных конторах учреждались должности старших налоговых инспекторов, с необходимым штатом работников, осуществлявших непосредственный контроль за надлежащим исполнением налоговых обязанностей по продовольствию и сырью.

Следует отметить, что инспекторский отдел Управления, располагая разветвленной сетью своих низовых звеньев, функционировавших в каче-

[498] СУ РСФСР. 1921. №22. Ст. 136. Впоследствии, 9 сентября 1921 года, этот закон был дополнен декретом. В ЦИК, воспрещавшим губисполкомам и экономическим совещаниям вносить какие-либо изменения в распоряжения Наркомпрода / СУ РСФСР. 1921. №65. Ст. 496.

стве соответствующих продотделов местных продорганов, был наделен значительным объемом полномочий.[499]

Говоря - о правах налоговой инспекторской службы соответствующие меры к нарушителям продналогового законодательства необходимо отметить, что Положение об инспекции не расшифровывало характер санкций, условия их применения, порядок возбуждения и представления дел. Все это было сформулировано несколько позднее в утвержденной Совнаркомом 3 октября 1921 г. Инструкции по применению постановления Совета Народных Комиссаров от 15 июля 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене и о порядке возбуждения и направления дел об этих нарушениях».[500]

Говоря об известном усилении позиций Наркомпрода, думается, нельзя не обратить внимание на обширный круг прав уже упоминавшейся выше Центральной комиссии: по снабжению рабочих, функционировавшей при Комиссариате продовольствия.

В связи с организацией Высшего тарифного совета, чья деятельность регламентировалась специальным постановлением СНК от 1 июня 1922 г.,[501] круг полномочий Центральной комиссии по снабжению рабочих (а следовательно, и Наркомпрода) увеличивался еще больше. В частности, в изданном на этот счет постановлении Совета Труда и Обороны указывалось, что «Центральная Комиссия по снабжению рабочих, по соглашению с Высшим Тарифным, Советом в зависимости от состояния финансов Республики, определяет размеры норм (пайка) продовольственной части заработной платы в соответствии: с тарифным делением и принадлежностью трудящихся к той или иной отрасли народного хозяйства».

---

[499] СУ РСФСР. 1921. №49. Ст. 260.

[500] СУ РСФСР. 1921. №70. Ст. 567.

[501] СУ РСФСР. 1922. №39. Ст. 453.

Усилению позиций Наркомата продовольствия не могло не содействовать и укрепление его материально-технической базы, о чем, судя по всему, правительство проявляло постоянную озабоченность. Об этом свидетельствует систематически осуществлявшиеся в этом направлении те или иные акции Совнаркома и в частности вывод из подчинения ВСНХ мукомольно-крупяных предприятий страны и передача их в ведение Комиссариата.

Узаконенное постановлением СНК от 6 декабря 1921 г. «О передаче национализированных мукомольно-крупяных предприятий и управления из Высшего Совета Народного Хозяйства в Народный Комиссариат продовольствия»[502] решение было принято во изменение декрета от 22 июля 1921 г. «О порядке натуральной уплаты за переработку зерна и о порядке эксплуатации мукомольных и крупяных предприятий»,[503] а также соответствующей Инструкции по установлению порядка расчетов за переработку зерна, изданной 8 сентября 1921 г. в порядке дополнения к названному выше законоположению.

Эксплуатируя перешедшие к нему предприятия,[504] Компрод получал право передавать их в арендное пользование на устанавливаемых им условиях. Одновременно с этим Наркомат наделялся правомочиями пересматривать «распределение мельниц по категориям и изменить установленное Главсельпромом распределение мельниц по таковым категориям в случаях невыгодности с точки зрения государственного раздела».[505]

Еще ранее, в начале 1921 г., Наркомату было передано Главное управление молочно-хозяйственной промышленности («...со всеми предприятиями, заводами, хозяйствами, штатом, имуществом, инвентарем»),

[502] СУ РСФСР. 1921. №70. Ст. 670.

[503] Там же №57. Ст. 359.

[504] Там же. №70 .Ст. 670.

[505] Там же. П. 3.

находившееся ранее в ведении ВСНХ. В соответствии с декретом СНК «Об организации единого органа по заготовке и производству молочных продуктов» предусматривалось, что работа этих предприятий осуществляется под руководством местных продкомов на основе разработанного Компродом специального Положения.[506] Управление становилось самостоятельным структурным подразделением Комиссариата.

Мероприятия по укреплению материальной базы продорганизации имели большое значение для обеспечения лидирующей и активной позиции Наркомата продовольствия среди многих учреждений государства, занятых в сфере снабжения. К 1923 г. Комиссариат уже располагал обширной сетью собственных предприятий, производивших продукты питания.[507]

Определяя принципы и методы распределения, устанавливая нормы, порядок, очередность и пропорциональность снабжения различных групп и категорий потребителей, Наркомат поставил перед собой задачу - добиться единообразия и возможно большей эффективности процесса снабжения населения страны; продуктами, усиления своей роли; в том процессе.

Лидирующее положение отводилось Комиссариату и в области правотворческой инициативы, что не только обеспечивало ему приоритетность в данной сфере, но и служило действенным средством противостояния проявлявшимся сепаратистским, устремлениям других ведомств. Постановление Совета Труда и Обороны от 24 марта 1922 г. по поводу хода выполнения договора на поставку хлеба (9 млн. пудов), заключенного между Всероссийским Центральным Союзом Потребительских обществ и Наркомпродом, как нельзя лучше иллюстрирует сказанное.[508]

[506] Там же. №4. Ст. 33.

[507] СУ РСФСР. 1923. №30. Ст. 337.

[508] Там же. №26. Ст. 302.

Поскольку подобным операциям придавалось большое значение, то законодатель совершенно справедливо подвергал самой детальной (вплоть до определения порядка передачи органам продовольственного наркомата заготовленного кооперацией хлеба, фуража и т.д.) регламентации даже второстепенные положения заключаемых соглашений, требовал их неукоснительного и точного соблюдения.[509]

Помимо преимуществ правового характера продовольственная организация продолжала наращивать свою уже ставшую достаточно солидной материальную базу. Все же вместе взятое значительно упрощало Комиссариату проведение многих операций заготовительного процесса, делая все ветви этого учреждения не только достаточно независимыми, но и создавая им возможность более инициативно выполнять свои заготовительные функции, эффективнее использовать имеющиеся мощности.[510]

Наделяя Наркомпрод особыми полномочиями, правительство одновременно предъявляло весьма высокие требования и к самому продаппарату, добиваясь от него решительных действий по наведению порядка и пресечению всяких злоупотреблений и недобросовестности в деятельности центральных и местных продорганов.

В условиях исключительной напряженности ив связи с ухудшающимся продовольственным положением в стране все предпринимавшиеся правительством и Наркомпродом действия имели очень важное значение. Их актуальность стала особо ощутима и понятна со второй половины 1921 г., когда неотвратимость бедствий надвигающегося голода, вызванного жесточайшей засухой, вырисовывалась со всей очевидностью.

В целях согласования деятельности всех ветвей государственных учреждений, различных организаций; сосредоточения в одних руках нитей

[509] Там же. №28. Ст. 330.

[510] Продовольственный аппарат РСФСР. - М., 1921. С. 25.

управления и руководства работой в масштабах всей страны в оперативном; порядке была; сформирована Центральная комиссия помощи голодающим (Всепомгол), функционировавшая при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.[511]

Комиссия наделялась большими полномочиями и действовала под началом Президиума и Пленума, в состав которого входили руководители Высшего Совета; Народного Хозяйства (ВСНХ), комиссариатов (земледелия, путей сообщения, социального обеспечения, по делам национальностей, продовольствия, внутренних дел, рабоче-крестьянской инспекции, наркомтруда, реввоенсовета), представители общественных организаций - ВЦСПС, ЦК РКП (б), кооперации. Пленум действовал под руководством Председателя ВЦИК. В качестве местных органов Комиссии помощи голодающим должны были действовать комиссии в областях, учреждавшиеся по, решению Пленума Центральной комиссии помощи голодающим.

В соответствии с положениями декрета ВЦИК от 20 октября 1921 г. устанавливался правовой статус и порядок деятельности Всепомгола определялись его основные задачи. По существу Центральная комиссия превращалась в организационный и оперативный центр всей работы, нацеленной на противостояние общенародному бедствию, наделялась правом использовать аппарат любых ведомств для реализации намеченных мероприятий.[512]

Президиум Центральной комиссии, помимо рассмотрения вопросов планирования мероприятий, организации: процесса их реализации и др., решал самые безотлагательные задачи оперативного характера. Особо важные и принципиальные вопросы, равно как и все остальные, по которым по различным причинам не было найдено решение на Президиуме,

[511] СУ РСФСР. 1921. №20. Ст. 122; №70. Ст. 562.

[512] Там же. П.6.

передавались на; обсуждение Пленума Центральной комиссии. Принимаемым в этих случаях постановлениям, предварительно согласованным с наркоматами; придавался обязательный для исполнения всеми учреждениями и организациями характер.

Постановления, по которым не удавалось достигнуть согласия, надлежало в срок не позднее 48 часов передавать на рассмотрение СНК или ВЦИК.[513] О своей деятельности Всепомгол отчитывался ежемесячно, направляя сводки о работе в Президиум ВЦИК.[514]

Учитывая, что источниками средств для борьбы с голодом являлись ресурсы не только самого государства, но и пожертвования как внутри Республики, так и средства, поступившие из-за рубежа, правительством были предприняты действенные меры по правовому обеспечению этих акций. Говоря об этом, уместно было бы сослаться на постановления Совета Труда и Обороны, принятые в феврале 1922 г. «Об обеспечении вывоза заграничных продовольствия и семян»,[515] «О продвижении по железным дорогам семян и продовольственных грузов».[516]

11 февраля 1922 г. был обнародован декрет ВЦИК «Об общегражданском налоге для оказания помощи голодающим и на усиление: средств по борьбе с эпидемиями».[517] В соответствии с законом, названный налог взимался со всего трудоспособного населения (мужчин - с 17 до 60 лет, женщин - с 17 до 55 лет включительно). Исключение составляли крас-

[513] СУ РСФСР. 1921. №70. Ст. 562. П. 9.

[514] Несколько позднее была создана Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода с разветвленной сетью своих органов на местах, просуществовавшая до второй половины 1923 года. 1 августа 1923 года названная комиссия была ликвидирована, а средства ее переданы различным фондам, и ведомствам. СУ РСФСР. 1922. №58. Ст. 731; 1923. №62. Ст. 685, 686.

[515] СУ РСФСР. 1922. №16. Ст. 164.

[516] Там же. Ст. 165.

[517] СУ РСФСР. 1922. №16. Ст. 167.

ноармейцы, милиционеры, учащиеся государственных учебных заведений, лица, состоящие на социальном обеспечении, женщины, имеющие на своем иждивении детей в возрасте до 14 лет, домашние хозяйки многодетных (более 5 человек) семей, нетрудоспособные члены семьи, не имеющие самостоятельного заработка. Сюда же относились и жители сельскохозяйственных регионов, освобожденных от налогов в связи с неурожаем и находящихся под опекой Комиссии помощи голодающим.

Все поступавшие от каждой губернии или области суммы налогового сбора подлежали зачислению на счет Центральной комиссии помощи голодающим. Механизм налогообложения регламентировался специальными Правилами, изданными в качестве Приложения к названному выше декрету ВЦИК.[518]

С переходом к новой экономической политике и оживлением торговли серьезное внимание было обращено на деятельность ярмарок. К жизни вновь призывались, обширнейшие торги, активно функционировавшие в досоветское время и связывавшие тогда не только самые отдаленные регионы громадной Российской империи, но и выводившие ее на внешнеторговые пути. Сейчас эти центры торговли вновь оживали и начинали действовать в традиционных центрах (Ирбит, Баку, Киев и др.) так, как это делалось и в те, не так далеко ушедшие, - прежние времена.

Особенно эффективной предполагалось стать ярмарке в Нижнем Новгороде. Как и в досоветский период, она опять должна была превратиться в самый значительный и оживленный центр торговли, перепутье дорог торговцев не только России, но и многих соседствующих с ней стран. Учитывая это, а также ожидаемый серьезный экономический эффект, Совет Труда и Обороны принимает 25 июля 1922 г. постановление «Об установлении обложения с оборота предприятий на Нижегородской

[518] Там же.

ярмарке в пользу Центральной Комиссии Помощи Голодающим». [519] Одновременно предполагалось произвести учет сделок и оборотов частных фирм и осуществить налогообложение всех этих предприятий. Все увеселительные учреждения и организации, сопутствовавшие ярмарке, должны были облагаться 10%-м налогом и 5%-ми отчислениями от своего валового оборота.

Важным направлением и сферой приложения особых усилий государства стало обеспечение товарами первой необходимости и продуктами. Примером» такой работы была организация продовольственного снабжения Уральского промышленного региона. Постановлением принятым 4 января 1922 г. «Об обеспечении продовольствием промышленности Урала», Совет Труда и Обороны не только обозначил сроки выполнения поставленной задачи и объемы предстоящей работы, но и указал пути и способы решения проблемы.[520]

Общее руководство проведением планировавшейся работы возлагалось на Наркомпрод, который силами аппарата Центральной комиссии по снабжению рабочих - одной из его ведущих структур должен был скоординировать усилия других организаций, привлекаемых правительством к данному делу. В частности, помимо Высшего Совета Народного Хозяйства к их числу были отнесены Уральское экономическое совещание (Уралэкосо), Наркомат путей сообщения, Наркомат внешней торговли.

Особых забот и внимания потребовала организация питания детей. Декретом от 22 февраля 1921 г. «О мерах к осуществлению коммунального питания детей» Совнарком предусмотрел создание необходимых для этого запасов продовольствия, расходование которых для удовлетворения других нужд запрещалось самым ультимативным образом. С учетом упомянутых фактов местные органы Компрода и Народного комиссариата просве-

[519] СУ РСФСР. 1922. №46. Ст. 583.

[520] СУ РСФСР. 1922. № 1.Ст. 135.

щения производили распределение продуктов по столовым и раздаточным пунктам школ и детских учреждений.[521] Так старались делать не только в городских, но и сельских местностях страны. В целях улучшения положения детей, особенно беспризорных, ВЦИК и СНК учредили именные денежные фонды.[522]

Серьезное значение имели мероприятия, предпринятые Наркомпродом и Комиссариатом просвещения по организации столовых и раздаточных пунктов для осуществления коммунального питания детей в школах и детских учреждениях (декрет СНК от 22 февраля 1921 г.).[523]

Упомянутый закон не был единственным в перечне юридических документов, принимавшихся в целях правовой регламентации и осуществления запланированных мероприятий. До него, 8 февраля того же года, Совнарком утвердил постановление «Об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений»,[524] которым Совет Народных Комиссаров обязал Наркомпрод сформировать в губерниях и областях специальные фонды, предназначенные для удовлетворения потребностей лечебных учреждений и детских учреждений, находящихся в ведении Наркомздрава.

Декретом СНК от 10 марта 1921 г. «Об организации питания детей в сельских школах»,[525] практическое осуществление мер организации питания сельских школьников было возложено на волостные и сельские исполкомы Советов с широким привлечением к этому делу работников местных

[521] Известия ВЦИК. №56. 1921. 15 марта.

[522] Известия ЦИК и ВЦИК. 1925. №27. 3 февраля.

[523] СУ РСФСР. 1921. №19. Ст. 120.

[524] Там же. №18. Ст. 11.

[525] Там же. №21. Ст. 129.

органов просвещения. Руководство всей работой возлагалось на уездные комитеты продовольствия и уездные отделы образования.[526]

Целый ряд мероприятий, направленных на улучшение положения детей, систематически принимался и в последующие годы, в частности передача ВЦИК средств Всепомгола после его ликвидации в 1923 г.[527] Значительные средства были переданы и нуждающемуся сельскому населению, «пострадавшему от недорода и других стихийных бедствий».[528]

Источником громадной силы как морального, так и материального характера могла и должна была стать консолидация сил советских республик. В годы Гражданской войны возникло и получило свое правовое оформление военно-политическое содружество советских республик. Необходимым дополнением, значительно усилившим и укрепившим этот союз, стало их сотрудничество в области экономики, в частности их совместная- деятельность на продовольственном фронте. Центром, сосредоточившим все нити управления на данном, исключительно важном участке хозяйственной работы, стал Наркомат продовольствия РСФСР. Многие факты свидетельствовали в пользу вывода о месте и лидирующей роли этого ведомства. В частности, организация товарообменных операций с УССР,[529] сотрудничество с другими республиками.[530]

---

[526] Там же. П. 2.

[527] СУ РСФСР. 1923. №62. Ст. 585.

[528] Там же. №69. Ст. 665.

[529] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Известия Наркомата продовольствия. 1918. №20-21. С. 30.

[530] Звезда. 1919. №376. С. 2; Правда. 1919.27 марта; Известия ВЦИК. 1919. 12 февраля С. 4; Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция. Документы и материалы. - Рига, 1959. Т. 2. С. 28; Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций (1918-1956 гг.). - Киев, 1958. С. 39; Звезда. 1919. №384. С. 4; Известия ВЦИК. 1919. 23 марта С. 3; Звезда. 1919. №385. С. 4; Правда. 1919. 11 марта; СУ УССР. 1919. №3. Ст. 61; Там же. №6. Ст. 82;

В 1921 г., когда над Республикой нависла новая опасность, объединение сил братских народов вновь стало потребностью первостепенной значимости.

Неоценимый вклад в дело оказания помощи РСФСР внесло население Украины. В связи с уже упоминавшимся неурожаем и голодом 1921 г. в республике был создан Комитет помощи трудящимся России, функционировавший при Всеукраинском ЦИК. Постановление Комитета о самообложении населения Украины позволило создать запас продуктов для питания 170 тыс. человек.[531] Большое практическое значение имела работа Комитета по претворению в жизнь декрета ВЦИК, принятого в октябре 1921 г. и предусматривавшего порядок закрепления голодающих районов России за областями и губерниями УССР в целях оказания планомерной, организованной помощи.[532]

В деле победы над голодом и налаживании снабжения трудящихся продуктами питания нельзя не отметить и работу Представительства правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи России. Представительство имело своих уполномоченных во всех районах, где функционировали заграничные организации помощи.

Работу всей сети уполномоченных возглавлял Полномочный представитель правительства РСФСР и Украины, которому вверялось право заключения договоров с комитетами помощи различных государств.[533] Под руководством уполномоченных этого Представительства на территории

Декреты Советской власти. Т. V. С. 261; Правда. 1920. 31 января; Звезда. 1920. 18 декабря. С. 2; Правда. 1920. 4 марта. С. 2.; Правда. 1920. 31 января; Звезда. 1920. 18 декабря. С. 2; Правда. 1920. 4 марта. С. 2.; Известия Наркомата продовольствия РСФСР. 1920. №1-2. С. 42.

[531] Известия Саратовского Совета. 1922. 1 февраля. №2.

[532] СУ РСФСР. 1921. №70. Ст. 562; Черная година. 1922. №1. С. 23.

РСФСР действовали и многочисленные врачебно-питательные отряды, созданные по указанию правительства УССР. Начиная с осени 1921 г., отряды организовали достаточно разветвленную сеть пунктов питания и медицинской помощи.[534]

Значительно активизировал свою работу Наркомат продовольствия Украины, возглавивший заготовку продуктов питания для России. Благодаря его интенсивной деятельности уже к 20 декабря 1921 г. было заготовлено 57 млн. пудов хлеба, 8 млн. пудов картофеля, 1757600 пудов мяса другие продукты. До 1 января 1922 г. из Украины было направлено в РСФСР 17137 вагонов продовольствия.

Благодаря мерам, принятым правительством Украины, проведенной повсеместно огромной агитационной работе, широкий размах приняло движение за оказание помощи населению России непосредственно среди трудящихся республики. «Рабочие и население Украины дают 164 тысячи голодных пайков», - писала газета в феврале 1922 г. Украинские рабочие и крестьяне делились со своими русскими братьями чем могли. Так, например, Кременчугским губернским комитетом помощи было прислано в адрес населения Саратовской губернии 1076 пудов муки, 373 пуда зерна, 27 пудов пшена, 27 пудов проса и 3 пуда сухарей.

Жители Киевской губернии собрали в фонд помощи голодающим более 1 млрд. рублей, а также различные продукты, в том числе 59595 пудов хлеба, 4157 пудов картофеля, 468 пудов сахара и др. Только в адрес Саратова из этого фонда было занаряжено более 20 вагонов с мукой (18 тысяч пудов).

Пожертвования в фонд помощи России шли непрерывным потоком. В январе 1922 г. конный корпус имени ВЦИК, входивший в состав украинской армии, взял на себя обязательство ежемесячно отчислять в помощь

[534] Черная година. 1922. № 1. С.38

голодающим трехдневный продовольственный паек. Этот же корпус организовал содержание 2 детских приютов.

В январе 1922 г. Совет Народных Комиссаров Украины принял постановление о взятии на иждивение трудящихся голодающих губерний России. Благодаря этой инициативе правительства УССР, подхваченной и другими республиками, представилась возможность вывести из голодавших мест РСФСР значительное количество населения. В частности, только из находившегося в катастрофическом положении Поволжья в короткий срок было эвакуировано 650347 человек, в том числе более 397 тысяч рабочих с семьями и 43155 детей.[535]

Несмотря на большое положительное значение деятельности комитетов помощи и других аналогичных организаций, в борьбе с голодом нужны были более кардинальные и широкомасштабные меры. Поэтому в целях облегчения положения населения регионов, пораженных стихийными бедствием, а также для накопления здесь хотя бы минимальных запасов под посев будущего хозяйственного года правительство РСФСР освободило эти районы от обложения натуральным налогом.[536]

Решением ВЦИК губисполкомам этих мест представлялось право формирования специальных отрядов. Они направлялись на уборочные работы и обмолот хлеба в благополучные с точки зрения оценки размеров полученного урожая области. Заработанная натуроплата (продукты питания и семенной материал) обеспечивалась транспортом «на одинаковых с государственным семенным фондом» началах и одинаковым способом перевозилась, в пострадавшие (откуда направлялись отряды) регионы.[537]

В соответствии с декретом все продгрузы принимались к перевозкам железной дорогой без ограничений графиков и вне всякой очереди.

---

[535] Черная година. 1922. №1. С. 21.

[536] СУ РСФСР. 1921. №58. Ст. 374.

[537] Там же. С. 378; СУ РСФСР. 1922. №2. Ст. 33.

Доставка уборочных отрядов в местности, определенные планом народных комиссариатов продовольствия и земледелия, производилось в таком же порядке, как и передислокация военных формирований, предельно оперативно и бесплатно.

Почти одновременно с декретом ВЦИК от 4 августа 1921 г. были введены специальные отчисления в пользу голодающего населения. «Установить на период 1921-1922 гг. натуральное отчисление в размере одного фунта с каждого пуда продовольственных продуктов, заготавливаемых путем товарообмена, как государственного, так и кооперативного»,[538] - гласил закон.

Порядок отчисления и передачи продуктов, полученных от сбора в фонд голодающих, определялся Инструкцией Наркомпрода, разработанной на основе названного выше декрета.

В конце 1921 г., 14 декабря, декретом СНК «О порядке отпуска государством предметов питания и широкого потребления» население голодающих районов России было отнесено к категории потребителей, которым продовольствие и товары первой необходимости отпускались бесплатно в порядке государственного снабжения.[539] Такие экстренные меры были предприняты по обеспечению питанием рабочих крупных промышленных регионов страны (Урала, Донецкого угольного бассейна и др.) . В частности, к числу таких мер можно отнести и создание Чрезвычайной комиссии по ускорению транспортирования и доставки: семенных и продовольственных грузов (Чрезкомтран).

Комиссия функционировала при Совете Труда и Обороны и наделялась широкими полномочиями. Ее решения (принимались и опубликовывались от имени СТО и носили обязательный характер для любых ведомств и учреждений на территории всей страны. Комиссия возглавлялась

[538] СУ РСФСР. 1922. №1. Ст. 12.

[539] СУ РСФСР. 1922. № 1. Ст. 11.

Л.В. Красиным и имела в своем составе помимо заместителя Председателя СТО (А.Д. Цюрупы), представителей ВСНХ и Наркомпрода.[540]

Как уже упоминалось выше, в июне 1922 г. по решению Совета Труда и Обороны формируется Центральная комиссия по снабжению рабочих. Через свои губернские и областные подразделения эта организация проделала большую работу по переводу на государственное снабжение рабочих промышленных предприятий страны, служащих госучреждений, а также осуществляла контроль над реализацией принятых на этот счет планов. Фактором, обусловившим достаточно эффективную работу Центральной комиссии, стала ее тесная связь с Наркоматом продовольствия.

Серьезное внимание было уделено организации работы заготовительных контор, чьи функции, структура, характер взаимосвязей с местными органами Наркомпрода определялись специальной Инструкцией, утвержденной Коллегией Комиссариата 29 апреля 1921 г.: «Настоящим разъясняется, что техническим местным органом по продналогу и государственному товарообмену является заготовительная контора, каковая попрежнему служит единственным рабочим органом, обслуживающим приемочную по налогу сторону и концентрирующим всю технику деятельности по приему, хранению и переработке всех продуктов, а также всех предметов сырья, поступающих в распоряжение государства».[541]

Для удобства организации работы заготовительных контор, территории губерний делились на так называемые приемочно-заготовительные районы. Особое внимание при этом обращалось на административные границы волостей. При определении границ заготовительных районов следовало поступать таким образом, чтобы при любых обстоятельствах волость, полностью охватывались деятельностью конкретной конторы. Следует все же отметить, что границы влияния каждой конкретной заготконторы вос-

[540] Известия ВЦИК. 1922. 15 марта. №60.

[541] Продовольственная газета. 1921. 8 окт. №139. С. 23, 30.

принимались с известной долей условности, поскольку они (конторы) должны были располагаться так, чтобы: во-первых, быть максимально приближенным к производителю продукции - крестьянину, а во-вторых, находиться на развязке транспортных магистралей.

Функции заготовительных контор очерчивались кругом задач, смысл которых вытекает из самого названия этих организаций. Вместе с тем такое упрощенное восприятие функциональных обязанностей заготконтор было бы не совсем правильным и в значительной степени суженным. Дело в том, что конторы не только принимали продукцию, поступающую по продналоговым обязательствам, но и осуществляли заготовку путем продуктообмена, что требовало ведения дополнительной денежной и материальной отчетности.

Вполне понятно, что подобного рода обязанности могли выполняться при наличии достаточно тесных связей с аппаратом Наркомпрода. Здесь, как представляется, наиболее интенсивно конторы контактировали с уездными продовольственными комитетами.

Находясь в непосредственном ведении губпродкомов, а потому и отчитываясь перед ними по всем направлениям хозяйственно-технической, счетно-бухгалтерской и финансовой работы, заготовительные конторы на деле (в процессе выполнения практических заготовительных операций) подпадали под надзор и контроль упродкомов - нижестоящих местных звеньев системы учреждений Комиссариата продовольствия. Именно здесь, на этом уровне, и реализовывались взаимосвязи с конторами, осуществлялось реальное руководство их деятельностью. Кстати, именно упродкомы наделялись преимущественным правом рекомендовать свои кандидатуры на должность заведующих заготконтор, утверждение которых осуществлялось губернскими исполкомами.

Право на автономное существование в недрах Наркомпрода, наряду с аппаратом заготовительным, обрела и система органов распределения.[542] Управление распределения Наркомпрода венчало пирамиду учреждений этой категории. Отделы распределения губернских и уездных продкомов составляли ее нижестоящие звенья. «Основная задача продраспредов при нынешних условиях - это экономное и целесообразное распределение ограниченных продовольственных ресурсов согласно указаний Наркомпрода, то есть точное и неуклонное выполнение общегосударственного плана снабжения, вырабатываемого центром. Задание это становится для губраспредов тем более ответственным, что технически государственное распределение должно быть сосредоточено в кооперации. Поэтому надлежащая расстановка контроля над распределительной деятельностью кооперации для губраспредов имеет первостепенное значение»,[543] - так определялась главная, задача и поле деятельности исполнительских звеньев аппарата распределения.

Отделы распределения губпродкомов подразделялись на подотделы: общий; планово-распределительный; контрольно-распределительный и подотдел карточной системы. Достаточно разветвленная схема построения отделов свидетельствовала не только о немаловажной их роли в цепи учреждений Наркомпрода, но и значительной по своему объему осуществляемой ими работе. Об этом можно было бы судить и по кругу обязанностей, возлагавшихся на тот или иной из подотделов. Например, в обязанности планово-распределительного политотдела входило составление планов внутригубернского снабжения, определение очередности и пропорциональности распределения поступающих для губернии продовольствия и

[542] На этом направлении Наркомпрод действовал энергично, занимая в последующем лидирующие позиции среди других хозяйственных учреждений государства / СУ РСФСР. 1923. №15. Ст. 197.

[543] Известия Наркомата продовольствия. 1921. 22 сентября. №132.

товаров первой необходимости, содействие кооперативным учреждениям в организации общественного питания (столовых), составления планов внутригубернских перевозок, а так же учет потребителей, состоявших на государственном снабжении, учет расходования продовольствия.

Достаточно сложной была и работа по организации в городах и промышленных центрах на территории губернии структур, ведущих учет обеспечения населения по карточкам. Чаще всего эта обязанность возлагалась, на соответствующие звенья уездных продкомитетов, строившихся по аналогии с губпродкомами и копировавших не только их структуру, характер взаимосвязей, но и содержание проводимой работы.

Прилагая всевозможные усилия собственного аппарата и активно сотрудничая с другими учреждениями Советского государства, Народный Комиссариат продовольствия решал нелегкую проблему снабжения продуктами и товарами первой необходимости в сложной обстановке начального этапа восстановительного периода. Делалось все, чтобы охватить не только территорию центра страны, но и постараться помочь жителям отдаленных регионов. Декретом Совнаркома от 16 июля 1923 г. «О снабжении населения Крайнего Севера продовольствием и предметами первой необходимости» губисполкомы Архангельской, Мурманской, облисполкомы Уральской и Коми (зырян) области, Сибирский и Дальневосточный ревкомы, ЦИК Якутии обязывались осуществить детальный план снабжения этих территорий, обеспечить оперативное выполнение разработанных СНК планов.

Курс на новую экономическую политику, принятый пролетарским государством, призвал к жизни и новые методы работы. Народный Комиссариат продовольствия, приспособленный в годы военного коммунизма действовать в жесткой административно-приказной форме военно-продразверсточных мероприятий, теперь должен был достаточно круто менять подходы к организации своей деятельности. Необходимо было ид-

ти на использование не только непривычных Наркомпроду коммерческих методов работы, но и на сотрудничество с частными предпринимателями.

Для обеспечения промышленных центров продовольствием при энергичном участии Наркомпрода формируется акционерное общество «Хлебопродукт», которому Комиссариат передал значительные товарные фонды для реализации обменных операций. В состав акционерного общества были переведены и многие работники различных структур системы Компрода. Цель мероприятия - установить прочные деловые связи с деревней. «Хлебопродукт» на этой основе первый строит деловую коммерческую смычку с деревней, продавая ей товары и покупая от нее, расплачиваясь ли товаром, или товарами и деньгами за продукты сельского хозяйства»,[544] - сообщалось в одном из - выступлений на заседании коллегии Комиссариата продовольствия.

В процессе решения возникающих проблем «Хлебопродукт» мог использовать государственные приемные пункты, заготовительные конторы. Использованию подлежали и все связи Комиссариата на периферии. Посредством приведения в движение всего этого механизма акционерное общество, «разбросав» на всем пространстве глубинки страны свои структуры, намеревалось собрать в деревне не только продукты питания для города, но и сырье (пушнину, лен и т.д.) для легкой и обрабатывающей' промышленности с целью последующего обеспечения населения товарами первой необходимости.

Следующим шагом был перевод на коммерческую деятельность таких звеньев Компрода, как «Госмолоко», «Главрыба», Управление мясохладобойной промышленности, Центральное управление продовольственными совхозами. На основе хозрасчетных начал эти организации должны были сотрудничать с акционерами «Хлебопродукта» в ходе осу-

[544] РГАЭ. Ф. 6789. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.

ществления им заготовительных и торгово-закупочных операций, усиливать его заготовительные звенья. Примером тому служит работа структур «Госмолоко». Их операции в деревне носили взаимовыгодный для сторон характер. Выигрывал крестьянин, избавленный от необходимости изыскивать дополнительные средства для доставки своей молочной продукции в город, выигрывало и городское население, поскольку «Госмолоко» осуществляло реализацию своей продукции, по ценам более приемлемым для покупателя, чем у частника. Кроме того, располагая известными материальными фондами (промтовары, посуда, сигареты, корма, оборудование, инвентарь и т.п.), подразделения «Госмолоко» были интересны сельскому жителю и как партнеры по товарообмену. Причем партнерами у госорганизации теперь уже все чаще становились не только отдельные крестьянские дворы, но и сельские кооперативные объединения. Намечалось и проведение с участием «Госмолоко» операций по экспорту. В частности, государством были выделены необходимые кредиты для обеспечения поставки «Госмолоко» партии масла на внешний рынок.

На фоне предпринимавшихся мер исключительно значимый характер приобретали действия кооперации. Связи ее учреждений с продовольственным комиссариатом носили давний и устойчивый характер. Предоставляя кооперации возможность арендовать элеваторы, оказывая взаимопомощь средствами своего мясохладобойного и холодильного хозяйства и др., Наркомпрод, в свою очередь, пользовался услугами кооперативных союзов в проведении на селе закупки скота, хлеба, мяса и других продуктов.

Предполагалось для этих целей образовать акционерное общество «Продовольственный и экспортный банк». Устав его был разработан учредителями - Народным Комиссариатом продовольствия, Наркомземом,

Наркомвнешторгом, «Хлебопродуктом»[545] - и представлен в 1923 г. на утверждение правительству. «Высшее завершение смычки деятельности Наркомпрода с деревней, - отмечалось в документе, - будет тогда, когда основа кредита для торговых операций с сельскохозяйственным сырьем и продовольствием для всех органов Наркомпрода и для экспорта будет закреплена специальным кредитным учреждением».

Для успешного выполнения заготовительных работ продовольственному наркомату передавалась и значительная доля складского хозяйства страны. Владение им предусматривало необходимость детальной регламентации взаимоотношений Комиссариата в деле эксплуатации хранилищ с другими ведомствами. В издаваемых на этот счет нормативных актах достаточно четко просматривалась тенденция к увеличению числа складов в первую очередь под продовольствие. В частности, во второй половине 1923 г. постановлением Совета Труда и Обороны Наркомпроду были переданы хранилища, находившиеся в полосе отчуждения железных дорог и в связи с этим подлежавшие до сих пор ведению Наркомата путей сообщения. Как указывалось в правовом документе, передача складов производилась с целью обеспечения надлежащего проведения хлебозаготовительной кампании 1923-1924 гг. операционного года.

Налаживая снабжение продовольствием, Наркомат обращал, как уже отмечалось выше, достаточно серьезное внимание на обеспечение населения окраинных районов страны. Формировались, к примеру, специальные фонды для Забайкалья, Мурманской, Архангельской губерний, Сибири и др.[546]

Тесно контактируя с продаппаратом других советских республик и координируя их деятельность, как это было в годы Гражданской войны,

---

[545] Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте: Государственное регулирование хлебного рынка в условиях НЭПа 1921-1927 г. - Новосибирск, 1992. С. 43.

[546] Там же. №*62*. Ст. 803.

трагических событий 1921-1922 гг., Наркомпрод РСФСР тем не менее выступал как равный аналогичным учреждениям других республик орган, партнер по совместной деятельности. С образованием Советского Союза ситуация должна была кардинально изменится. Отныне все республики, в том числе и РСФСР, должны были создать единую для всей страны продовольственную организацию, находящуюся в централизованном управлении единого для всего государства органа.

14 июля 1923 г. состоялось совещание руководителей Комиссариата продовольствия, обсудившее вопрос о выработке Положения *о* Народном Комиссариате продовольствия СССР. На совещании были высказаны предложения об основных функциях Наркомата и его структуре. В непродолжительное время, 23 июля 1923 г., проект Положения (окончательный вариант) был представлен на утверждение нарко**ма.**[547]

В круг ведения Комиссариата продовольствия СССР («Объединенного комиссариата») согласно Положению входила разработка основных инструкций и правил пользования продналоговым законодательством, разработка единой формы отчетности, установление сроков заготовки и ассортимента, продуктов, подлежащих сдаче по продналогу, определение пропорций натуральной и денежной долей налога, выработка плана, использования продовольственных ресурсов государства и контроль за его выполнением, распоряжение продовольственным резервным фондом Совета Труда и Обороны; выделение из него соответствующих фондов в республиках, контроль за формированием специальных фондов, в том числе и экспортного, планирование и контроль за их использованием, руководство всеми хозяйственными органами общесоюзного значения («Главрыба», Мясохладобойный центр, «Госмолоко», Мельничный центр).

[547] РГАЭ. Ф. 6789. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

Под начало Наркомпрода СССР наряду с другими переходили управления государственными предприятиями, действовавшие на основании особых положений, утвержденных высшими инстанциями страны.

В числе таких управлений перечислялись учреждения, возглавлявшие производство рыбной промышленности, мельничного хозяйства, мясохладобойные и молочные комбинаты.

Положение достаточно подробно регламентировало полномочия каждого из центральных управлений Наркомпрода (управление делами, управление заготовок и распределения; управление рыбного хозяйства, экономико-производственное управление). В частности, управление делами было обязано наблюдать за правильностью и своевременностью проведения в жизнь продовольственными комиссариатами республик законов, распоряжений и различных установлений высших органов власти и управления СССР, относившихся к прерогативе структур комиссариата; выполнять контроль за деятельностью кадрового состава республиканских комиссариатов; осуществлять разработку и согласование законодательных предположений, вносимых в высшие органы Союза.

Положение одной из главных структур Наркомата по-прежнему отводилось управлению заготовок, и распределения. Практически, вся: производственная работа Комиссариата концентрировалась в данном структурном подразделении. Это отразилось, и на его конструкции, включавшей пять отделов (оперативно-учетный, налоговый; распределительный, заготовительный, инспекционный).

Достаточно широким кругом обязанностей, к примеру, характеризовалась деятельность экономико-производственного управления, которое должно было организовывать и контролировать работу промышленных и? торговых предприятий, входивших в систему Наркомпрода. Это был достаточно серьезный потенциал, включавший в себя тресты, синдикаты и другие производственные организации общесоюзного значения.

Не менее важным участком, приковывавшим внимание управления, было осуществление функций внешневедомственного характера, связанных с согласованием деятельности не только республиканских структур, но и решением задач, вытекавших из взаимодействия с другими ведомствами и учреждениями. Естественным было отнесение к его ведению и функций подготовки проектов правовых документов, направленных на организацию деятельности, производственных структур пищевой промышленности, находившихся в ведении Комиссариата продовольствия СССР.

Говоря об определенной реконструкции структуры продорганизации, хотелось бы отметить также и факт появления несколько ранее в составе местных продорганов отделов, ответственных за налаживание совместной работы с учреждениями кооперации. В анализируемой схеме, утвержденной 22 сентября 1921 г. ВЦИК и СНК,[548] это нашло свое отражение в появлении контрольно-кооперативных подотделов в губернских и уездных продовольственных комитетах.[549]

Входя в состав отделов распределения губпродкомов в ранге подотдела и самостоятельных отделов в составе уездных продкомитетов, эта структура наделялась обязанностями осуществлять систематический контроль над работой в сфере распределения кооперативных организаций, осуществлять проверку отчетности о проведенных кооперацией мероприятиях по распределению продовольствия и товаров промышленного производства. Так входил Народный Комиссариат продовольствия в последний год своего существования.

В 1924 г. уже отчетливо обрисовались контуры «наследников» Комиссариата продовольствия, возникавших за его спиной и торопившихся очертить сферы своего влияния. Не вызывали, к примеру, никаких сомнений устремления Наркомата внутренней торговли. Достаточно контрастно

[548] СУ РСФСР. 1921. №31-32. Ст. 378, 379, 382.

проявлялись функции кооперативной системы. О прерогативах же упоминавшегося ранее «Хлебопродукта» следует сказать несколько особо. Эта организация, судя по ее заявлениям, претендовала на осуществление миссии связующего звена не только между производящими и потребляющими регионами СССР, но и со всем внешнеторговым рынком. В планах «Хлебопродукта» операции экспортно-импортного характера значились как одни из первостепенных.[550]

Готовясь к выполнению намеченных серьезных задач, «Хлебопродукт» в 1924 г. приступил к реконструкции своего центрального аппарата. Следует при этом отметить, что данная реорганизация была предопределена и осуществлялась также в связи с целым рядом других обстоятельств. В частности, «Хлебопродукт» укрупнялся и за счет других учреждений пополнялся производственными мощностями; которые передавались ему по указанию директивных органов. Структуры центрального ведомственного аппарата «Хлебопродукта» (хлебофуражный, сырьевой, продуктовый, производственный, финансовый, общий (организационный) отделы и центральная бухгалтерия) обладали обширными полномочиями и распространяли свою власть на большие территории. Пример тому - хлебофуражный отдел.

В обязанности этой структуры «Хлебопродукта» входило планирование мероприятий и осуществление оперативного руководства деятельностью местных ответвлений (губернских и областных контор), выходившее далеко за пределы РСФСР. Для проведения этой работы в отделе были созданы подотделы (восемь), курировавшие районные отделения, охватывавшие по региональному признаку обширные территории страны, куда входили Украина и Крым, Закавказье и Туркестан, Урал и Сибирь, Центральный земледельческий район, Поволжье и др.

[550] СУ РСФСР. 1921. №4. Ст. 18, 19, 35, 22.

Аппарат хлебофуражного отдела разбивался на пять подразделений: торгово-договорное, учетно-плановое, экспортное, тарного хозяйства, инспекционно-складское.

Торгово-договорный отдел возлагал на себя осуществление всей работы по заключению договоров поставки хлеба, зерновых, фуража с учреждениями и ведомствами, государства, а также с представителями кооперативных союзов. Отдел вел переписку и решал вопросы о пролонгации ранее заключенных договоров с учетом выполнения обязательств контрагентами, курировал учетно-планово-договорное отделение, входившее вместе с двумя другими (по заготовке и реализации; пушнины) в еще одну структуру «Хлебопродукта» - сырьевой отдел.

Серьезный' объем работ выполнял продуктовый отдел, чьей задачей являлась заготовка и реализация скоропортящихся продуктов внутри страны и за рубежом. Поставки на внешний рынок производились по договорам с иностранными фирмами и на их кредиты. Специально для осуществления контактов с внешнеторговыми партнерами при отделе действовали уполномоченные фирм и акционерных обществ. «Хлебопродукт» распоряжался большим количеством, мельниц, крупорушек и т.д. Руководство мельничным хозяйством возлагалось на производственный отдел Наркомпрода. Своеобразным штабом акционерного общества являлось общее управление (организационный отдел).[551]

О том, насколько значительным и разнообразным был круг вопросов, решавшихся управлением, говорит его сложная структура, состоявшая из семи бюро: инспекторского, транспортного, экономического, страхового, учетно-распределительного; хозяйственного; юридического. Последнее помимо правового обслуживания центрального аппарата и местных (столичных) контор курировало судебные дела «Хлебопродукта».

[551] Бюллетень акционерного общества «Хлебопродукт». 1926. №1-2. С. 8.

Исследуя круг обязанностей, к примеру, юридического бюро, следует отметить, что в 1924 г. инструктирование местных (столичных) контор и ведение претензионных дел в пределах страны (за исключением Сибири и Дальнего Востока) временно передавалось претензионному отделению транспортного бюро общего Управления акционерного общества.

Анализируя характер системы «Хлебопродукт» и те преобразования, которые в ней совершались в последнее время, можно отметить, что, покидая поле деятельности, Народный Комиссариат продовольствия передавал свое дело в достаточно надежные и крепкие руки. «Основная работа Сибирского «Хлебопродукта» - снабжение рабочих и населения дешевым хлебом»,[552] - сообщала печать, комментируя работу одной из контор акционерного общества в 1926 г.

В изменившихся условиях, в связи с переводом хозяйства страны на рельсы новой экономической политики, Народный Комиссариат продовольствия адаптировался и чувствовал себя достаточно уверенно. Он обладал необходимой методикой работы и связями со многими учреждениями, ведомствами и общественными организациями, имел умелый и знающий кадровый аппарат, обладал достаточными материально-техническими средствами.

Но вместе с тем необходимо сказать, что при всех перечисленных выше положительных факторах Наркомпрод столкнулся и с определенными трудностями, породившими известные негативы. Во-первых, новое время нередко создавало непредсказуемые ситуации, во-вторых, над этим ведомством, как дамоклов меч, висел груз недавнего продразверсточного прошлого, которое проглядывало и в структуре Наркомата, и в отзвуках прежней административно-командной методики деятельности.

[552] Там же. С. 9.

Наркомпрод нуждался в известной корректировке своих функций и требовал конструктивных изменений своей системы. О том, что это диктовалось не только одним фактом образования СССР и вытекавшей из этого необходимости определить по-новому правовой статус высших и центральных органов власти и управления (следовательно, и Компрода), убедительно подтверждалось на совещании, проводившемся 14 июня 1923 г.

Анализируя характер и результаты функционирования Наркомпрода, представляется возможным отметить целый ряд особенностей, присущих организации работы этой государственной структуры в рассматриваемый период. Обнаруживаемые различия позволяют ощутить рубеж и определить ту разграничительную линию в методах и содержании проводимых мероприятий, которая не только отделяет, но, скорее, противопоставляет содержание и форму совершаемой работы в новых условиях наступивших 1920-х гг. смыслу и характеру действий Комиссариата в рассматриваемой сфере ранее.

До перехода к реализации новой экономической политики деятельности в сфере продовольствия было свойственно повсеместное проведение в жизнь идей тотальной государственной монополии. Если попытаться сузить и свести все это до пределов только продовольственного дела, то сказанное выше могло означать лишь одно - процесс заготовки и процесс распределения продуктов питания и товаров первой необходимости есть закрытая для кого бы то ни было область исключительных прерогатив государства. Оно и только оно правомочно насаждать здесь свою идеологию, свои средства и способы решения вопросов.

Государство в этот период является не просто монополистом, но откровенным диктатором. «Распределенческие и снабженческие органы государства объявляют себя единственно полномочными в этой области - устанавливают порядок, очереди, нормы снабжения, регламентируют и ре-

гулируют всенародное питание и снабжение предметами первой необходимости»,[553] - отмечалось в печати.

Подобное понимание государством своего политического курса и роли в сфере продовольствия нашло отражение и в схеме построения аппарата продовольственного Комиссариата. В частности, до февраля 1919 г. в Наркомате отсутствовала специальная структура, которая была бы нацелена на решение вопросов сугубо распределенческого характера. Функции распределения возлагались на управление заготовок, (причем это настолько прочно вошло в функциональный механизм деятельности Комиссариата, что не вызывало никаких сомнений и представлялось совершенно естественным).

В условиях военного времени и острого дефицита продуктов питания наиболее правильным и с точки зрения практического исполнения предельно оптимальным выглядел вариант, когда в единых руках организации-заготовителя сосредотачивались и обязанности по распределению заготовленного.

Вписывалось это и в концептуальные представления властей о процессе организации снабжения. Исповедуя идеи максимально возможной централизации управления хозяйственной работой, концентрации ее в одних руках, государство поступать по-другому не могло. Безусловно, не только недостаток продовольственных запасов и товаров широкого потребления, но и экстремальная обстановка военного времени, да и сама военно-коммунистическая идеология властей провоцировали подобный подход к постановке дела, накладывали на все свой отпечаток.

В новой ситуации по-иному стали смотреться и перспективы дальнейшей реконструкции аппарата продовольственного наркомата, как центрального его звена, так и звеньев всех нижестоящих ветвей. 21 июня 1921

[553] Советское право. 1923. №3. С. 142.

г. вышло Положение о Народном Комиссариате продовольствия. В Положении, пожалуй, впервые за все время существования Компрода функции распределения обозначились автономно от функций заготовления. Самостоятельно выделялся и исполнительский аппарат. Осуществление работы по распределению продовольствия и товаров первой необходимости становилось теперь обязанностью специальных структур Комиссариата и учреждений кооперации. Как следовало из содержания §1 Положения, непосредственно на Комиссариат и его местные органы - продовольственные отделы губернских и уездных исполнительных комитетов (губпродкомы и упродкомы) - возлагались функции проведения общего руководства и контроля за работой.

В системе центрального аппарата Народного Комиссариата продовольствия формировалось управление распределения, состоявшее из семи отделов, рассчитанных на организацию распределения продовольствия и *i* товаров, а также снабжение ими всех категорий потребителей в соответствии с действующей карточной системой.[554]

В схеме организации управления системой местных продорганов нашли отражение не только административный и административно-территориальный подход к установлению системы взаимосвязи, здесь были учтены и проблемы - взаимоотношений функционального характера. Именно поэтому в структуре губернских и уездных продовольственных комитетов находятся отделы, созвучные наименованию (следовательно, специфике) уже упоминавшихся; выше основных управлений Наркомата. Таким образом, возникала еще одна параллель централизованной (по вер-

[554] Продовольственный аппарат РСФСР. Общие положения и организационные схемы Наркомпрода - Центра и местных продорганов. - М., 1921. Схема организации Наркомпрода. I. Организационная часть.

тикали) взаимосвязи нижестоящих звеньев продорганизации со звеньями более высокими по рангу.[555]

Характерной особенностью в деятельности Комиссариата являлось то, что, начиная с 1924 г., он все больше отдалялся от выполнения функций распределения продовольствия, товаров широкого потребления и, сосредотачивая свое внимание только на их заготовке, превращался в государственную структуру с чисто заготовительными функциями.

Со всей очевидностью на повестку дня выдвигался вопрос о ликвидации этого Наркомата. Правовое обеспечение намеченного не заставило себя долго ждать. В феврале, марте, мае, июне и июле 1924 г. увидели свет нормативные акты, юридически оформившие уже свершившийся на практике факт ухода Наркомпрода с внутриполитической и хозяйственной арены и завершавшуюся историю деятельности этого еще недавно одного из мощнейших звеньев советского государственного механизма.[556]

Уход подготавливался достаточно тщательно, продуманно и включал ряд последовательных мероприятий, проводившихся в центре и на местах с завидной оперативностью. На наш взгляд, первым шагом, возвестившим о грядущих переменах в жизни продовольственной организации стало извещение о предполагаемой реорганизации ведомства, прозвучавшее в Положении о Народном Комиссариате продовольствия Союза Советских Социалистических Республик, утвержденном ЦИК 12 ноября 1923 г.[557] Затем хроника разворачивавшихся событий самым непосредственным образом продемонстрировала процесс угасания одного из самых ударных ведомств Советского государства.

---

[555] СУ РСФСР. 1921. №31. Ст. 379. Ст. 1. С. 16. Схема организации местных продорганов.

[556] СУ РСФСР. 1924. №18. Ст. 183; №40. Ст. 367; №50. Ст. 578; 1925.№49. Ст. 370; № 92. Ст. 670.

[557] СУ РСФСР. 1924. № 109-110. Ст. 1044.

В феврале 1924 г. (7 февраля) обнародуется постановление экономического совещания СТО «Об особых временных комиссиях по расчетам с продовольственными органами», которым указывал ось на необходимость формирования упомянутых организаций в целях разрешения претензий, возникающих в связи с ликвидацией продорганов на местах. Непродолжительное время спустя, 13 марта этого же года, было принято постановление о ликвидации транспортного управления Комиссариата продовольствия. Все транспортное хозяйство Наркомата, все имущество управления надлежало передаче акционерному обществу «Автопромторг». Действия, подобные названным выше, завершились обнародованием декрета ЦИК СССР от 9 мая 1924 г., а вслед за ним и на его основании - совместного декрета ВНИК и СНК РСФСР, возвестивших о ликвидации всей продорганизации РСФСР. «Народный Комиссариат продовольствия РСФСР со всеми его органами в автономных республиках, областях, губерниях ликвидировать, с передачей их аппаратов в центре и на местах Народному Комиссариату Внутренней Торговли с 15 мая 1924 г.», - гласил закон. Подоплеку происшедшего, очевидно, следует искать в укреплении советского торгового аппарата, стабилизации его положения на внутреннем рынке ив связи с этим концентрацией в его руках функций организации процесса материального обеспечения населения. Функций, органически вытекающих из самой природы торговой организации и столь же органически не вписывавшихся в существо такого механизма, как Наркомат продовольствия, рассчитанного, прежде всего, на выполнение своих обязанностей в условиях системы снабжения с ее специфическими канонами, достаточно отдаленными от принципов функционирования рынка с его товарно-денежными отношениями. Наркомат продовольствия, принадлежавший

другому времени и другим событиям, исчерпал свои возможности и должен был уйти.

РАЗДЕЛ VI. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Перспективным направлением современных исследований являются те настроения, которые преобладали в момент введения НЭПа среди рабочих. Автор ставит своей задачей проследить, как трудящимися воспринимался непосредственный переход к новой экономической политике. Разнообразные информационные сводки РКП (б) и отчеты МЧК о политическом положении, содержащие уникальный материал о настроениях различных социальных групп, позволяют достаточно точно воссоздать картину настроений в рабочей среде в период перехода и проведения в жизнь начал новой экономической политики, законодательно оформленной правительственными декретами первой половины 1921 года.

Социально-экономический и политический кризис зимы 1920/21 г. непосредственным образом отражался на настроениях пролетариев, среди которых усилились порывы к забастовкам и наблюдалась «какая-то растерянность».[558] Вместе с тем, за исключением забастовки на заводе Бромлей и на ряде других предприятий в поддержку восстания в Кронштадте, волнения в основном носили экономический характер. Отношение к политике оставалось «апатичным» и «обывательски-безразличным».[559]

На первоначальном этапе введение НЭПа не вызвало никакой определенной реакции со стороны рабочих. Весна 1921 года была периодом наибольшей остроты продовольственного кризиса, обусловленного сокращением подвоза хлеба, уменьшением продовольственного пайка, задержкой очередных выдач продуктов и общего ухудшения питания. Как отмечалось в сводках, в стране имелся один общий фон - «чрезвычайное исто-

[558] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 8.

[559] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, лл. 8, 17.

щение и утомление рабочей массы».[560] В условиях острейшего экономического кризиса все основные усилия трудящихся были направлены на обеспечение себя и своих семей продовольствием и топливом, и эти обстоятельства определяли те мысли, чувства и побуждения, которые больше всего владели широкой массой рабочих. Как подчеркивалось в этот период в материалах МЧК, настроение большинства из них было «чисто обывательское и сосредоточено лишь на интересах желудка».[561]

Очевидно, что большинство не воспринимало НЭП как единую политику, определявшую новые социальные и экономические условия. Из всех реформ и мероприятий, проводимых в рамках перехода к НЭПу, рабочие выделяли лишь те, которые непосредственным образом касались их положения и затрагивали, главным образом, их экономические интересы. В материалах РКП (б) отмечалось: «Свое отношение к политическим вопросам момента, в особенности к фактам новой экономической политики, широкая рабочая масса определяет с точки зрения своих непосредственных нужд, явно откликаясь на один из них и не обращая внимания на другие». Наибольший интерес в пролетарской среде вызывала идея организации кооперативов, образование товарных фондов за счет натурпремирования и организация поездок за продовольствием. Рабочие, обнаруживая большое стремление к созданию потребительских кооперативов, «возлагали на них в отношении снабжения довольно большие надежды».[562]

Таким образом, на первоначальном этапе перехода к НЭПу весной и летом 1921 г. отношение рабочих к происходившим изменениям было в целом удовлетворительное. Лишь в некоторых случаях было заметно недовольство «на почве слишком медленного продвижения в жизнь начал

[560] Там же, л. 33.

[561] Там же, л. 26 об.

[562] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48,лл. 33, 40об, 47об.

новой экономической политики, в частности, по поводу слабо продвигающейся организации кооперативов по предприятиям».[563]

Такая положительная оценка новой экономической политики была во многом обусловлена частичным улучшением продовольственного снабжения, так как в этот период был налажен подвоз продовольствия и осуществлялась своевременная выдача хлеба и других продуктов. Тем не менее, в связи с переходом к НЭПу в рабочей среде явно обозначилась тенденция протеста против свободной торговли.[564] В этой связи многие отрицательно восприняли постановление о свободной покупке и продаже сельскохозяйственных товаров, принятое 28 марта 1921 г., и ликвидацию карточек на продовольственные товары и ряд товаров первой необходимости.[565]

Вместе с тем, на первоначальном этапе свободная торговля не играла существенной роли, так как власти уделяли основное внимание организации натурального товарообмена между городом и деревней. Основным аппаратом для проведения товарообмена служила кооперация, которая на основании декрета СНК от 7 апреля 1921 г. Получила право самостоятельного заготовления сельскохозяйственных продуктов. На предприятиях начали организовываться фабричные и заводские кооперативы, проводившие самостоятельные заготовки продовольствия в обмен на изделия, получаемые рабочими в виде премий.

Не принимая идею свободной торговли, тем не менее, на большей части московских предприятий с энтузиазмом отнеслись к организации свободного товарообмена, и как общее явление по всем районам отмечался большой интерес и сильная тяга рабочих к созданию местных фабричных кооперативов, причем в некоторых районах замечалось недоверие к круп-

[563] Там же, л. 48.

[564] Там же, л. 17.

[565] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 49, л. 90.

ным кооперативным объединениям. Этому особенно способствовала агитация тех, кто совершал самостоятельные поездки за продовольствием и кто «на собственном опыте убедился, что организованный товарообмен с крестьянством через кооперативы гораздо выгоднее для рабочих и несравненно лучше соблюдает их интересы, нежели единоличный или даже групповой непосредственный обмен».

Вместе с тем, большинство отрицательно восприняло идею создания товарных фондов фабричных кооперативов за счет выдаваемых в качестве «натурпремий» части продукции собственного производства. По мнению многих, товарные фонды кооперативов должны были целиком создаваться за счет государства.[566] В целом, весной - летом 1921 г. отношение основной массы рабочих к новому курсу экономической политики продолжало носить положительный характер. Вместе с тем, уже в конце лета - осенью 1921 г. это отношение стало меняться и наметился перелом, обусловивший в дальнейшем особенности восприятия социальных и экономических условий НЭПа. Уже к концу летнего периода обозначилось общее ухудшение настроений рабочих, а недовольство и брожение в этот период наблюдалось во всех без исключения районах.[567]

В сводках сообщалось: «Наблюдается отрицательная реакция на факты текущей политики, представляющие отдельные звенья нового курса экономической политики, особенно на декреты последних дней: о сдаче некоторых предприятий в аренду частным предпринимателям и о чрезвычайном повышении железнодорожного тарифа. Первый декрет вызывает у рабочих ... большое недоумение, и мысль, что Советская власть начинает сдаваться, - начинает казаться им очень правдоподобной».[568] Начавшийся летом 1921 года процесс передачи части предприятий в аренду частным

[566] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, лл. 47об-48.

[567] Там же, л. 59.

[568] Там же, л. 60.

лицам встретил резкое недовольство со стороны рабочих. Большинство было склонно считать, что таким путем фабрики и заводы снова целиком переходят к прежним хозяевам и восстанавливаются старые капиталистические отношения. Рабочие многих предприятий, предназначенных для сдачи в аренду, стремились удержать их за собой. В ряде городов было заметно резкое недовольство «в виду того, что фабрики подлежат сдаче в аренду, тогда как рабочие хотят собственными силами эксплуатировать эти фабрики».[569]

Другой причиной массового недовольства стали начавшиеся увольнения и сокращения штатов, вызванные закрытием нерентабельных фабрик и заводов. Уже в сентябре 1921 г. в сводках сообщалось: «Рабочие целого ряда предприятий «приходят в отчаяние и негодуют по поводу грозящей им безработицы».[570] Недоумение и разочарование вызывали и сообщения о предстоящем восстановлении платы за квартиры и коммунальные услуги: водопровод, газ и электричество. «Ошеломляющее впечатление» в рабочей среде произвел декрет о повышении платы за железнодорожные перевозки. Это постановление затронуло всех «с самой практической точки зрения злободневных нужд, поставив перед рабочими почти непреодолимую преграду для их еженедельных поездок в пригородные места за продовольствием». Потрясение усугублялось также тем, что московский «вольный рынок» сразу же отреагировал на проведение этого декрета в жизнь: цены на продукты резко подскочили вверх, увеличившись в три-четыре раза.[571]

Тем не менее, рабочие продолжали осуществлять самостоятельные поездки за продовольствием, но большинство из них оказалось неудачными. Безуспешные поездки за хлебом по маршрутам, указанным центром,

[569] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 128; д. 49, лл. 92, 98, 198, 221, 244.

[570] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 157.

[571] Там же, лл. 76,60.

вызывали резкое недовольство. Многие делали вывод, что «центр сам сыт, а о них не заботится, не разрешая свободно ехать куда они хотели бы сами».[572]

Постепенно в рабочей среде стало нарастать скептическое отношение и к другим элементам новой экономической политики, в частности - к кооперации. Как отмечалось в материалах МЧК, «в некоторых случаях наблюдается охлаждение к восстановленной, рабочей кооперации ... и к другим видам рабочей экономической политики, поскольку рабочие не видят непосредственных желанных результатов от этих мероприятий».[573] В условиях продолжавшегося продовольственного кризиса многие возлагали на кооперацию большие надежды и ждали немедленных результатов от созданных на предприятиях кооперативов. Вместе с тем, развитие потребительской кооперации происходило крайне медленно и осложнялось отсутствием у кооперативов товарных фондов.

Уже с середины 1921 г. прежнее воодушевление в связи с развитием кооперации сменилось охлаждением и недоверием. Зимой 1921/22 г. отрицательное отношение рабочих к кооперации приняло всеобъемлющий характер: «Отношение рабочей массы к рабочим кооперативам - единодушно отрицательное по причине их слабой работы и чрезвычайной дороговизны имеющихся в них продуктов», - констатировалось в материалах партии.[574]

Осенью 1921 г. в рабочей среде стали стремительно распространяться чувства неопределенности и обеспокоенности, вызванные продолжавшимся процессом перевода одних предприятий на хозяйственную самостоятельность и сдачей в аренду других. Объединение в тресты оставшихся на государственном обеспечении крупных промышленных предприятий сопровождалось закрытием многих нерентабельных фабрик и заводов, пе-

[572] Там же, лл. 40об, 49,128.

[573] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 97.

[574] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 49, лл. 221, 244; ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 245.

ремещением освободившегося оборудования и сокращением штатов. Процесс концентрации производства, проходивший в трестированной промышленности, вызвал серьезные волнения среди московских рабочих. На многих заводах были прекращены работы из-за неопределенности дальнейших условий работы и размеров оплаты труда. Так, например, в конце сентября прошли забастовки на многих московских типографиях. Основная причина остановки работы заключалась в том, что рабочие не знали «на кого они будут работать и сколько будут получать жалования».[575]

Общим явлением для большинства предприятий промышленности стала негативная реакция на введение сдельной оплаты труда с высокой нормой выработки, что обусловило «враждебное» отношение к новой экономической политике в целом.[576] Повсеместно наблюдалось «безразличное» и «недоверчивое» отношение к профсоюзам. Назревавшие вопросы рабочие старались решать самостоятельно, помимо союзов, мотивируя это оторванностью высших профсоюзных инстанций от производства.[577] Все больше начинало распространяться представление о профсоюзах как о государственном учреждении, происходил упадок доверия к профсоюзным органам и к большевистской партии «как к защитнице интересов рабочих».[578]

К концу 1921 г. первоначальное одобрительное отношение рабочих к замене разверстки продналогом также заменилось скептическим и недоверчивым. Большинство считало, что «продналог, представляя действительное облегчение для крестьян, в то же время рабочему ничего не дает». Многие высказывали также мнение, что «реальное проведение продналога по отдельным губерниям и уездам противоречит первоначальным предпо-

[575] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 49, лл. 70,75.

[576] Там же, лл. 198-199.

[577] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 244.

[578] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 49, л. 220.

ложениям декрета, что налог взимается в большем размере, чем следовало».[579]

Таким образом, в условиях сохранявшегося экономического и продовольственного кризиса не оправдавшие себя попытки, организовать натуральный товарообмен, неудавшиеся поездки за продовольствием, трудности в развитии кооперации, сдача предприятий в аренду, массовые сокращения, усиление безработицы и целый ряд других факторов обусловили изменения в отношении рабочих к новому курсу экономической политики. Прежде сочувственное восприятие проводимых реформ все больше сменялось чувством разочарования и неуверенности.

Усилившиеся волнения, чувства тревоги и растерянности во многом были следствием полного отсутствия достоверной информации о происходивших в рамках перехода к НЭПу преобразований и реформ. Страна была переполнена всевозможными слухами, иногда самого необычайного содержания. Так, в конце августа среди рабочих стала быстро распространяться «новость» о том, что «товарищ Ленин, якобы, скрылся из Кремля; Кремль скоро будет открыт для торжественного богослужения и будут устроены крестные ходы».[580] По сообщениям районных партийных комитетов в рабочей среде активно циркулировали слухи «о предстоящей, якобы, ликвидации советов и о выборах президента».[581]

Таким образом, основная масса рабочих очень слабо представляла себе сущность, цели и задачи нового курса экономической политики, значение происходивших преобразований и реформ. Так, в Рогожско-Симоновском районе к происходившим изменениям наблюдалось «безразличное отношение, так как большинство рабочих в районе в общем не в курсе новых декретов о свободном товарообмене, о потребительской и

[579] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 48, лл. 96-98, 156.

[580] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 49, л. 42.

[581] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 244.

промысловой кооперации, о натурпремии и прочих». В материалах Секретариата. МК РКП (б) отмечалось, что недовольство новой экономической политикой в значительной степени было вызвано «недостаточным разъяснением среди широких масс смысла и значения нового курса экономической политики».[582]

Чувство недоумения и непонимания происходивших событий нарастали, и зимой 1921 г. в сводках констатируется: «Большинство рабочих, а также и членов РКП имеют весьма слабое представление и почти не отдают себе отчета о новой экономической политике». И далее: «...Быстро текущий процесс изменения в области нашей экономии совершенно не переваривается как беспартийной рабочей массой, так и коммунистами-середняками... Благодаря этому среди них наблюдается упадок духа и безнадежное настроение».[583]

Отсутствие достоверной информации о проводимой экономической политике во многом было обусловлено низким процентом грамотности среди рабочих. В этом отношении характерно одно из крупнейших московских предприятий - Газовый завод, около половины рабочих которого были абсолютно неграмотными. Партийная ячейка на заводе была малочисленна - всего 25 коммунистов, почти все «малограмотные и политически мало развитые рядовые члены партии».[584] Недоступность для основной массы рабочих печатной информации (газет, листовок, бюллетеней и т. д.) вследствие их малограмотности приводила к тому, что фактически основным способом получения сведений о текущих событиях и новом курсе экономической политики становились общие собрания на предприятиях, клубах, театрах и других общественных местах с выступлением на них докладчиков.. Рабочие проявляли значительный интерес к такого рода разъ-

[582] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 76.

[583] Там же, л. 245.

[584] Там же, лл. 245-246.

яснительным мероприятиям. По сведениям МЧК, на многих предприятиях высказывалось желание, «чтобы у них устраивались собрания с целью основательного ознакомления с новой экономической политикой».[585]

Характерной особенностью было то, что рабочие, как правило, не доверяли представителям местных партийных организаций и требовали приезда представителей высших государственных и партийных органов: «Местные коммунисты и работники районного масштаба не пользуются никаким авторитетом. Рабочие на общих собраниях требуют в качестве докладчиков «больших» коммунистов из центра».[586] Стремление получить информацию «из первых рук» было следствием растерянности и слабого понимания изменений, обусловленных дальнейшим развитием и углублением новой экономической политики. В оперативных сводках МЧК сообщалось, что на некоторых московских заводах прекращалась работа «с требованием приезда товарища Ленина для разъяснения продовольственного вопроса». Так, например, сообщалось, что рабочие фабрики Прохоровской мануфактуры Краснопресненского района «назначили на 14 июня собрание и желают увидеть на нем товарища Ленина, иначе фабрика работать не будет».[587]

Тем не менее, разъяснительная работа велась не достаточно интенсивно, поэтому «проводимая политика в целом широкой массой рабочих усваивалась плохо и в искаженном виде».[588] К тому же организовывать собрания на предприятиях удавалось все реже и реже из-за физического истощения и утомления рабочих вследствие недостаточного питания. Большинство из них было по-прежнему поглощено вопросами продовольствия, на обеспечение продуктами уходили все их усилия и энергия, а отношение

[585] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 156.

[586] Там же, л. 76.

[587] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 49, л. 84, 148.

[588] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 244.

к происходившим изменениям оставалось «недоверчивым в тесной зависимости от степени удовлетворения или, вернее, от степени неудовлетворенности их повседневных нехваток и нужд».[589] Эта формулировка, начиная с середины 1921 г., повторяется практически в каждой сводке и наиболее точно характеризует отношение основной массы московских пролетариев к проводимой новой экономической политике.

Показательны также определения, которые преобладали в сводках и отчетах в этот период. Настроения рабочих, их отношение к происходящим событиям и к текущей политике в основном характеризовались как обывательские, пассивные, безразличные, подавленные, неустойчивые, неуравновешенные. К концу 1921 г. все больше и больше рабочих начинало воспринимать переход к НЭПу как поворот назад: «новый курс экономической политики понимается как поворот к старому, и рабочие думают, что не сегодня - завтра вернутся старые хозяева».[590] Многие из них начинали расценивать введение новой экономической политики как отступление Советской власти с ее основных позиций, а развитие НЭПа вело, по их мнению, к реставрации старого буржуазно-капиталистического строя. Новая политика Советской власти для массы рабочих продолжала оставаться непонятной и вызывала изумление. На предприятиях стало распространяться мнение, что с рабочими теперь поступают не лучше, чем в прежнее время, при капиталистическом режиме, что с ними не считаются, несмотря на то, что ими была сделана революция. Настроения подавленности и разочарования нарастали, и все чаще стали слышаться высказывания такого рода: «К чему нам нужно было делать Октябрьскую Революцию и приносить такую массу жертв!».[591]

---

[589] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, лл. 97,245,156.

[590] Там же, лл. 97,127-128.

[591] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 245; ф. 3, оп. 2, д. 49, лл. 198, 220.

В целом, давая обобщающую характеристику адаптационных процессов, происходивших в рабочей среде на первоначальном этапе перехода к НЭПу, представляется возможным процитировать фрагмент одного из отчетов МЧК «О политическом, хозяйственном и военном положении Москвы и Московской губернии», который дает наиболее полную и целостную картину восприятия рабочими новых экономических и социальных условий: «Политическое состояние рабочей массы ... неустойчивое, неудовлетворительное. Отношение к Советской власти со стороны большинства рабочих недоверчивое: они сомневаются в том, что Советская власть сможет вывести страну из хозяйственной разрухи. Слышатся в рабочей массе разговоры о том, что Советская власть не в силах управлять страной при новых экономических условиях: имеются, де, свободные рынки, открыто много магазинов, но покупать в них рабочему ничего не приходиться - цены по сравнению с заработком непропорционально высокие, к тому же последний нередко задерживается на несколько месяцев, а между тем курс рубля все падает. В виду того, что рабочим приходиться подрабатывать еще вне своего завода или фабрики и тем удлинять свой рабочий день вместо нормальных 8-ми часов до 10 часов и более, среди них слышится ропот по этому поводу. Все это вместе взятое очень неблагоприятно отражается на настроении рабочих и обуславливает отрицательное отношение с их стороны также и к РКП, у которой, по их мнению, нет определенной линии. Декреты и постановления последнего времени принимаются рабочими пассивно, без уверенности в их действительном практическом значении. Подобное состояние рабочей массы ... усиливается еще вследствие недостатка газет, и малой доступности их для массы в виду малограмотности многих рабочих, а также вследствие того, что со стороны

партийных организаций не ведется политработы в массах, в особенности со стороны коммунистов на предприятиях».[592]

Таким образом, в конце 1921 г. - начале 1922 г. четко обозначилась негативная направленность в восприятии рабочими основных преобразований и реформ, осуществлявшихся в рамках перехода к НЭПу. Недовольство продолжало нарастать, и в последующий период властям пришлось констатировать наличие в стране широкомасштабного кризиса, достигавшего местами значительной остроты.[593] Кризис, связанный с переходом к новой экономической политике, и по масштабам, и по продолжительности во многом превосходил кризис заключительного этапа военного коммунизма.[594]

Как известно, в послереволюционный период забастовочная активность достигла наибольшего размаха в 1922 - 1924 гг., то есть во время максимального разворота государства к рыночным реформам в экономике. В это время проходили наиболее крупные забастовки, носившие упорный и длительный характер.[595] Эти выступления по степени своей серьезности были весьма значительны. Вместе с тем, как отмечалось в материалах ГПУ, проявления резкого недовольства имели в своей основе причины экономического характера, а процесс политического замирания страны продолжал сохранять свое поступательное развитие. Исключение составляли лишь волнения среди рабочих, которые имели определенный политический оттенок.[596]

---

[592] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 2, д. 49, л. 199.

[593] Там же, ф. 3, оп. 3, д. 35, л. 2.

[594] Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998, С. 180.

[595] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 3, д. 35, л. 6.

[596] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 3, д. 35, л. 6.

Требования, выдвигаемые в этот период рабочими, преимущественно носили экономический характер. Основной причиной недовольства повсеместно был рост рыночных цен, намного опережавший рост заработный платы, которая в этот период далеко отставала от уровня прожиточного минимума. Крайне низкий уровень заработной платы усугублялся задержкой выплаты жалования, нередко достигавшей совершенно недопустимых размеров.[597] Резкую реакцию вызывало и отсутствие «материального» снабжения, которое с введением НЭПа утратило свое прежнее значение и не могло смягчить тяжесть денежного кризиса. Но даже там, где натуральные пайки еще продолжали выдаваться, они далеко не всегда способствовали смягчению остроты положения. Как отмечалось в сводках ГПУ, эти продукты становились предметом обогащения спекулянтов, так как рабочие были вынуждены продавать их за бесценок, чтобы возместить вычеты за паек, исчисляемый по рыночным ценам.

Семьи рабочих почти нигде не снабжались, а что касается кооперативов, то своей бесполезностью они вызывали только раздражение рабочих, так как цены в них почти ничем не отличались от рыночных, а иногда и превосходили их. Причинами массового недовольства были и крайняя тяжесть жилищных условий, дороговизна топлива, высокая оплата коммунальных услуг. Продолжавшееся сокращение штатов, закрытие дефицитных предприятий, дальнейший рост безработицы также составляли одну из основных причин массовых волнений.[598]

Все эти факторы в конечном итоге обусловили негативное отношение основной части пролетариата к дальнейшему развитию новой экономической политики. В этом контексте одной их характерных особенностей настроений рабочих первой половины 1920-х годов стала их антирыночная направленность. Показателен и тот факт, что к середине 1920-х годов само

[597] Там же, л. 9.

[598] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 3, д. 35, лл. 9,11.

слово «НЭП» уже утратило свое первоначальное значение: новая экономическая политика. Со словом «НЭП» стало связываться значение «спекуляция» и «новые буржуазные слои». Как писал известный лингвист и языковед А.М. Селищев, изучавший развитие русского литературного языка и исследовавший проблему языковых трансформаций в 1920-е годы: «Когда мы говорим НЭП, мы часто подразумеваем под этим спекуляцию, рвачество, нэпманство. Когда говорят в просторечии НЭП, то под этим подразумевают не нашу экономическую политику в целом, а подразумевают новые буржуазные слои, новую буржуазию».[599]

Анализ архивных материалов и документов показал, что во второй половине 1920-х годов основное внимание пролетариев по-прежнему было сосредоточено на проблемах экономического характера, касавшихся, прежде всего, их материального положения. Весной 1926 г. по всей стране прошли широкие рабочие конференции, по материалам которых горкомом партии была составлена обширная информационная сводка наиболее характерных высказываний по самым различным вопросам. Этот уникальный документ, отложившийся в Центральном архиве общественных движений Москвы, отражает настроения значительной части рабочих середины 1920-х годов и дает возможность проследить, как они сами оценивали свое материальное положение. Осенью того же года на многих предприятиях столицы были проведены собрания, приуроченные к празднованию 9-ой годовщины Октябрьской революции. Во время обсуждений докладов, охвативших «все основные моменты политики партии, Коминтерна и советского государства», рабочие проявляли большую активность, ими была задана масса вопросов и подано много записок. Вместе с тем, как показали широкие конференции и районные собрания, несмотря на обсуждавшийся на них обширный круг проблем, с наибольшим вниманием рабочие отнес-

[599] Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926 гг.). М., 1928, С. 196.

лись, главным образом, к вопросам экономического положения рабочего класса.[600]

Анализ сводок о настроениях на предприятиях за 1927 г. также показал, что большинство записок и высказываний на общих собраниях касалось социально-экономических проблем, главным образом, вопросов торговли и перебоев в снабжении продуктами питания и мануфактурой.[601] В начале 1928 г. во время перевыборов в Советы рабочие активно готовились к прениям, вели разговоры в цехах «что нужно высказать». При этом основными предметами для обсуждения по-прежнему оставались вопрос о снижении цен, плохая работа кооперативов в сравнении с частным сектором, заработная плата и жилищный кризис.[602] Разнообразные информационные обзоры и материалы о настроениях рабочих за 1928 - 1929 гг. показывают, что «больными местами» все также были товарный дефицит, вопрос о ценах и дороговизне, жилищная проблема.

Важно отметить, что в значительной мере рабочих волновали не только существовавшие хозяйственные затруднения, но и их причины. То, с чем они сталкивались в своей повседневной жизни - высокие цены, дефицит продовольственных и промышленных товаров, их низкое качество и огромные очереди в магазинах, низкий уровень заработной платы и тяжелые жилищные условия, вступало в противоречие с передовицами газет, официальными данными и пропагандистскими лозунгами об успешном развитии промышленности и сельского хозяйства. Во многих выступлениях рабочие указывали на эти несоответствия: «Товарищи, как не стыдно врать о наших достижениях, ровно мусор, ведь видно, где пружина скрыта».[603]

---

[600] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 360, л. 207.

[601] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 435, л. 6 об.

[602] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 439, л. 3.

[603] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 739, л. 6 об.

Характерно и то, что на конференциях и собраниях часто задавался один и тот же вопрос: «У нас, по Вашим словам, продукция промышленности с каждым годом увеличивается, почему же мы после 1925 г. каждый год видим все меньше и меньше товаров?».[604] Осенью 1926 г. многие отмечали: «Вы говорите, что у нас промышленность достигла довоенного уровня, а рабочие больше нуждаются продуктом, чем раньше».[605] Эти же вопросы задавались и в 1928 - 1929 гг.: «В настоящее время, как известно, сельское хозяйство и промышленность перешагнули довоенный уровень, но все-таки многих товаров промышленных и сельскохозяиственнных не хватает. Чем же это объяснить?».[606]

Очевидно, что проблема товарного голода, начавшая ощущаться уже с 1924 г.,[607] очень остро волновала рабочих. Тем не менее, они далеко не всегда получали ответы на свои вопросы, так как многие «рядовые» члены партии и работники «низового» партийного аппарата часто сами не могли объяснить причин сложившейся ситуации. На собрании партактива Краснопресненского района в феврале 1928 г. многие коммунисты спрашивали: «Почему нет муки, масла, яиц, мыла ... - необходимо сказать, так как надо иметь что-то в руках, с чем идти и говорить с рабочими». Подобные вопросы задавали и работники агитационных отделов: «Как отвечать конкретно на заданный вопрос о недостаче продуктов как питания, так и широкого потребления?».[608]

Рассуждая о товарном дефиците, рабочие возмущались не отсутствием необходимых товаров, а тем, что их нет в государственных магазинах и

---

[604] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 658, л. 227.

[605] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 360, л. 208.

[606] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 658, л. 228.

[607] История Москвы, С. 287.

[608] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 658, л. 14.

тем, что у частника они стоят гораздо дороже.[609] Сравнивая работу кооперации и частного торгового сектора и указывая на скудный ассортимент государственной торговли, многие указывали на то, что «на рынках товару больше, у нас в кооперативе ничего нет, чего не спроси, а у частника все». Говорили и об очень низком качестве предлагаемых товаров, например, один из выступавших возмущался: «А как качество плохое - это никуда не годится. Не можем найти сукна на пальто или на брюки».[610]

Очень многие были обеспокоены «сокрытием» продовольственных и промышленных товаров частными предпринимателями и торговцами, которые, по их мнению «сознательно запрятали их и выжидают благоприятного момента, чтобы потом взвинтить на них невероятные цены».[611] Нередко рабочие предлагали свои способы решения существовавших хозяйственных затруднений, зачастую носившие «военно-коммунистический» характер. Например, в Бауманском районе, рассуждая о товарном дефиците, предлагали: «Нельзя ли проверить путем командирования рабочих контрольных комиссий на все частные склады и магазины с широкими правами. Сделать это секретным порядком, то есть неожиданным для собственника».[612] Многие из выступавших говорили о необходимости усилить контроль над работой кооперации и спрашивали: «Куда деваются деньги, вносимые членами кооператива?».[613]

Указывая на недостатки и плохую работу государственной и кооперативной торговли, многие подчеркивали необходимость свертывания частного торгового сектора. Вот характерная записка на эту тему: «Идея частной торговли в наших условиях должна быть изжита, и основой долж-

[609] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 33 об.

[610] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 435, л. 6 об.

[611] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 33об.

[612] Там же.

[613] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 739, л. 5об.

на быть кооперация. Но работа ее пока плохая. ... Самые необходимые для трудящихся продукты, как картофель, молоко, яйца, кооперация не сумела заготовить достаточное количество. Самого доступного для рабочего продукта - картофеля, вы в кооперации не найдете, а если где и залежалось, то вы получите лишь гниль и наполовину с землей. Эти продукты перешли на частный рынок, и частник из-за отсутствия конкуренции дерет с трудящихся в три дорога».[614]

В выступлениях и записках много места отводилось проблеме заработной платы. Рабочие, указывая на низкий уровень реальной заработной платы, нередко спрашивали: «Продукция промышленности достигла довоенного уровня, почему же реальная заработная плата не достигла довоенного уровня?».[615] Инфляция и обесценивание рубля при отсутствии своевременной индексации заработной платы были одним из существенных факторов, определявших тяжелое материальное положение рабочего класса в 1920-е годы и затруднявших, в конечном итоге, процесс адаптации. На всех конференциях делегаты указывали на то, что «червонец наш уже упал, на него нечего купить при наших скудных доходах».[616]

Рост реальной заработной платы отставал от роста цен, поэтому многие из выступавших отмечали: «На каждом докладе говорят, что зарплата повысилась, а на самом деле ничего не видим, наоборот, продукты дорожают».[617] Этот вопрос не утратил своей актуальности и через три года - весной 1929 г., когда рабочие с возмущением спрашивали: «Цены постепенно повышаются, зарплата (номинальная) не повышается, то есть зарплата уменьшается. В чем дело?».[618] Положение усугублялось и тем обсто-

[614] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 739, лл. 5-5об.

[615] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 435, л. 6об.

[616] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 34об.

[617] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 360, л. 208.

[618] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 739, л. 6об.

ятельством, что в период революций и войн были утеряны даже те незначительные сбережения, которые имелись в сберегательных кассах и банках, поэтому многие интересовались: «Можно ли надеяться, что Советская власть заплатит за мелкие вклады в царское время?».[619]

На всем протяжении 1920-х годов одним из наиболее «болезненных» вопросов оставался вопрос жилья. Жилищная проблема широко обсуждалась на собраниях, при этом особенно остро ставился вопрос о «новых домах». Подчеркивая недоступность новых домов, многие указывали на то, что эти дома стоились не для рабочих, «а для специалистов, для профессиональных работников из Союза».[620] На Рогожско-Симоновской конференции один из выступавших делегатов говорил: «Новые дома недоступны рабочим, в них могут въезжать только ответственные работники, а то пишется рабочий кооператив, а рабочим квартир нет. Надо писать "Рабочий жилищный кооператив специального назначения"».[621]

Недоступность новых квартир была обусловлена высокой платой за жилье, непосильной для основной массы рабочих. Один из делегатов от Краснопресненского района говорил: «Выстроили 13 домов, а плата по 7,5 рублей за кв. сажень, ну, теперь, спрашивается, товарищ, кто из рабочих может платить такую дорогую квартирную плату». Характерна была и следующая записка: «Насчет квартирки, то для рабочих придется все подвалы освободить, а то иначе он должен на летний сезон выехать под мост, потому что квартирные платы непосильны».[622] Подобные выступления звучали и в дальнейшем. Так, в 1927 г. многие указывали на то, что «домов строят много, но по дороговизне они не доступны для рабочего. Будут по-

[619] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 35.

[620] Там же, л. 46об.

[621] Там же.

[622] Там же, лл. 47-48.

селены те, кто получает жалование больше. А мало зарабатывающему рабочему приходиться жить по-старому - в подвалах».[623]

Жилищная кооперация также не смогла стать решением жилищной проблемы. В прениях и записках по жилищному вопросу рабочие указывали, что из-за низких заработков многие из них не смогли стать пайщиками жилищной кооперации. Показательно следующее выступление рабочего Сокольнического района: «Может ли рабочий низкой категории в этой доли в кооперации участвовать? - Я скажу, тяжело, если он получает 30-40 рублей, в первую очередь внести 30 рублей, да 6 рублей за кв. сажень. Что же останется на хлеб? Покурить и больше ничего».[624] Характерное заявление было сделано в 1929 г. одним из рабочих деревообрабатывающей промышленности: «В рабочей жилкооперации быть членом бессмысленно ввиду того, что в новом доме жить не под силу рабочему, в силу нэпу и бюрократу!».[625] Часто подчеркивалась необходимость строить простое, дешевое жилье, доступное рабочим, назывались прихотью «ванны и театры», а также сообщалось, что планировка комнат в новых домах не удовлетворяет рабочих из-за их слишком больших размеров.[626]

Решение жилищной проблемы рабочие искали по-разному. Ряд из них ратовал за «военно-коммунистические» меры, и на собраниях нередко слышались возмущенные заявления такого рода: «Моссоветом не приняты меры к выселению из хороших домов нетрудового элемента, которого в Москве очень много. Они разными ухищрениями находят себе разные ограждающие их документы и сидят на шее рабочих Москвы!».[627]

---

[623] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 435, л. 10.

[624] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 47об.

[625] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 739, л. 5об.

[626] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 439, л. 4.

[627] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 49.

В целом, анализ архивных материалов и источников показал, что в середине - второй половине 1920-х годов большая часть рабочих оценивала свое материальное положение негативно. В этой связи представляется характерной записка, поданная одним из рабочих на Замоскворецкой районной конференции: «Можно ли считать в настоящее время и в настоящих условиях жизнь рабочего-пролетария в массе своей удовлетворительной в материальном отношении? Я думаю, никак нет. Тот же каторжный труд, мизерная зарплата, дающая сводить концы с полуконцами. За это говорят сегодняшние прения и сама жизнь. ... До каких пор страдать?!».[628]

Тяжелое материальное положение связывалось в сознании рабочих с бесхозяйственностью и нерациональным, с их точки зрения, расходованием государственных средств.[629] Многие расценивали экономические трудности как следствие неправильной политики хозяйственных органов, неумелого руководства фабрично-заводской администрации и специалистов. В письмах и выступлениях звучала резкая критика допущенных хозяйственными органами ошибок: «Не научились еще управлять хозяйством, от этого все страдают рабочие и крестьяне». Перечисляя хозяйственные ошибки, делегаты рабочих конференций говорили: «Чего бы только не хватило, виноват рабочий, а разве вожди наши не виноваты, в особенности Госплана».[630]

Восприняв лозунги о «государстве рабочих и крестьян», большинство отождествляло в своем сознании государственные деньги с народными, ими самими «кровно заработанными».

Характерна в этом отношении записка рабочих Замоскворецкого района: «На Черной бирже продают наше золото, которое мы забрали у наших купцов, банкиров, князей и царей. Куда же все это исчезает, и что

---

[628] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 53.

[629] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 439, л. 2.

[630] Там же, д. 307, л. 31.

получили мы, рабочие РСФСР?!».[631] Острая реакция со стороны рабочих на нецелесообразное расходование государственных средств, на проявления бесхозяйственности, и особенно - на имевшие место случаи растрат и хищений прослеживалась на всем протяжении 20-х годов. При этом самым «больным местом» оставался вопрос о «роскоши» и непроизводственных расходах. Как отмечалось в материалах редакции газеты «Рабочая Москва», - «рабочие с большой осторожностью относятся к тем мероприятиям, которые сопряжены с большими расходами и не приносят прямой непосредственной пользы, а являются, по их мнению, предметами роскоши».

Таким бесполезным и неоправданным расходованием государственных средств представлялось, например, строительство Дворца профсоюзов. Рабочие писали: «О дворцах мечтать неуместно, когда рабочие ютятся по 10 человек в одной комнате». Такого же мнения многие придерживались по вопросу о благоустройстве городских территорий: «необходимо в первую очередь позаботиться о рабочих семьях, а потом уже устраивать скверы и стоянки таксомоторов».[632]

В этой связи множество откликов вызвало постановление о сносе Красных ворот. Так, автор одного из писем сообщал: «Наши рабочие возмущаются по поводу постановления о сносе Красных ворот. Прошлый год над Красными воротами стояли леса, начали делать реставрацию; рабочие возмущаются халатному расходованию рабочих средств - сколько заплатили за материал, за доставку его, сколько заплачено техперсоналу?».[633] Раздавалась в пролетарской среде и критика «главного магазина страны» - ГУМа: «Лишний штат служащих, оркестр музыки. ... Гораздо целесооб-

[631] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 35.

[632] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 439, л. 2.

[633] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 439, л. 2.

разнее на эту сумму сделать снижение цен на весь товар широкого потребления».[634]

Большое место в письмах и выступлениях занимал вопрос о непроизводственных расходах. Многие рабочие выступали на конференциях с записными книжками, «в которых был записан ряд выдержек из газет о пенсиях артисткам, о конкурсах, о памятниках, о юбилеях, торжественных похоронах и т.д.». Особенно много нареканий вызвало планировавшееся возведение памятника Карлу Максу: «Государство не имеет средств для покупки сырья, в то же время строят памятник Карлу Марксу». Один из ораторов, выступавший на Сокольнической конференции, говорил: «Я считаю, что наши дорогие товарищи революционеры, погибшие за нас, ничего не будут иметь против, если мы им несколько лет позже построим памятники, а эти деньги, в которых мы нуждаемся, мы истратим для тех, которые живут».[635]

Очень остро рабочие реагировали на вновь появившиеся в 1920-е годы элементы «роскоши», на проявления «красивой жизни» «новой советской аристократии». Вот типичное выступление на эту тему: «Мы, низы, рабочие глубоко возмущены, как и в николаевское время возмущались, расходами верхушек. ... Вы забыли свое прошлое и тратите много зря. Сократите эти расходы, они возбуждают нас против вас».[636]

Многие замечали, что «не мешало бы Райкомам и МК также сократить накладные расходы, в особенности пользование автомобилями на разные ненужные поездки по городу, когда можно проехать на трамвае».[637] Рабочие с возмущением указывали на то, что слишком много денег тратилось на оборудование кабинетов различных ответственных работников:

---

[634] Там же, л. 3.

[635] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 36.

[636] Там же, л. 44.

[637] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 45об.

«Экономят на огарках в поездах и тратят тысячи на кабинеты. Смешно делать бархатную мебель и экономить на огарках». Часто встречались высказывания: «В страхкассах денег нет, а хозяева наши устраивают банкеты для иностранцев», «надо поменьше покупать автомобилей для роскоши», а также о том, что партийные и руководящие работники и чиновники «делают поездки заграницу, расходуя народные средства, не спрашивая рабочих!».[638]

Во второй половине 1920-х годов недовольство «бесхозяйственностью» стало перерастать в обвинения во «вредительстве» с требованиями применения к виновникам суровых наказаний. Термин «вредительство» начал все чаще встречаться в записках и выступлениях рабочих. Многие из них объясняли ухудшение качества выпускаемой продукции с «вредительством» вышестоящих организаций. В этой связи все чаще стали раздаваться требования «пропустить спецов через фильтр», провести «чистку» и сокращение специалистов.[639]

С «вредительством» начинали также связывать и выявлявшиеся факты бесхозяйственности и хищений на фабриках и заводах. По мнению ряда рабочих, искоренить злоупотребления и недостатки возможно было путем возрождения рабочего самоуправления и контроля над производством. Одновременно раздавались призывы вести с такими явлениями энергичную борьбу и сурово наказывать преступников.[640] Во многих письмах содержался резкий протест против «вредителей» с требованием применения к ним самых жестких мер. Так, работница фабрики «Свобода» в своем письме в газету «Рабочая Москва» сообщала: «Кипит возмущение в сердце каждого рабочего: 15 тысяч рублей сумел украсть бухгалтер нашего правления, 15 тысяч наших кровных и трудовых денег! ... Мягкость наших су-

[638] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 440, л. 22; д. 307, лл. 32об, 35об, 36.

[639] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 739, л. 3об; оп. 11, д. 439, л. 9.

[640] ЦАОДМ. Ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 3. об; оп. 11, д. 739, л. 3об.

дов не дает надежды, что преступник будет наказан по заслугам. Его нужно расстрелять во что бы то ни стало!».[641]

Таким образом, настроения рабочих второй половины 1920-х годов говорили об обозначившейся тенденции «жесткой руки», связанной с требованиями наведения порядка и применения жестких мер по отношению к виновникам экономических и хозяйственных трудностей - «вредителям». Многие рабочие, требуя суровой кары - расстрелов, призывали не давать коммунистам никаких привилегий и снисхождения в судах: «У них всегда найдутся революционные заслуги!».[642] В связи с этим в рабочей среде проявлялось резкое недовольство объявленной в 1927 г. широкой амнистией и частичной отменой смертной казни. Рабочие говорили: «Рано давать поблажку, наоборот, надо еще тверже проводить карательную политику!».[643]

[641] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 439, л. 9.

[642] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 307, л. 37.

[643] Там же, ф. 3, оп. 11, д. 435, лл. 1об, 2 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход к новой экономической политике создал совершенно новые условия для развития торговли, снабжения и удовлетворения потребительского спроса населения на промышленные и продовольственные товары по сравнению с предшествовавшим периодом. Именно в области торговли и снабжения введение НЭПа привело к наиболее быстрым и ощутимым результатам, непосредственно отражавшимся на повседневной жизни самых широких слоев населения.

К моменту введения новой экономической политики продовольственное положение в стране оставалось крайне тяжелым. Продуктов катастрофически не хватало и в феврале 1921 г. власти были вынуждены пойти на снижение норм выдачи хлеба. Рабочие группы «А» (стратегические крупные предприятия) вместо 600 г в день стали получать 400 г, а норма выдачи хлеба на остальных предприятиях составила всего лишь 133 г в день на человека.

В конце марта 1921 г. было принято постановление о свободной покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, которые ранее нормировались. В крупных городах были отменены применявшиеся ранее меры пресечения в отношении мелких торговцев - «мешочников», а сами факты такой «спекуляции» перестали регистрироваться. Как сообщалось в отчетах: «В виду узаконения свободного товарообмена самое понятие о спекуляции в юридическом смысле слова должно радикально измениться. ... Говорить о наблюдаемых явлениях свободной торговли как о спекуляции в прежнем ее значении не приходится, и без установленного законом приказа теперь трудно отличить действительную спекуляцию от свободной торговли».

Одновременно с разрешением продажи и обмена зерновых продуктов в городах и в уездах на рынке появилась масса предметов первой необ-

ходимости. Однако в первое время приоритет отдавался не организации свободной торговли, а попыткам наладить прямой безденежный товарообмен. Аппаратом для его проведения должны были стать кооперативные объединения, которые с апреля 1921 г. получили право самостоятельно заготовлять сельскохозяйственную продукцию.

Летом 1921 г. часть фабрик и заводов была переведена на коллективное снабжение, когда за отдельным предприятием закреплялся определенный денежный и продовольственный фонд заработный платы, исчисляемый по наличному составу рабочих. Тем не менее, коллективное снабжение не удовлетворяло даже минимальных потребностей рабочих. Нередко за продукты, получаемые через фабрично-заводской кооператив, с них вычитали сумму, равную почти всему месячному заработку. В связи с переводом значительного числа предприятий на коллективное снабжение были аннулированы продовольственные карточки и талоны на предметы первой необходимости, что вызвало дополнительное обострение продовольственного положения и встретило резкое недовольство со стороны рабочих. В тяжелом положении оказались предприятия, переведенные на самообеспечение в условиях гиперинфляции, стремительного обесценивания денег, хронической задержки заработной платы и острого товарного дефицита.

К концу лета 1921 г. экономическая ситуация в стране заметно ухудшилась. По сообщениям чрезвычайной комиссии, продовольственное положение стало критическим и из некоторых районов стали поступать сведения о голоде среди рабочих. Особенно тяжелой ситуация складывалась на государственных предприятиях, рабочие которых составляли две категории: одни снабжались по карточке «А» (крупные заводы и фабрики), а другие коллективно. При этом ни те, ни другие не получали ни денег, ни продовольствия как в порядке коллективного снабжения, так и по карточкам.

К осени 1921 г. стало очевидным, что организация государственного

снабжения сопряжена со значительными трудностями. Попытки наладить натуральный товарообмен через кооперативы из-за существовавшей острой нехватки промышленных товарных фондов и отсутствия соответствующего аппарата товарообмена не удались. Основным источником получения продовольствия становился вольный рынок, к которому рабочие могли прибегать все реже, «так как денег нет, а все, что можно было бы продать - давно продано».

Одним из способов самоснабжения городского населения стали коллективные или индивидуальные поездки в отдаленные регионы страны с целью самостоятельного товарообмена промышленных товаров на продукты питания. Как правило, предметы для обмена рабочие изготавливали сами или использовали выдаваемую им в качестве «натурпремий» часть изделий, производимых на предприятии (ситец, мыло, гвозди и т. п.). Несмотря на то, что заградительные продовольственные отряды были сняты еще ранней весной 1921 г., поездки за продовольствием были сопряжены с целым рядом трудностей. Рабочие были обязаны получить разрешение и специальные пропуска, что удавалось далеко не всегда. Наряду с поездками за продовольствием, еще одним из способов самоснабжения были так называемые «коммунальные огороды», организованные на отдельных предприятиях, на которых работало до 3/4 общего числа рабочих. Огородничество получило большое развитие на окраинах городов, в рабочих поселках и пригородах. Широкое распространение приобрела еще одна форма «самоснабжения» - систематические хищения с предприятий. Промышленные изделия, добываемые подобным образом, в дальнейшем обменивались рабочими на продукты.

Неудачные попытки наладить централизованную систему натурального товарообмена через посредство кооперации обусловили переход к денежному обмену и необходимость регулирования свободной торговли и денежного обращения. С осени 1921 г. активно начала развертываться гос-

ударственная и кооперативная торговля. Для осуществления более четкого контроля над рынком была проведена реорганизация торговых органов и укрупнение кооперативных объединений. Государственные магазины в основном специализировались на продаже винно-водочной продукции, мехов, ювелирных украшений, антиквариата, книг и предметов производственно-технического назначения. При этом большая часть представленной продукции оставалась недоступной для широких рабочих масс.

Главную роль в снабжении населения продовольственными и промышленными товарами играл частный сектор. Частный капитал концентрировался в сфере товарооборота, преимущественно в розничной торговле. Например, в январе 1923 г. в Москве имелось уже 27 753 торговых пункта, принадлежавших частным лицам. Преобладала палаточная и ларечная торговля. Основная масса населения отоваривалась на рынках, в мелких лавках и магазинах, составлявших около 96,7% от всех частных торговых заведений города. Большинство приобретавшихся в них промышленных изделий было кустарного производства.

Наиболее тяжелым было положение рабочих на государственных заводах и фабриках. Задержка выплаты жалования на 4 - 5 месяцев становилась обычной практикой, а материальное снабжение продолжало оставаться неудовлетворительным. Остроту ситуации не могла смягчить даже выдача пайков, которые часто оказывались недоброкачественными и не всегда нужными рабочим. По сведениям ГПУ, паек становился предметом обогащения спекулянтов, которым рабочие вынуждены продавать за бесценок получаемые продукты, хотя бы для того, чтобы возместить себе вычеты за них, исчисляемые иногда по рыночному кодексу цен. Цены в кооперативных магазинах почти не отличались от рыночных, а иногда и превосходили их, что определяло недееспособность потребительской кооперации. Жители ряда городов спасались от голода только связью с деревней или огородничеством.

К 1923 г. расхождение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары («ножниц цен») приняло общероссийский характер. Высокий уровень цен на промышленные товары в условиях низкой покупательной способности населения вызвал кризис сбыта, следствием которого стало значительное сокращение товарооборота. Осенью 1923 г. только за два месяца торговый оборот кооперации упал на 75%, государственного сектора - на 33%, частного - на 28%. Выходом из кризиса стал переход к государственному регулированию ценообразования, начавшийся с принудительного понижения розничных цен. При РКП(б) были организованы специальные комиссии по борьбе с дороговизной. Цены снижались преимущественно в государственной и кооперативной торговой сети на продовольственные товары первой необходимости - соль, сахар, чай, а затем на целый ряд промышленных товаров - одежду и обувь, мебель, посуду, лекарства.

Одним из следствий экономического кризиса середины 1920-х гг. стало развертывание полномасштабного наступления на частный сектор. Перед Наркоматом внутренней торговли была поставлена первоочередная задача вытеснения частника и овладения рынком. Фактически ограничение свободного рынка началось сразу после введения НЭПа. Уже весной 1922 г. на XI съезде РКП (б) В.И. Ленин сделал заявление о необходимости прекращения отступления и перегруппировке сил для последующего наступления на капиталистический сектор. Первые большие судебные процессы над частными предпринимателями состоялись еще зимой 1921/1922 г.

Наступление на частный капитал продолжалось в течение всех 1920-х гг. и усиливалось по мере восстановления экономики страны. На первоначальном этапе борьба велась преимущественно экономическими методами: путем увеличения налогообложения и сокращения банковского кредитования, лимитированием снабжения частных предприятий сырьем и введением ограничений на транспортные перевозки частных грузов.

К середине 1920-х гг. свернули свою деятельность многие торговые заведения и фирмы. Одновременно шел процесс ослабления частной промышленности. Ее доля в валовой продукции сократилась с 7,3% в 1923/24 г. до 5,4% в 1924/25 г. Во второй половине 1920-х гг. административные меры в отношении частной инициативы приняли массовый характер. В 1927 -1929 гг. начались массовые аресты и конфискации, означавшие отказ от постепенного вытеснения частника и начало стремительного разрушения рынка, связанного с окончательным формированием плановой централизованной системы в экономике.

Особую роль в снабжении населения товарами первой необходимости и продовольствием играл Высший Совет Народного Хозяйства. Перед ВСНХ ставились задачи планирования и координации работы в сфере народного хозяйства, торговли и финансов. Главным образом, к ним относились выработка общих требований, регулирующих экономическую жизнь страны, согласование и сведение воедино деятельности центральных и местных государственных учреждений, а также различных общественных организаций, причастных к процессу производства и распределения товаров широкого потребления. Помимо перечисленного, наряду с Наркоматами продовольствия, торговли и промышленности, Всероссийским Советом рабочего контроля, ВСНХ координировал совместную работу Центрального продовольственного комитета и различного рода совещаний, посвященных решению проблем материального обеспечения населения.

В целях успешного решения поставленных задач ВСНХ наделялся достаточно широкими полномочиями. Ему предоставлялось право окончательного решения вопросов распределения финансовых средств, конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности, торговли и социального обеспечения. Важной предпосылкой в надлежащей реализации мероприятий по обеспе-

чению населения продуктами и товарами широкого потребления являлось формирование в рамках системы совнархозов не только отраслевых, но и функциональных подразделений. Подобная дифференциация учреждений служила отражением осуществлявшейся работы по производству и распределению продукции. В число функциональных входили, в частности, отдел продовольствия и потребления ВСНХ, секция снабжения и распределения с подотделами законов и твёрдых цен. Отделы снабжения и распределения состояли, как правило, из четырёх служб - продовольственной, сырьевой, топливной и транспортной, хорошо сбалансированных и увязанных друг с другом. Наличие подобных отделов во всех звеньях системы способствовало более четкой организации процесса материального обеспечения населения.

В целях укрепления связей между регионами страны ВСНХ возобновил функционирование ярмарок, имевших широкую известность и солидную репутацию в дооктябрьский период (в первую очередь Нижегородской). ВСНХ и Наркомпрод стремились взять под контроль товарный обмен между аграрными районами Приволжья и Прикамья с одной стороны, и промышленными центрами северо-западной и центральной части России с другой. Активизация обменных операций в ходе ярмарочной торговли способствовала увеличению продовольственных и товарных фондов Советской России и облегчила решение многих вопросов в сфере обеспечения и материального снабжения трудящихся.

Важной мерой государственного контроля внутреннего рынка стало создание синдицированной сети торговых учреждений, функционировавших под контролем Высшего Совета Народного Хозяйства и включавших в свой состав производственные структуры (тресты). В подавляющем большинстве случаев синдицировались тресты тех отраслей промышленности и торговли, которые были связаны с рынком товаров, рассчитанных на массового потребителя.

Стабилизируя свое положение, укрепляясь организационно и экономически, интенсивно интегрируясь в разные сферы, синдикаты постепенно перешли к созданию своих отделений на местах. Формирование синдикатами ответвлений на периферии и активизация работы этих структур позволили в относительно короткие сроки разгрузить перенасыщенный рынок центрального промышленного района и переместить значительные объемы товарной массы в другие регионы страны. Здесь очень скоро вся продукция была реализована, причем уже на более выгодной для трестов основе. Немаловажно и то, что теперь промтовары проникали в глубинные местности страны, туда, где дефицит продукции широкого потребления ощущался населением предельно обостренно. О положительных результатах деятельности синдикатов, убедительно свидетельствовали показатели роста их торгового оборота. Так, сравнительная характеристика итогов торговых операций по состоянию на 1923-1924 гг. и 1924-1925 гг. хозяйственные годы показала, что сбыт 23 крупнейших синдикатов за названный период увеличился на 89%.

Направляемые государством синдикаты повели интенсивное наступление на частнопредпринимательскую торговлю, содействуя сокращению объема отправок продукции в данном направлении в пользу поставок в государственную и кооперативную торговую сеть. Так, поставки в 1924 и 1927 г.г. показали уменьшение объема продукции, переданной в частнопредпринимательскую сеть на 4,6% (с 18% до 13,4 %) и увеличение поставок на 8% (с 36,4% до 44%) кооперации. Причем в руки частника чаще всего передавалась неходовая или менее ходовая продукция, пользовавшаяся пониженным спросом населения.

В середине 1920-х гг. стала ощущаться особая роль синдикатов в организации торговли импортными товарами широкого спроса. С 1924 г. наблюдалась тенденция повышения покупательной способности населения. Учитывая, что спрос на многие товары не мог быть удовлетворен за

счет увеличивающегося предложения внутри страны, Совет Труда и Обороны принял решение о выделении средств на приобретение необходимой продукции за рубежом. Синдикаты получили право организации закупочных операций на внешнеторговом рынке. По согласованию с Наркоматом внешней торговли, синдикаты открыли в ряде стран свои торговые представительства, осуществлявшие в соответствии с экспортно-импортными планами Наркомвнешторга закупочные, товарообменные и торговые операции.

В целом, торговый аппарат Высшего Совета Народного Хозяйства сделал немало для формирования внутреннего рынка страны и сыграл положительную роль в организации материального обеспечения населения, возрождении экономики государства в условиях НЭПа.

Ведение НЭПа означало отказ от централизованной системы распределения и снабжения периода «военного коммунизма» и ознаменовало собой начало восстановления и дальнейшего развития торговли.

Большевики не скрывали исключительного значения организации торговли, поскольку ощутили на своем военно-коммунистическом опыте, что только через торговый аппарат можно осуществлять связь госпромышленности с крестьянским рынком. Правда, партийное руководство, уже тогда имело однозначный взгляд на торговлю: всякое усиление кооперации и госторговли трактовалось как безусловное расширение сферы социалистического хозяйства и, наоборот, всякое их ослабление - как расширение сферы капиталистических отношений. Подобные упрощенные подходы сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода.

Большевики отмечали и основные «минусы» государственной торговли, а именно: слабую гибкость, громоздкость, бюрократизацию, недостаточную приспособленность к обслуживанию многомиллионных потребителей. Но они полагали, что с помощью упорной работы партии можно устранить эти «недостатки».

В среде большевиков встречались умеренные и радикальные взгляды на организацию частной торговли в годы НЭПа. Некоторые лидеры партии (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Ф.Э. Дзержинский, А.М. Лежава) достаточно сдержано оценивали перспективы замены частного торговца государственной торговлей и кооперацией, особенно в рознице. Наиболее ортодоксальные (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Микоян, Ю. Ларин, Л. Крицман и др.), напротив, торопили события, связывая многие негативные явления в товарообороте с существованием частника (оптово-розничные «ножницы», обострение товарного голода, спекуляция). Например, Л.Б. Каменев уже в конце 1924 г., подводя итоги введения регламентации розничных цен на соль, керосин и сахар, восклицал: «Мы можем преследовать частных торговцев. Это очень большой шаг вперед».

В первой половине 1920-х гг. в целом большевистские вожди были достаточно терпимы к частной инициативе на внутреннем рынке, поскольку тогда существовала крайняя необходимость подъема товарооборота и укрепления через него связи города с деревней. Лидеры партии видели в товарном голоде опасность дезорганизации народного хозяйства. Например, Н.И. Бухарин прямо называл товарный голод формой кризиса, настаивал на его быстрейшей ликвидации. Правда, ни он, ни другие сторонники ликвидации товарного голода не подвергали сомнению правильность политики цен, что в значительной степени ослабляло их позицию. Более последовательны были те партийные руководители (В.В. Куйбышев, А.И. Микоян), которые усматривали положительное воздействие товарного голода на все народное хозяйство. Например, А.И. Микоян утверждал, что «товарный дефицит имеет громадное положительное значение - при нем промышленность получает величайший толчок со стороны рынка к быстрейшему росту и увеличению продукции... он неизбежен и страшиться его нечего». Такие подходы разрушали торговлю и утверждали необходимость административного распределения товаров (планы завоза, генеральные до-

говоры и т.п.).

В годы гражданской войны функции обеспечения населения промтоварами и продовольствием временно выполняли ВСНХ и Наркомпрод. В 1921 г. торговые управления ВСНХ и Компрода (Главпродукт) были реорганизованы. Вместо них 9 мая 1922 г. при Совете Труда и Обороны возникла Комиссия внутренней торговли, действовавшая до 1924 г., когда она уступила свое место сформировавшемуся Наркомату внутренней торговли. Появление новой структуры положило начало строительству государственной системы торговых учреждений, поиску иных форм и методов работы. Комиссариат состоял из ряда управлений, одним из основных среди которых являлось Управление регулирования внутренней торговли. Объем и масштабность его полномочий убедительно свидетельствовали о ведущей роли данного подразделения в системе Наркомвнуторга СССР.

В компетенцию Наркомата внутренней торговли входил контроль над работой бирж, частных и государственных структур оптовой и розничной торговли. В первой половине 1920-х гг. государственная оптовая торговля осуществлялось под руководством отдельных ведомств. В частности, в Наркомпроде (до его ликвидации в 1924 г.) оптовыми операциями занимался мельничный отдел, отдел соляной торговли, объединение государственный молочных заводов «Госмолоко», «Госрыбпром» и другие организации. Все перечисленные организации состояли на хозрасчёте и располагали собственными торговыми структурами. После ухода с арены Наркомата продовольствия все они перешли в распоряжение Народного Комиссариата внутренней торговли.

Важной задачей Наркомата внутренней торговли стал контроль над работой общероссийских и региональных ярмарок, игравших заметную роль в оптовом товарообороте и снабжении населения товарами первой необходимости. Возобновить работу ярмарок стало первостепенной задачей государства, стремившегося оживить экономическую жизнь страны и

стабилизировать внутриполитическую обстановку. Ярмарки открывали дополнительные каналы для выхода Советской России на внешнеторговую орбиту, что в условиях 1920-х гг. имело чрезвычайное значение.

Следует отметить разностороннюю деятельность Наркомпрода по обеспечению населения продуктами питания в условиях преодоления последствий гражданской войны и восстановления народного хозяйства.

В начале 1920-х гг. сложилась крайне тяжелая ситуация на продовольственном рынке страны, усугублявшаяся перегибами государственной политики в отношении зажиточного крестьянства.[644] Как отмечал В.И. Ленин, - «это борьба только за хлеб, на самом деле - борьба за социализм».

Руководство партии и правительство еще в годы продразверстки предоставили Наркомпроду весьма широкие полномочия. При переходе к НЭПу были предприняты новые шаги по усилению позиций Наркомата. В марте 1921 г. СНК обнародовал декрет о предоставлении Народному Комиссариату продовольствия исключительного права издания необходимых документов правового характера по вопросам обеспечения населения продовольствием и предметами широкого потребления.645 С переходом к продналогу в недрах Управления заготовок Наркомпрода была сформирована на правах его отдела налоговая инспекция с разветвленной сетью своих звеньев в составе местных продкомитетов. При заготовительных конторах учреждались должности старших налоговых инспекторов с необходимым штатом работников, осуществлявших непосредственный контроль за надлежащим исполнением налоговых обязанностей по продовольствию и сырью. Инспекторский отдел Управления, располагая разветвленной сетью

---

[644] См.: Продовольственная газета. №132. 22 сентября 1921.

[645] См.: СУ РСФСР. 1921. №22. Ст. 136. Впоследствии, 9 сентября 1921 года, этот закон был дополнен декретом ВЦИК, воспрещавшим губисполкомам и экономическим совещаниям вносить какие-либо изменения в распоряжения Наркомпрода / СУ РСФСР. 1921. №65. Ст. 496.

своих низовых звеньев, функционировавших в качестве соответствующих продотделов местных продорганов, был наделен значительным объемом полномочий. Мероприятия по укреплению материальной базы продорганизации имели большое значение для обеспечения лидирующей и активной позиции Наркомата продовольствия среди многих учреждений государства, занятых в сфере снабжения. К 1923 г. Комиссариат уже располагал обширной сетью собственных предприятий, производивших продукты питания.

Наделяя Наркомпрод особыми полномочиями, правительство одновременно предъявляло весьма высокие требования и к самому продаппарату, добиваясь от него решительных действий по наведению порядка и пресечению всяких злоупотреблений и недобросовестности в деятельности центральных и местных продорганов. Особых забот и внимания потребовала организация питания детей. Декретом от 22 февраля 1921 г. «О мерах к осуществлению коммунального питания детей» Совнарком предусмотрел создание необходимых для этого запасов продовольствия, расходование которых для удовлетворения других нужд запрещалось самым ультимативным образом. Местные органы Компрода и Народного комиссариата просвещения производили распределение продуктов по столовым и раздаточным пунктам школ и детских учреждений.

Так старались делать не только в городских, но и сельских местностях страны. В целях улучшения положения детей, особенно беспризорных, ВЦИК и СНК учредили именные денежные фонды. Большое значение имели мероприятия, предпринятые Наркомпродом и Комиссариатом просвещения по организации столовых и раздаточных пунктов для осуществления коммунального питания детей в школах и детских учреждениях (декрет СНК от 22 февраля 1921 г.).

К середине 1920-х гг. Наркомпрод стал отдаляться от выполнения функций распределения продовольствия и превращаться в государствен-

ную структуру с чисто заготовительными функциями. Во многом это объяснялось задачей усиления нажима власти на частного сельхозпроизводителя.

Следствием наступления на частный капитал стало появление уже в 1924 г. проблемы «товарного голода». Заметны стали перебои с продовольствием, но особенно остро проявлялась нехватка промышленных товаров, прежде всего текстильной продукции. У магазинов появились длинные очереди, ставшие неотъемлемой частью городского образа жизни. Начиная с середины 1920-х гг. обострился дефицит практически всех основных продуктов питания (масла, мяса, молока, круп, картофеля, макарон, яиц и др.). Драки, давка и скандалы в магазинах стали обычным явлением. Быстро нараставший товарный дефицит усугублялся денежной эмиссией и ростом инфляции, приводившей к потере покупательной способности рубля. Форсирование индустриализации и кризис хлебозаготовок 1927/28 г. сопровождались началом массовых репрессий против частников, торговцев и крестьянства, что еще больше обостряло ситуацию. Частные предприниматели стали уходить с рынка, что вело к разрушению внутреннего товарооборота, когда тысячи людей теряли привычные источники снабжения. Слабое развитие государственно-кооперативного сектора торговли создавало условия для быстрого нарастания товарного дефицита.

Во многих районах образовались так называемые «пустыни» - области, в которых частные заготовители и торговцы уже исчезли, а государственно-кооперативная торговля еще отсутствовала. Даже в Москве, которая снабжалась лучше других городов, государственная и кооперативная торговля работала с большими перебоями, обеспечивая всего около трети потребности населения в продуктах.

В 1928 - 1929 гг. продовольственная ситуация продолжала ухудшаться. Новый кризис хлебозаготовок 1928/29 г. и продолжавшееся наступление на частный сектор и крестьянство с одной стороны, нараста-

ние индустриального бума и резкое увеличение численности городского населения - с другой, обуславливали дальнейшее ухудшение продовольственного положения. Особенно остро ощущалась нехватка хлеба и муки. Хлеб, всегда занимавший в рационе рабочих особое место, становился в периоды продовольственных затруднений основной, а иногда и единственной пищей. По словам самих рабочих, они за завтраком съедали от половины до целого килограмма хлеба.

К осени 1928 г. запасы хлеба в рабочих кооперативах были исчерпаны почти полностью, многие из них оказались перед угрозой закрытия. В отдельных районах выпечка ржаного хлеба была приостановлена, из-за нехватки зерна была прекращена продажа муки. Происходило значительное сокращение домашней выпечки, остававшейся в 1920-е гг. одним из важнейших элементов в структуре питания населения как сельских регионов, так и городов. Возник ажиотажный спрос на хлеб, и к зиме 1928 г. страну охватила «хлебная лихорадка». Многочисленные сводки ОГПУ свидетельствуют о разгромах хлебных магазинов и палаток, о драках и давках в очередях за хлебом. Рабочие бросали работу и уходили с предприятий для того, чтобы занять место у прилавка. Ситуация усугублялась потоками приезжих из соседних областей, скупавших и вывозивших хлеб.

Острый товарный дефицит вызывал необходимость введения нормирования продажи продовольственных товаров. Зимой 1928/29 г. кооперативы ввели неофициальные нормы отпуска хлеба - по 2 кг ржаного и не более 3 кг белого «в одни руки». В первую очередь снабжались рабочие, их хлебные нормы превышали нормы служащих и остальных групп населения. В феврале 1929 г. появилось официальное постановление о введении хлебных карточек, а сами карточки - заборные книжки, стали действовать уже с середины марта. Москва, как индустриальный центр, получила особый статус в новой системе государственного снабжения. Нормы выдачи хлеба в столице были выше, чем в других промышленных городах. Так,

предельная норма выдачи хлеба для московских рабочих составляла 900 г хлеба в день, а для членов рабочих семей и служащих - 500 г. Реальные нормы были меньше указанных в постановлении предельных норм и составляли 800 г хлеба в день для рабочих и 400 г для служащих. С введением карточек хлебное положение в Москве, как и в других крупных городах, несколько нормализовалось.

В начале 1929 г. разрушение крестьянского рынка, уменьшение посевов сахарной свеклы и крупяных культур вызвали «сахарный» и «крупяной» кризисы. Репрессии против крестьянства сопровождались также резким сокращением мясных ресурсов, следствием чего стал сильнейший «мясной кризис». Уже весной 1929 г. возник острый дефицит мясо-молочных продуктов. Поставки в рабочие кооперативы мяса, масла и молока иногда полностью прекращались, а завоз остальных продуктов питания носил случайный характер. Нараставший дефицит продовольственных товаров сопровождался быстрым ростом цен и дороговизны. В этих условиях, начиная с зимы 1928/29 г., в кооперативах по предприятиям и районам стали вводиться временные ограничения на покупку отдельных товаров.

По мере изменения курса менялись формы и методы деятельности государственных учреждений и организаций, усиливался осуществляемый ими пресс централизации. Все в большей степени огосударствлялась кооперация, все более усиливалась монополия государственных органов в рыночных отношениях и все энергичнее, решительней убирался из сферы материального обеспечения частный предприниматель. В дальнейшем постепенно были ликвидированы биржи, акционерные общества, ярмарки и др. Пока же в период с 1921 по 1929 гг. все они обнаруживали стремление доказать свое право на существование и активную деятельность. Период НЭПа оказался уникальным этапом сочетания государственного (ВСНХ,

Наркомпрод, Наркомторг) и частного (ярмарки, лавки и т.д.) снабжения населения товарами первой необходимости.

Широкие слои советского пролетариата не воспринимали НЭП как единую политику, определявшую новые социальные и экономические условия. Из всех реформ и мероприятий, проводимых в рамках перехода к НЭПу, рабочие выделяли лишь те, которые непосредственным образом касались их материального положения и затрагивали, главным образом, их экономические интересы. В частности, в связи с переходом к НЭПу в рабочей среде явно обозначилась тенденция протеста против свободной торговли. В этой связи многие отрицательно восприняли постановление о свободной покупке и продаже сельскохозяйственных товаров, принятое в марте 1921 г., и ликвидацию карточек на продовольственные товары и ряд товаров первой необходимости. Многие расценивали экономические трудности как следствие неправильной политики хозяйственных органов, неумелого руководства фабрично-заводской администрации и специалистов.

Настроения рабочих, их отношение к происходящим событиям и к текущей политике в основном характеризовались как обывательские, безразличные и неустойчивые. К концу 1921 г. значительное количество рабочих начало воспринимать переход к НЭПу как поворот назад: «новый курс экономической политики понимается как поворот к старому, и рабочие думают, что не сегодня - завтра вернутся старые хозяева». Многие из них расценивали введение новой экономической политики как отступление Советской власти с ее основных позиций, как реставрацию старого буржуазно-капиталистического строя.

Начавшийся летом 1921 г. процесс передачи части предприятий в аренду частным лицам встретил резкое недовольство со стороны рабочих. Большинство было склонно считать, что таким путем фабрики и заводы снова целиком переходят к прежним хозяевам и восстанавливаются старые капиталистические отношения. Рабочие многих предприятий, предназна-

ченных для сдачи в аренду, противодействовали введению рыночных отношений.

Положительные оценки новой экономической политики были во многом обусловлены частичным улучшением продовольственного снабжения, своевременной выдачей хлеба и других продуктов. В то же время, в связи с переходом к НЭПу в рабочей среде явно обозначилась тенденция протеста против свободной торговли. К середине 1920-х гг. само слово «НЭП» уже утратило свое первоначальное значение: новая экономическая политика. Со словом «НЭП» стало связываться значение «спекуляция» и «новые буржуазные слои». Анализ архивных материалов и документов показал, что к концу 1920-х гг. рабочие окончательно разуверились в идее создания пролетарского государства, о которой так много говорилось в пропаганде и официальных выступлениях послереволюционного периода.

Во многом этому способствовали трудности в материальном обеспечении населения. К концу 1920-х гг. утвердились нормы продажи основных продуктов питания и товаров первой необходимости. «В одни руки» отпускалось не более одного десятка яиц, 0,5 л растительного масла, 400 г. макарон, 500 г масла, 50 г. чая, 2 кг сахара, 1 кг мяса. Что касается промышленных товаров, то, например, хозяйственное мыло можно было приобрести лишь по кооперативной книжке в расчете 1 кг на три месяца на человека. Ткани также покупались по книжкам, хлопчатобумажные - 12 м. на 3 месяца. Остальные товары продавались только по специальным талонам.

Недовольство рядовых граждан вызывало нормирование товаров, наличие карточной системы снабжения и соответствующей системы распределения, основанной на принципе социальной дифференциации. Уже в октябре 1929 г. появились первые официальные постановления о нормах снабжения по основным продуктам питания: хлеб, крупа, сахар, чай, сельдь, масло, мясо, яйца. Постановления официально утвердили и регла-

ментировали уже существовавшую практику снабжения. В созданной системе распределения рабочие имели ряд преимуществ по отношению к другим слоями населения. Нормы, установленные для рабочих, были выше их фактического потребления в 1928/29 г. и выше, чем нормы других групп трудящихся. Так, рабочий получал, 200 г мяса в день, служащий - только 100 г. Несмотря на введение системы нормирования, осенью 1929 г. продовольственная ситуация продолжала ухудшаться, что привело к дальнейшему нарастанию общественного недовольства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 130 - Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР)

Фонд 5446 - Совет Народных Комиссаров СССР (СНК СССР)

Фонд 1058 - Полномочные представительства правительств РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим

Фонд 1065 - Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при ВЦИК

Фонд 8350 - Главный Концессионный Комитет при СНК СССР (ГКК при СНК СССР)

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 2 - В.И. Ленин

Фонд 5 - Секретариат председателя СНК и СТО В.И. Ленина

Фонд 17 - Центральный Комитет РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)

Фонд 19 - Совнарком

Фонд 670 - Г.Я. Сокольников

Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ)

Фонд 3 – Московский Комитет ВКП(б)

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Фонд 8346 - Всесоюзное объединение по импорту машин, оборудования и механизмов

Фонд 7733 - Министерство финансов СССР (Минфин СССР), 1917 - 1923 гг. - Народный комиссариат финансов РСФСР (Наркомфин РСФСР), 1923-1946 гг. - Народный комиссариат финансов СССР (Наркомфин СССР)

Фонд 3429 - Высший Совет Народного хозяйства РСФСР (ВСНХ РСФСР)

Фонд 478 - Народный комиссариат земледелия РСФСР (Наркомзем РСФСР)

Фонд 413 - Министерство внешней торговли СССР (Минвнешторг СССР); 1917 -1920 гг. - Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР (Наркомторг РСФСР); 1920 - 1922 гг. - Народный комиссариат внешней торговли РСФСР (Наркомвнешторг РСФСР); 1922 - 1925, 1930 - 1946 гг. - Народный комиссариат внешней торговли СССР.

Фонд 5240 - Народный комиссариат внешней и внутренней торговли (Наркомторг) СССР, 1925-1930 гг.

Документы партии и правительства

IV сессия ВЦИК IX созыва. 23-31 октября 1922г.: Стеногр. отчет. М., 1922. Бюл. № 5.

VIII Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1921.

XI съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1922.

XII съезд РКП (б): Стенографический отчет. М., 1963.

XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.

XIV партконференция. Стенографический отчет. М.-Л., 1925.

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1926.

XVII конференция ВКП(б). Стенограф, отчет. М., 1932.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927.

Т. 1. 1988.

Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. М., 1996.

Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР. 1924-1929.

Второй съезд Советов СССР: Стеногр. отчет. М., 1924.

Декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // СУ. 1921. № 26. Ст. 147.

Декрет СНК О размере продовольственного натурального налога на 1921/22 гг. // СУ. 1921. № 26. Ст. 148.

Декреты Советской власти. - М., 1971.

Десятый Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. М.,1922. Бюл. № 4.

Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963.

Документы внешней политики СССР. М., 1959.

Индустриализация СССР. 1928-1932 гг. Документы и материалы. М., 1970.

Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.-Л., 1933.

Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Из архива Льва Троцкого в 4-х тт. 1988. Т.1.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1984.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954.

НОТ в СССР. Справочник. М., 1924.

О расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. // СУ. РСФСР. 1921. № 63. Ст. 458.;

О расширении прав государственных предприятий в области финан-

сирования и распоряжения материальными ресурсами. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. // СУ. РСФСР. 1921. № 63. Ст. 458.;

Об очередных задачах экономической политики. Резолюция XIII партконференции // КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. М., 1970. Т. 2.

Об очередных задачах экономической политики. Резолюция XIII партконференции // КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. М., 1970. Т. 2.

Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.

Основные начала землепользования и землеустройства: Сборник статей, докладов, материалов. М., 1927.

Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и развитию производства. Постановление СТО от 12 августа 1921 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т.I. М., 1957.

Первые шаги индустриализации СССР (1926 - 1927 гг.). Сб. док. М., 1959.

Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

Письма И.В. Сталина - В.М. Молотову. 1925-1936 гг. (Сборник документов). М., 1995.

Пленум ВСНХ. 14-23 сентября 1918 года. Стенографический отчет. М., 1919.

Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2.: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930-1941 гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2002.

Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1964.

Резолюции 2-й Всесоюзной конференции по НОТ. М., 1924.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967). М., 1967.

Служебная записка Ф.Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) генеральному секретарю И.В. Сталину. 9 июля 1924 г. // Индустриализация Советского Союза: Новые документы.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. М., 2000.

Советское руководство Переписка. 1928-1942 гг. М., 1999.

Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1935.

СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 бюджетный год. М., 1930.

Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М., 1995.

Стенограммы пленума ЦК РКП(б). 3-10 окт. 1924 г. // Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. I. М., 1997.

Стенографический отчет Всесоюзного совещания руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий РКП (б) 3-4 февраля 1924 г. М., 1924.

Труды I Всероссийского съезда совнархозов. Стенографический отчет. М., 1918.

Управление народным хозяйством СССР. 1917-1940 гг. Сборник документов. М., 1968.

Финансовая политика за период с декабря 1920г. по декабрь 1921г. (Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов). М., 1921.

Литература

«Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927-1932 годы // Новый мир. 1993. № 4.

«Мы не решаем даже своей судьбы». Воспоминания и письма А.Г. Шляпникова. 1934 г. // Исторический архив. 2002. № 1.

«Ножницы», денежная реформа, зарплата и задачи комсомольца. М.,1924.

Мау В.А. Реформы и догмы. 1914-1929. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.

А. Платонов - писатель и философ. Материалы дискуссии // Вопросы философии. 1989. № 3.

Актуальные проблемы теории истории: Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 45-103.

Андреев А. Задачи социалистического строительства и организация работы НК-РКИ. - М., 1931.

Аннинский Лев. Откровение и сокровение. Горький и Платонов //Литературное обозрение. 1989. № 9.

Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е - начало 30-х годов. М., 1978.

Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925) М., 1940

Атлас З.В. Социалистическая денежная система. Проблема социалистических преобразований и развитие денежной системы СССР. М., 1969.

Атлас М.С. Развитие Государственного банка СССР. М., 1958.

Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России // СОЦИС. 1991. № 5.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.

Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7.

Базаров В.А.К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6.

Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.

Белякова А.М. О темпах экономического развития СССР. По материалам дискуссий 20-х годов. М., 1974.

Благих И.А. «Зигзаги» нэпа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989.

Боголепов Д. Кредитная теория финансирования промышленности // Экономическое обозрение. 1928. № 3.

Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924.

Богомазов Г.Г. Формирование основ социалистического хозяйственного механизма в СССР в 20-30-е годы. Л., 1983 .

Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самореализации. М., 1993.

Бокарев Ю.П. Денежная реформа 20-х гг. и ее последствия //Русский рубль. Два века истории XIX-XX вв. М., 1995.

Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989.

Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.

Брода М. История и будущее. Между панменталитетом и ментальным нигилизмом // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции в Москве, 29-31 окт. 1996. М., 1996.

Бруцкус Б. Взлет и распад Советского планового хозяйства // Современные записки. Париж, 1933. Т. 51.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Буров М.Б. Шефство заводов над госаппаратом. М., 1931.

Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения. М., 1988. С. 146-230. Бухарин Н.И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент.

Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.

Бухарин Н.И. К критике экономической платформы оппозиции: Уроки октября 1923 г. // Большевик. 1925. № 1. С.25-58.

Бухарин Н.И. Партия и оппозиционный блок. Л., 1926. С. 65-66.

Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.

Бухарин Н.И. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск, 1990.

Быков П.Д. Секции РКИ. М., 1929.

Вайнштейн А.Л. Итоги и конъюнктура 1925/26г. // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. № 11-12.

Вайнштейн А.Л. Итоги и основные процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11-12.

Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991.

Веселовский Б.С. Дневники 1915-1923 гг. // Вопросы истории. 2000. № 11/12.

Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996.

Волисполкомы и сельсоветы. М., 1924.

Вольман И.С. Кредитование под залог будущих вещей и строений // Кредит и хозяйство. 1928. № 8.

Вольман И.С. Обязательство, как обеспечение банковского кредитования // Кредит и хозяйство. 1928. № 2-3.

Вопросы банковой политики. М., 1922.

Воробьев Д.М. Носитель легитимности (Российская политическая традиция организации социального адреса Власти) // Полис. 2003. №5.

Воронин С.В., Чалхушьян С.Г. Перспективы денежного обращения и кредита в 1925/26 году и контрольные цифры Госплана Союза // Вестник финансов. 1925. № 11-12.

Воскресенский Ю.В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925-1927). М., 1969.

Вредительство ГПУ // Социалистический Вестник. 1933. 10 мая. № 6-7.

Вронский М.Г. За оздоровление денег (О денежной реформе). М., 1924.

Вторая всесоюзная конференция но НОТ. М., 1924.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики. М., 1988.

Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1927.

Гараи Л. Психоэкономическая система большевистского типа // ПОЛИС. 1993. № 1. С.42-77.

Генис В. Упрямый нарком с Ильинки //Сокольников Г.Л. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1995.

Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921-1923гг. М., 1969.

Гиндин И.Ф. К проблеме долгосрочного промышленного кредита // Вестник финансов. 1927. № 12.

Гинзбург А.М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // Экономическое обозрение. 1927. № 4.

Гинзбург А.И. Индустриализация СССР // Промышленность и народное хозяйство. Сб. статей. М., 1927.

Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.

Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 164-173.

Голанд Ю. Валютное регулирование в период нэпа. М., 1993.

Голанд Ю.М. Финансовая стабилизация и выход из кризиса. Уроки советского червонца // Коммунист. 1991. № 3.

Голиков В., Мурашов С., Чхиквишвили И., Штагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3.

Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994.

Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997.

Голосковер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.

Гольцман А. Основы организации советского государственного аппарата // Хозяйство и управление. 1926. № 12.

Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М., 2000.

Горин Н. Особенности психологического склада жителей России // Вопросы экономики. 1996. № 9.

Горинов М.М. Цакунов С.В. Преображенский Е.А.: Краткий очерк экономических взглядов //Известия АН СССР. Серия экономическая. 1990. №5. С.130-144.

Горохов В.А. Секции РКИ в деревне. М., 1930.

Грациози А. Крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 гг. М., 2001.

Греков А., Киселев В. Опыт борьбы с бюрократизмом. М., 1930.

Грик Н.А. Психологическая интерпретация произведений А. Плато-

нова и возможности постижения ментальности советского общества 20-х - начала 30-х годов // Культура как способ бытия человека в мире: Материалы II Всероссийской конференции, Томск, 12-14 октября 1998. Томск, 2000. С.360-363.

Гроф С. За пределами мозга. М., 1993.

Грум-Гржимайло В.Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело: Из жизни металлурга, рассказанная им самим. Екатеринбург, 1994.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1998.

Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6.

Гуревич А.Я. История и психология // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4.

Гуревич А.Я. История и социальная психология: источниковедческий аспект // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Гэтрел П. «Бедная» Россия: Роль природного окружения и деятельность правительства в долговременной перспективе в экономической истории России // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. С.206-242.

Далин Д. Народившаяся душа. // Социалистический Вестник. 1922.19 октября. № 20.

Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. М., 1999.

Данилов В.П. Доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

Данилов В.П., Славко Т.И. Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25-1927/28 гг. По данным налоговых сводок НКФ

СССР. М., 1977.

Данильченко С.Л. Партийно-государственное руководство внутренней торговлей Советской России в годы НЭПа (1921-1929 гг.). М., 2008.

Данильченко С.Л. Иностранные инвестиции в экономике СССР (1921-1929). М., 2009.

Данильченко С.Л. Иностранный капитал в народном хозяйстве СССР в условиях НЭПа. М.,.2009.

Данильченко С.Л. Советское государство и иностранный капитал в условиях НЭПа. М.. 2009.

Данильченко С.Л. Концессии в экономике нэповской России. М., 2011.

Данильченко С.Л. Трансформация концессий в советскую экономику в годы НЭПа. М., 2012.

Данильченко С.Л. Национально-государственная политика И.В.Сталина: от социального освобождения России к национальной независимости СССР. М., 2013.

Двинов С. Концессии в России. // Социалистический Вестник. 1926. 20 декабря. № 24.

Дезен А.А. Развитие промышленности и национальное накопление // Экономическое обозрение. 1927. № 4.

Денежная реформа: Сборник для агитаторов. М.,1924.

Денежное обращение и кредит. Т.1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914-1921) / Под. ред. С.В. Воронина и К.Ф. Шмелева. М., 1922.

Дергачева Н.П. Концессии. Л., 1925.

Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2 т. М., 1977.

Дзержинский Ф.Э. Промышленность СССР - основа социалистического строительства. М., 1925.

Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после

перехода к нэпу (1921-1924 гг.). М., 1971.

Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. М., 1978.

Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.

Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 54.

Донской В.Д., Иконников С.Н. Развитие ленинских идей о партийно-государственном контроле // Коммунист. 1962. №18. С. 36-37.

Дорохова Г.А. Рабоче-крестьянская инспекция в 1920-1923 гг. М., 1959.

Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917-1932 гг.). М., 1966.

Дроздов П.И. Государственный контроль за 30 лет // Вестник государственного контроля. 1949. №3.

Дроздов П.И. Ленин и Сталин в советском государственном контроле // Вестник государственного контроля. 1947. №9.

Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). М., 1978.

Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе социалистического государства. 1917-1925. М., 1947.

Дэвис Р.У. Кризис советской экономики. 1930-1933: Некоторые нерешенные вопросы // Экономические науки. 1990. № 1.

Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса 1930-1933 годы // История СССР. 1991. № 4.

Дэвис Р.У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // Нэп: приобретения и потери. М., 1994.

Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989.

Ефимкин А.П. Идея червонца и судьба ее автора // Экономика и ор-

ганизация промышленного производства. 1990 .№ 10, С. 150-159.

Железное В.Я. Наше денежное обращение перед реформой // Социалистическое хозяйство. 1924. .

Жибарев П.Б. Индустриализация СССР - великий подвиг Советского народа. М., 1969.

Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудим В.И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971.

Зеленский В.В. Аналитическая психология. Словарь (с английскими и немецкими эквивалентами). СПб., 1996.

Зиновьев Г. О стабилизации и перестраховках. Л., 1925.

Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.

Ильиных В.А. Государственное регулирование рынка Сибири в условиях нэпа (1921-1928 гг.) Новосибирск, 1998.

Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921-1927 гг.) Новосибирск, 1992.

Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972.

История КПСС. В 6-ти т. М, 1971.

История социалистической экономики СССР. В 7-и тт. М., 1976. Т

Каганов Г. В.И. Ленин о предпосылках денежной реформы //Деньги и кредит. 1969. № 2.

Калинин М. Избр. произв. М., 1960.

Каменев Л.Б. Доклад об очередных задачах экономической политики // Об очередных задачах экономической политики. Витебск, 1924. .

Каменев Л.Б. О ходе денежной реформы (Доклад на заседании Пленума ЦК РКП 31 марта 1924г.). М., 1924.

Канторович В. Промышленность общесоюзного значения в 1923-24

хозяйственном году // Социалистическое хозяйство. 1925. № 2.

Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989.

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.

Касьяненко В.И. НЭП и акционерное предпринимательство в России // Политическая история XX века. 1991. № 5.

Касьянова К. О русском национальном характере. М, 1994.

Каторгин И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921-1925). М., 1971.

Каценеленбаум З.С. Денежное обращение в России 1914-1924. М., 1924.

Каценеленбаум З.С. Кредитная система СССР и финансирование народного хозяйства народного хозяйства (1917-1927гг.) // Вестник финансов. 1927. № 11.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-середина 1930-х годов). СПб., 2002.

Кислицын С.А. «Шахтинское дело». Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-на-Дону, 1993.

Клевцов В. Группы содействия РКИ. М., 1932.

Ключевский В.О. Сочинения. М., 1990.

Ковальченко И. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2.

Козлов Г.А. Советские деньги. М.-Л., 1939.

Козлова Н. Как мы делали наш выбор // Свободная мысль. 1991. № 17.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.

Козлова Н.Н. Заложники слова? // СОЦИС. 1993. № 10.

Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хозяйства. 1927. №5.

Кондратьев Н.Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение. 8 октября 1927 г. // Известия КПСС. 1989. № 7.

Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства (Плановое хозяйство. 1927. № 4) // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. С.103.

Кондратьев Н.Д. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Доклад от Народного комиссариата Земледелия РСФСР на заседании президиума Госплана СССР, 4 июля 1925 г. // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4.

Кондратьев Н.Д. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. На заседании президиума Госплана СССР, 4 июля 1925 г. // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4.

Кондратьев Н.Д. План и предвидение // Пути развития сельского хозяйства. 1927. № 2.

Кондратьев Н.Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925.

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922. М., 1990.

Корицкий Э.Б. Возвращение к истокам // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов.

Коробков В. Фетиши нашей банковской идеологии // Экономическое обозрение. 1929. № 10.

Коротаев В.И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20-30-е годы). Учеб. Пособие. Архангельск, 1993.

Кочетков И.В. Зерновое хозяйство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. М., 2001.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988.

Красин Л.Б. Внешняя торговля и внешнеэкономическая политика Советского правительства. М., 1921.

Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли, М., 1928.

Крестинский Н. Наша финансовая политика. Пг., 1921.

Кретов Ф.Д. Классовое расслоение в деревне. М., 1927.

Кржижановский Г.М. Избранное. М., 1957.

Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. Л., 1989.

Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1926.

Крумин Г. В борьбе за социализм // Большевик. 1926. № 6.

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997;

Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 20-е годы. Учеб, пособие. Новосибирск, 1992.

Кузовков Д. Наши валюты // Вестник Коммерческой академии. 1924.

Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925.

Кузьмин В.И. В борьбе за социалистическую реконструкцию, 1926-1937.

Куйбышев В.В. Доклад на заседании партийной ячейки аппарата ВСНХ СССР о состоянии и задачах развития промышленности. 18 января 1928 г.// Избранные произведения. В 2-х т. М., 1988. Т.1.

Куйбышев В.В. Доклад о состоянии и перспективах развития промышленности СССР // IV съезд советов СССР. Стенографический отчет. М., 1927.

Куйбышев В.В. Задачи ЦКК и РКИ по рационализации госаппарата в плане работ РКИ на 1925-1926 гг. Доклад на курсах работников РКИ 16 июня 1925 г. М., 1925.

Куперман Я, Эффективность политики регулирования товарных цен //Вестник финансов. 1925. X.

Куперман Я. Проблема регулирования современной банковской системы СССР // Вестник финансов. 1926. № 5-6.

Лавров А.И. В стране экспериментов. Харбин. 1934.

Ларин Ю. У колыбели. // Народное хозяйство. 1918. № 11.

Лацис В.Р. Проблемы классовой борьбы // Пути сельского хозяйства. 1925. № 1-2.

Лацис О. Проблемы темпов в социалистическом строительстве. Размышления экономиста // Коммунист. 1987. № 18.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация и ее освещение в советской историографии. М., 1975.

Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться / Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике 29 октября / Полн. собр. соч. Т. 44.

Ленин В.И. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда / Полн. собр. соч. Т. 42.

Ленин В.И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) / Полн. собр. соч. Т. 31.

Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин / Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Как организовать соревнование? / Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) / Полн. собр. соч. Т. 53.

Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше / Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Материалы к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» / Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. О кооперации / Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. О международном и внутреннем положении советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. / Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. О работе наркомпроса / Полн. собр. соч. Т. 42.

Ленин В.И. Очередные задачи советской власти / Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В.И. Планы брошюры «О продовольственном налоге» / Полн. собр. соч. Т. 43.

Ленин В.И. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. Газетный отчет / Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В.И. Тезисы письма «О «двойном» подчинении и законности» / Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969.

Ленинский сборник. Микоян А. Диспропорция и товарный голод // Большевик. 1926. № 23-24.

Лившиц Ф.Д. Безденежные расчеты и их перспектива в СССР // Финансы и народное хозяйство. 1929. № 2.

Лившиц Ф.Д. Проблема советского векселя // Вестник финансов. 1929. № 6.

Лунев А.Е. Государственный контроль в СССР. М., 1951.

Лупандин К.К. Учет требований по открытым счетам // Кредит и хозяйство. 1929. № 2.

Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921-1929. Саратов, 1996.

Лютов Л.Н. Некоторые проблемы хозяйственного механизма в промышленности России в литературе 20-х годов // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996.

Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа (1921-1929 гг.) Саратов, 1994.

Майминас Е. Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996.. № 9

Майминас Е. Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. № 9.

Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989.

Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. М., 2002.

Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика - ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. 1996. № 4.

Маневич В. История развития советской экономической мысли в 20-х годах // Вопросы экономики. 1989. № 10.

Маневич В.Е. Проблемы теории денежного обращения в советской экономической литературе 1917-1926 годов. М., 1979.

Мануйлов А. Обращение банкнот // Вестник торговли, промышленности и транспорта. 1923. № 3.

Мануйлов А. Экономическое значение низких хлебных цен // Социалистическое хозяйство. 1925.

Маньков А.Г. Из дневника рядового человека. 1933-1934 гг. // Звезда.1994. № 5.

Мау В.А. Реформы и догмы. М, 1993.

Мельникова А.С. Твердые деньги. М., 1973.

Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов науч. конф. в Москве, 29-31 окт. 1996. М., 1996.

Мец Н. Наш рубль. М., 1969.

Микоян А. К вопросам хлебной компании. // Большевик. 1926. № 19-20.

Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Париж, 1927.

Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Париж, 1927.

Миронов. Новые твердые деньги. М., 1924;

Митина О.В., Петренко В.Ф. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993.

Молчанов С. Себестоимость промышленной продукции на первом этапе пятилетки // Экономическое обозрение. 1930. № 3.

Молчанов С. Себестоимость промышленных изделий в 1926/27 г. // Экономическое обозрение. 1928. № 3.

Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2.

Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах (Очерки по теории и методологии вопроса). М. 1928.

Народное хозяйство РСФСР в 1924/25 г. (Сборник обзоров по важнейшим отраслям народного хозяйства в 1924/25 г.) Под ред. Н.Д. Кондратьева. М., 1926.

Натуральное и денежное обложение сельского хозяйства. Материалы Института экономических исследований. М., 1924.

Наумов Л. Что такое денежная реформа. М., 1924.

Наше Отечество. М., 1991.

Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР 1917-1936 гг. М., 1962.

Неретина Л.А. Реорганизация государственной промышленности в 1921-1925 гг.: принципы и тенденции развития // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921-1929 гг.). СПб., 1997.

Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2.

Ноймайр Антон. Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон, Гитлер, Сталин. Ростов-на-Дону, 1997.

НЭП и хозрасчет. М., 1990.

Оболонский А.В. Сталинизм и общество: морально-психологический аспект // Государство и право. 1993. №3.

Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР. М., 1978.

Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. М., 1996.

Орджоникидзе Г.К. Доклад на съезде // XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. 26 января - 10 февраля 1934 г. М., 1934.

Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. В 2-х т. М. 1957.

Орджоникидзе С. Профессиональные союзы и борьба за улучшение государственного и хозяйственного аппаратов. М., 1927.

Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1997.

Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935. М., 1993.

Островский А. Рабочий и чистка госаппарата. М., 1930.

Очередные вопросы финансовой политики. Сборник статей. Вып. 1-2. М., 1922.

Очередные задачи улучшения госаппарата (по материалам НК РКИ СССР). М., 1930.

Очерки историографии советского общества. М., 1967.

Павлов К. Новые книги по экономической политике // Экономическое обозрение.1929. № 1.

Павлов К. Проблемы долгосрочного кредитования промышленности // Экономическое обозрение. 1928. № 3.

Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.

Павлова И.В. Сталинизм: Становление механизма власти. Новосибирск, 1993.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского нэпа. М., 1996.

Пайпс Р. Русская революция. М., 1994.

Первушин А.С. Основные явления в области народного хозяйства СССР в первом квартале 1926/27г. в связи с основными явлениями 1925/26 г. // Экономическое обозрение. 1927. № 2.

Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997.

Петраков Н. Золотой червонец: вчера и завтра //Новый мир. 1987. №8.

Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975.

Покровский М.Н. Новая книга по новейшей истории (Н. Рожков «Русская история в сравнительно-историческом освещении. Основы социальной динамики»). Том 12. Финансовый капитализм в Европе и революция в России. // Большевик. 1926. № 12.

Поляков Ю.А. 20-е годы: настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. 1989. №10.

Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.

Поляков Ю.А., Дмитриенко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М, 1982.

После победы // Социалистический Вестник. 1925. 6 декабря. № 23.

Преображенский Е. Классовые нормы пролетариата после завоевания власти // Каким должен быть коммунист. Старая и новая мораль. М., 1926.

Преображенский Е. Финансы и новая экономическая политика. М, 1921.

Преображенский Е. Экономические заметки //Большевик. 1926. № 6.

Преображенский Е.А. Задачи нашей финансовой политики //Новая экономическая политика (Сборник материалов). Вып.5. Казань, 1921.

Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.

Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.

Преображенский Е.А. Финансы в эпоху диктатуры пролетариата

//Социальная революция и финансы. Сборник к III конгрессу Коммунистического Интернационала. М., 1921.

Преображенский Е.А. Финансы в эпоху диктатуры пролетариата. М., 1921.

Пришвин М.М. Леса к государевой дороге. 1909-1930. Из дневников // Наше наследие. 1990. №2.

Проблемы долгосрочного кредитования промышленности. М., 1928.

Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на V съезде Госпланов. М., 1929.

Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923.

Прокопович С.Н. Что дал России нэп // Нэп. Взгляд со стороны: Сборник. М., 1991.

Прошение В.Е. Грум-Гржимайло об увольнении от должности председателя НТС черных металлов. 18 июля 1928 г. // Грум-Гржимайло В.Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело. Екатеринбург, 1994.

Пути развития: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. Л., 1990.

Пятаков Г.Л. Концессионная политика в лесном деле // Лесопромышленное дело. 1923. № 5-6.

Рабочая жизнь. \\ Социалистический Вестник. 1924. 1 декабря. № 22-23.

Рагольский М.Н. Денежное обращение в Советской России. Саратов, 1924.

Радецкий Ф.К. Что такое банкноты? М., 1923.

Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: Психоаналитическое исследование. М., 1996.

Ранкур-Лаферриер Д. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М., 1996.

Рационализация техники госаппарата. Очерк работы ИТУ / Под ред. Е.Ф. Розмирович. М., 1930.

Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Реорганизация управления промышленностью. М., 1929.

Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2.

Речь Ф. Дана на VIII съезде Советов. // Социалистический Вестник. 1921. 16 февраля. № 2.

Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство// НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

Роговин В. Неизвестный Троцкий // Аргументы и факты. 1990, №38.

Розентул С. Денежная реформа (Борьба за устойчивые деньги). Харьков, 1924.

Российская повседневность. 1921-1941 гг.: Новые подходы/Доклады, сделанные на международной междисциплинарной конф. 16-19 авг. 1994 г. СПб., 1995.

Россия и азиатские народы. // Вестник НКИД. 1919. 13 августа, № 2. С. 7.

Рудзутак Я. Наши задачи в период реконструкции. Доклад на VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ 17 июня 1929 г. М., 1929.

Русская история: проблемы менталитета. Тезисы науч. конф. М., 1994.

Рыков А.И. Ближайшие перспективы народного хозяйства СССР (Доклад в Деловом клубе 11 дек. 1923 г.) // Статьи и речи. В 4 т. М.-Л., 1928.

Рыков А.И. Статьи и речи. М., 1929.

Рябов Н. Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. М., 1951.

Северьянов М.Д. Капитализм в Советской России 1917-1937. Крас-

ноярск, 2001.

Северьянов М.Д. Нэп и современность: политические заметки. Красноярск, 1990.

Сенин А.Г. Алексей Иванович Рыков // Вопросы истории. 1988. № 9.

Сигал Б.В. Итоги денежной реформы. Харьков, 1925.

Симонов В.В., Фигурновская Н.К. Послесловие. Особое мнение // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. Кн. 1. М., 1993.

Симонов Н.С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922-1924 гг. // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927) // История СССР. 1990. № 5.

Скворцов Л.И. Роль кредита в индустриализации СССР. М., 1951.

Смилга И.Т. Восстановление хозяйства СССР и реконструкция его производительных сил. М., 1925.

Смушков В. Бумажные деньги. М., 1924.

Смышляев В.А. Торжество ленинского кооперативного плана. (Историографический очерк истории коллективизации сельского хозяйства). Л., 1972.

Советская историография. М., 1996.

Советские фанаты // Социалистический Вестник. 1926. 20 декабря. № 24.

Соколов А.А. Несколько вопросов связанных с нашей денежной реформой // Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. III.

Соколов А.А. Проблемы денежного обращения и валютной политики. М, 1923.

Соколов А.А. Учетный процент, как регулятор товарных цен // Вестник финансов. 1926. № 1.

Сокольников Г.Я. Борьба с финансовым развалом: (Докл. НКФ на ГУ

сессии ВЦИК в окт. 1922). М.,1922.

Сокольников Г.Я. Денежное обращение и экономика Советской России. М., 1922.

Сокольников Г.Я. Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания. М., 1926.

Сокольников Г.Я. Тресты и советское государство // Правда. 1922. 3 ноября.

Спектатор М.И. Значение индустриализации в мировой экономике // Промышленность и народное хозяйство. Сб. статей. М., 1927.

Спиридонова М. Горький: диалог с историей. М., 1994.

Сталин И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете // Соч. Т. 7.

Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП. Доклад на курсах укомов при ЦК // Соч. Т.6.

Сталин И.В. Соч. Т. 5-11. М., 1952.

Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996.

Старков Б.А. Переход к «политике разгрома». Шахтинское дело // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990.

Степанов И.И. Об иностранных концессиях. М., 1920.

Странник. Рабочий вопрос в частных предприятиях. // Социалистический Вестник. 1922. 1 января. № 1.

Странник. Социально-политическое обозрение. Рабочая политика в частных предприятиях. // Социалистический Вестник. 1921. 18 ноября. № 20.

Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М., 1927.

Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1958.

Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879-1929. История и личность. М.,

1991.

Танаевский В. Денежная реформа. Вятка, 1924.

Творчество Андрея Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж, 1970.

Тительбаум Н. Денежные сбережения в СССР // Статистическое обозрение. 1928. № 12.

Тлейзер М.М. Советский червонец //Вопросы истории. 1978. №2.

Тополянский В.Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М., 1996.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. М., 2000.

Троцкий Л.Д. Уроки Октября: С приложением критических материалов 1924 года. СПб., 1991.

Троцкий Л. Сталин. В 2-х тт. М, 1990.

Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994.

Троцкий Л.Д. К социализму или капитализму? М.-Л, 1925.

Троцкий Л.Д. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции (Доклад на IV конгрессе Коминтерна). М., 1923.

Троцкий Л.Д. Путь к единому хозяйственному плану. Из доклада на VIII съезде Советов (22-29 декабря 1920 г.) / К истории русской революции. М., 1990.

Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. М., 1994.

Турецкий Ш. Качественные показатели и индустриализация // Пути индустриализации. 1930. №17-18.

Ульянова С.Б. Противоречия «режима экономии» в промышленности в 1920-х годах // Вопросы истории. 2003. № 6.

Фигурновская Н., Симонов В. Он не хотел бедности. Штрихи к портрету Н.Д. Кондратьева // Диалог. I990. № 1.

Филаретов К. Дозорные мартенов. М., 1929.

Финансовый фронт: Сборник статей. Тамбов, 1923.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921-1922). Красноярск, 1988.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993.

Цакунов С.В. В лабиринтах доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994.

Цейтлин Е., Никулихин Я., Леонов, Ф. Переворот в ленинизме, совершаемый т. Зиновьевым (по поводу книги «Ленинизм»). // Большевик. 1926. № 1.

Цыбульский В.А. Нэп и денежная реформа 1922-1924 гг. // История СССР. 1972. №.4.

Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.

Челинцев А.Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2.

Черных А.И. Становлении России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.

Чешков М.А. Исторические аналогии в контекстах сознания и познания // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. Сборник статей. М., 1992.

Чинчиков А.М. Советская историография социалистического преоб-

разования сельского хозяйства СССР (1917-1969 гг.). М., 1971.

Чичерин Г.В. Вопросы международной политики. Доклады и ноты Г.В. Чичерина. Саратов, 1920.

Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

Шаров С. О реформе сельскохозяйственного обложения // Плановое хозяйство. 1925. №11.

Шахновская С.В. Проблема реконструкции финансовой системы // На новом этапе социалистического строительства. Сборник статей. В 2-х тт. М., 1930.

Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995.

Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 - август 1931). Париж, 1991.

Шишкин В.А. В борьбе с блокадой. О становлении советской внешней торговли. М., 1970.

Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.) СПб., 1997.

Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917-23 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969.

Шишкин В.А. Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924-1929 гг.) Спб., 1991.

Шкловский Г., Челяпов Н., Хаевский М. Чистка как метод борьбы за пролетарский аппарат. М., 1932.

Шлейфер И.О. Денежная реформа. М., 1924.

Шмелев В., Кузин И. Контроль масс. М., 1933.

Штейн В.М. Червонная валюта. Пг., 1923.

Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. М., 1987.

Экономическая политика Советского государства. М., 1976.

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996.

Югов А. Политика концессий // Социалистический Вестник. 1928. 28 октября. № 20.

Юнг К.Г. Настоящее и будущее // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. М., 1995.

Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. М., 1995.

Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти. (1917-1927). М., 1928. С.130.

Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. М., 1928.

Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12.

Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. 2-е изд. М., 1924.

Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1926.

Юровский Л.Н. Основы кредитной политики. М., 1929.

Юровский Л.Н. Современные проблемы денежной политики. М., 1926.

Яковлев Я.А. Сельское хозяйство и индустриализация. Доклад в Комакадемии. М.-Л., 1927.

Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999.

Диссертации и авторефераты

Виноградов С.В. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы нэпа, 1921-1927 гг. (На материалах Поволжья). М., 1998.

Воронин А.В. Кооперативная политика советской власти на европей-

ском Севере: центральные и местные власти (1917-начало 30-х гг.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. СПб., 1997.

Демчик Е.В. Частный капитал города в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации: (На материалах Сибири): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.

Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства в политике Советского государства в 30-е - первой половине 80-х гг. (на материалах Урала). Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Екатеринбург, 1993.

Ищенко А.А. Денежная реформа 1922-1924 гг. в СССР и ее историческое значение. Дисс...канд. экон. наук. Киев, 1954.

Махарадзе А.Г. Денежная реформы в СССР (1922-24 и 1947 гг.). Дисс... канд. экон. наук. М., 1954.

Никулин В.В. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Центральном Черноземье, 1921-1929 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998.

Орлов И.Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы (1921-1927 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999 .

Поляченко А.С. Борьба Советского государства за укрепление рубля. Дисс...канд. экон. наук. М., 1952.

Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири 1921-1929 гг.: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994

Смирнов Г.А. Борьба большевистской партии за дальнейшее укрепление советского государственного аппарата в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (о деятельности ЦКК-РКИ). Дисс… канд. истор. наук. М., 1968.

Стецура Ю.Н. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20-30-е годы: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 1998.

Сучков В.В. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) и Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции СССР в период социалистической индустриализации страны (1926-1929 гг.). Автореф. дисс… канд. истор. наук. М., 1954.

Тарасов А. А. Денежная реформа 1922-1924 гг. в трудах Ленина и Сталина. Дисс...канд. экон. наук. М., 1953.

Хорошилов А.Н. Исторический опыт государственного управления народного хозяйства в условиях генезиса и эволюции республиканской формы правления в России (1917-1929 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

Шмелько Н.Е. Борьба КПСС за создание и укрепление Государственного контроля в 1921-1925 гг. Автореф. дисс… канд. истор. наук. Киев, 1954.

Иностранная литература

Day Richard. Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge, 1973.

Duck Harvey. German-Soviet Relations and the Anglo-Soviet Break. 1927.// Slavic Review. 1966. № 1. P. 66-83.

From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Ed. By R.W. Davis. New York, Cornell University Press, 1991.

Kotkin Stephen. Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1995.

Lyons Eugene. Assignment in Utopia. New York, 1937.

Mueller Gordon H. Rapallo Reexamined: A New Look at Germany's Secret Military Collaboration with Russia in 1922 // Military Affairs. 1976. №3. P. 109-117.

Rigby T. № The Lenins goverment. Sovnarkom 1917-1922. Cambridge univ., 1979.

Russia in Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Ed. By S. Fitzpatrick, A. Rabinovitch and R. Stites. Indiana University Press, 1991.

Sutton Anthony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917-1930. T. 1 Stanford, 1968.

Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917-1930. T. 1. Stanford, 1968.

Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917-1930. T. 1. Stanford, 1968.

Сведения об авторе

ДАНИЛЬЧЕНКО СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

Внучатый племянник Стефана Федоровича Данильченко - советского военачальника, генерал-майора, участника Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, а также операций по разгрому японской Квантунской армии, автора книги «Чапаев и чапаевцы», доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН. Основные научные направления - историческое и социально-экономическое развитие России, методология социально-экономических и исторических исследований, теория и история российского образования.

Данильченко С.Л. является автором более 170 работ, в том числе 11 монографий, 10 учебников и учебных пособий, а также одним из авторов учебника в двух книгах «Новейшая отечественная история. XX век» (М.,2004), учебников «Экономическая теория: политическая экономия национального хозяйства» (М.,2011), «Экономическая теория в вопросах и ответах: политическая экономия национального хозяйства» (М.,2012). Данильченко С.Л. - автор серии опубликованных комплексных исследований: «Партийно-государственное руководство внутренней торговлей Советской России в годы НЭПа (1921-1929 гг.)» (М., 2008), «Иностранные инвестиции в экономике СССР (1921-1929)» (М., 2009), «Советское государство и иностранный капитал в условиях НЭПа» (М., 2009), «Иностранный капитал в народном хозяйстве СССР в условиях НЭПа» (М., 2009), «Концессии в экономике нэповской России» (М., 2011), «Трансформация концессий в советскую экономику в годы НЭПа» (М.,2012), «Национально-государственная политика И.В.Сталина: от социального освобождения России к национальной независимости СССР» (М.,2013), «Пресса политических партий в информационном пространстве Российской Федерации (1991-2008 гг.)». (Уфа, 2016).

Участник международных и всероссийских научных конференций, в том числе постоянный участник межвузовского научного семинара «Индустриализация в России», аккредитованный эксперт в сфере образования, эксперт Всероссийского профессионального конкурса «Инноватика в образовании», эксперт проекта «Лучшие образовательные программы инновационной России», член Московского отделения Российского психологического общества РАН, член РОО «Союз писателей-переводчиков», член Чеховского общества при МГО СПР, член Севастопольского регионального отделения Российского исторического общества.

Научное издание

ДАНИЛЬЧЕНКО Сергей Леонидович

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕЙ
И СОЦИАЛЬНЫМ СНАБЖЕНИЕМ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПа
(1921-1929 гг.)

В авторской редакции

Подписано в печать 09.10.2014 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 20,90. Тираж 500. Заказ 480.

АЭТЕРНА
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «АЭТЕРНА»
450076, г. Уфа, ул. М. Гафури 27/2
http://aeterna-ufa.ru
info@aeterna-ufa.ru
+7 (347) 266 60 68